

ДАВИД
РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

*Перевод под редакцией
члена-корреспондента
Академии Наук СССР
М. Н. Смит*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

ДАВИД РИКАРДО

ПАРЛАМЕНТСКИЕ РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Для кого мы издаем законы: для
людей или для бревен и камней?»
(Из речи Рикардо 6 марта 1823 г.)

Настоящий том Сочинений Давида Рикардо содержит его парламентские речи за 1819—1823 гг. Так как в то время стенографии не существовало, то речи переданы не от первого лица, а по газетным отчетам, не всегда достаточно точным. И даже в таком, отнюдь не полном и не вполне точном изложении парламентские речи Рикардо являются весьма ценным дополнением к его теоретическим трудам.

Рикардо полностью использовал парламентскую трибуну в борьбе за то новое, проводником чего он являлся. Страстный поборник победы промышленного капитализма над весьма еще сильными феодальными устоями, он решительно выступал против алчности лендлордов и выгодных им хлебных законов. Он продолжал также смелую борьбу с хищниками из Английского банка и их покровителями — канцлерами казначейства.

Кроме борьбы экономического порядка, Рикардо в своих парламентских речах выступает и как последовательный борец за ряд демократических мероприятий. Эта сторона его деятельности оставалась до сих пор почти неизвестной. Весьма интересно поэтому познакомиться с выступлениями Рикардо против ханжества и лицемерия английских попов, с его борьбой за демократизацию избирательного права, за полную отмену пережитков феодальной регламентации производства; представляют также интерес некоторые его выступления, относящиеся к положению рабочих.

Наибольшее число речей посвящено все же финансовым вопросам, весьма острым в Англии того периода. Наводнение страны банкнотами Английского банка, являвшимися тогда основными бумажными деньгами, достигло в эпоху наполеоновских войн огромных размеров. На этой почве процветала бешеная спекуляция и росли доходы акционеров Английского банка, директора которого действовали под покровительством канцлеров казначейства. Как заявил Рикардо в одной из своих речей по вопросу о возобновлении платежей наличными, «тут

дело не столько в разногласиях между Английским банком и министрами... а, скорее, в разногласиях между министрами и Английским банком, с одной стороны, и всей страной, с другой»¹. Именно так и обстояло дело. Хотя закон о возобновлении платежей наличными был уже проведен через парламент, он все же имел еще много противников, поскольку он затруднял возможность легкой наживы и спекулятивных операций. Среди противников закона были лендлорды, получавшие от фермеров арендную плату, биржевые маклеры и различные «посредники» по правительственным операциям. Но в первую очередь противником быстрого проведения в жизнь нового закона являлся Английский банк, лишившийся возможности неограниченного выпуска своих банкнот. Рикардо так характеризовал позицию банка: «Несмотря на то, что срок для возобновления платежей наличными был несколько раз фиксирован, банк ничего не предпринял для осуществления этого. Директора банка не считали своей обязанностью принимать во внимание интересы государства»². Когда же три года спустя палата общин обсуждала вопрос о «возобновлении хартии Английского банка», Рикардо заявил, что «он порицает министров за то, что они заключили с банком столь недальновидные договора, сделавшие возможным получение банком таких огромных прибылей. Он будет изо всех сил возражать против возобновления хартии банка, ибо убежден, что каждый фартинг, полученный банком, должен принадлежать обществу»³.

Как идеолог промышленного капитализма Рикардо понимал, конечно, вполне определенно интересы «общества». Для него это — устойчивое денежное обращение, свобода торговли и отмена хлебных законов — словом, все, что содействовало развитию промышленного предпринимательства. Именно на этой почве он вел борьбу со своими противниками. О дальнейших судьбах денежного обращения, о деградации его, неизбежно связанной с развитием капитализма, Рикардо и не подумывал. Он твердо верил в благоустроенный и вечный промышленный капитализм.

В то же время теоретик Рикардо настойчиво требовал, чтобы понятия «обесценение» денег и «стоимость» денег отнюдь не смешивались.

«Уважаемый джентльмен и те, кто поддерживает его мнение, постоянно смешивают термины «обесценение» и «стоимость», — заявил он, возражая Уэстерну. — Деньги могут быть обесценены без того, чтобы упала их стоимость; они могут понизиться в

¹ Из речи от 24 мая 1819 г. См. настоящий том, стр. 26.

² Там же. См. стр. 30.

³ Из речи от 31 мая 1822 г. См. стр. 131.

стоимости, не будучи обесценены...»¹ В другом месте он указывал и на причины изменения стоимости металлических денег: открытие новых, более богатых рудников, изобретение новых машин по добыче и обработке металла — словом все моменты, вытекающие из теории трудовой стоимости. Борьба его за оздоровление денежного обращения была направлена не против изменений в стоимости самого стандарта, т. е. золота, «от этого, — заявил он, — не может быть избавлено никакое денежное обращение», но против изменений, являющихся «результатом произвола или интересов какой-либо торговой компании, которая до принятия этого билля (билль 1819 г. о возобновлении платежей наличными. — М. С.) имела власть увеличивать или уменьшать количество обращающихся денег...» Далее упоминается и «огромная власть, которой Английский банк обладал до 1819 г.»² Относительно результатов такого давления на денежное обращение Рикардо говорил вполне определенно в связи с неоднократными предложениями о внесении изменений в закон 1819 г. (о возобновлении платежей наличными). Такие изменения могут, по мнению Рикардо, причинить много зла. «Здесь говорилось, что мы не можем заставить рабочих согласиться на понижение заработной платы... Изменяя стоимость денег, мы в действительности изменяем распределение собственности. При повышении стоимости денег держатель государственных бумаг получает более значительную стоимость, но кто-то другой платит больше. То же самое и с рентой: землевладелец получает больше, а фермеру приходится платить больше»³.

Так Рикардо выявлял скрытые пружины аргументации противников оздоровления денежного обращения. Его борьба против них велась одновременно с борьбой за ликвидацию государственного долга Англии, т. е. против махинаций канцлеров казначейства с так называемым фондом погашения, созданным именно для ликвидации долга.

В 1819 г. депутат Гренфелл выступил с критикой некоторых махинаций такого рода и внес предложение об уменьшении нового займа для нужд текущего года с 24 млн. ф. ст. до 12 млн. ф. ст. В своей речи он отметил, что это предложение «встречало, как правило, возражения со стороны всех тех, с кем он советовался по этому вопросу. Возражал и канцлер казначейства. Единственным исключением был Рикардо, который сказал канцлеру казначейства, что если он считается лишь со своими собственными интересами, то согласится со своими коллегами — посредниками по займу, но если он будет считаться с интере-

¹ Из речи от 11 июня 1823 г. См. стр. 185.

² Там же.

³ Из речи от 9 апреля 1821 г. См. стр. 90. Здесь термин «стоимость денег» означает их рыночную цену.

сами государства, то выскажется... за заем в 12 млн. ф. ст.»¹ Это относится к предварительным переговорам, но и в самом парламенте, критикуя всевозможные министерские махинации с фондом погашения, Рикардо дал совершенно откровенную оценку поведению «министров его величества». «Но что говорят факты?—спрашивал он в одной из своих речей. — В 1813 г. тогдашний канцлер казначейства (Ванситарт) взял в течение года 8 млн. ф. ст. из фонда погашения и в то же время говорил в палате, что мы выплачиваем свой долг и что наши финансы находятся в самом блестящем состоянии, а через короткое время после заключения мира он сказал палате, что мы будем обладать более значительной казной, чем та, какой может похвастать любая страна. И все эти блестящие обещания бывший канцлер казначейства сделал как раз в тот момент, когда изымал из фонда погашения 8 млн. ф. ст. Но, к несчастью, это не была его единственная атака на этот фонд. Наоборот, это была лишь мелкая атака по сравнению с его нападениями на фонд погашения в последовавшее за этим время»².

В другой речи, возражая против предложения маркиза Лондондерри, Рикардо заявил, что «предлагаемый план является изменой общественному доверию, поскольку использование фонда погашения может быть изменой этому доверию»³.

Но как мог парламент спокойно допускать такое мошенничество и благодушно голосовать за министерские предложения? И на этот вопрос мы находим ответ в одном из выступлений Рикардо: «Он с совершенной легкостью рекомендовал бы и такую меру, как фонд погашения, если бы мы имели другой парламент — такой парламент, который работал бы в соответствии с желаниями народа. Он признается, что нынешний парламент, столь расположенный всегда уступать министрам, внушает ему опасение»⁴. И в результате, «по его мнению, национальный кошелек в руках министров не находится в безопасности. Вверить им фонд значило бы создать для них слишком большой соблазн. Он (Рикардо) хочет, чтобы мы имели реальный фонд погашения, и поэтому поддерживал существующий, поскольку этот фонд был реален. Но имеются веские основания думать, что он станет фиктивным, ибо все фонды погашения были первоначально реальными, а затем превращались в фиктивные»⁵.

Когда в парламенте обсуждались дальнейшие мероприятия по уменьшению национального долга, Рикардо не раз обличал не только их полную экономическую нереальность (замена

¹ Примечание к речи Рикардо от 13 мая 1819 г. См. стр. 24.

² Из речи от 28 февраля 1823 г. См. стр. 161.

³ Из речи от 29 апреля 1822 г. См. стр. 113.

⁴ Из речи от 6 марта 1823 г. См. стр. 165.

⁵ Там же. См. стр. 164.

одного долга другим), но иногда и явную арифметическую неточность по отношению к весьма солидным суммам.

Все речи Рикардо по вопросам о возобновлении платежей наличными, о фонде погашения государственного долга и по ряду других финансовых вопросов четко характеризуют его позиции идеолога промышленного капитализма и демократа и, в частности, его позиции по отношению к тогдашним министрам. Его разоблачения проливают яркий свет на характер их деятельности.

Посмотрим теперь на сущность парламентской борьбы Рикардо с лендлордами и на защиту интересов сельскохозяйственных капиталистов, т. е. фермеров. Положение, которое обсуждалось в английском парламенте в начале 20-х годов прошлого столетия, было весьма своеобразным. Обычно лендлорды защищали свое право продавать хлеб, выращенный на их землях, по дорогой цене с помощью хлебных законов, которые облагали более дешевый ввозной хлеб, выращенный при лучших климатических и почвенных условиях, высокими пошлинами. Порты открывались лишь в годы сильных неурожаев.

Рикардо был ярым противником хлебных законов и привилегий лендлордов и неоднократно выступал в печати и в парламенте с утверждениями, что для страны выгоднее вывозить изделия высокоразвитого промышленного производства в обмен на более дешевый иностранный хлеб. Ведь более дешевые хлеб и другие средства пропитания означали снижение цены рабочей силы, а значит и заработной платы. А это повышало прибыль и создавало добавочный стимул для расширения промышленного производства. Но в начале 20-х годов прошлого столетия обстановка сложилась несколько иная. Англия не только не страдала от неурожаев, а наоборот, обильные урожаи привели вместе с обильным ввозом хлеба из Ирландии к резкому снижению цен на хлеб. Такое положение было конечно объявлено «бедствием», и в парламенте неоднократно обсуждался вопрос о «бедственном состоянии земледелия». При этом как сами лендлорды, так и все противники денежной реформы 1819 г. всячески старались доказать, что в основе этого «бедствия» лежит восстановление денежного обращения на здоровой базе. Старались найти причины падения цен и в существующей налоговой системе. Рикардо, наоборот, дал вполне трезвое и четкое объяснение этим явлениям.

Полемизируя по этому вопросу с депутатом Бэрингом, полагавшим, что причиной падения цен на хлеб является «система Рикардо», последний говорил, что, хотя Бэринг «и не является теоретиком, он имеет, несмотря на это, свою теорию о причинах этой нужды; его теория сводит все эти причины к состоянию денежного обращения. Но г-н Рикардо полагает, что с большей

вероятностью можно объяснить нужду еще многими другими причинами. Таковыми являются обильный урожай, обширный ввоз из Ирландии, которого не было прежде, недавние усовершенствования в области земледелия...»¹ Такие формулировки Рикардо повторял неоднократно в объяснение «избыточного предложения», результатом которого и явилось падение цен.

Но на базе такого реалистического объяснения так называемого «бедствия» Рикардо вновь и вновь подымал два вопроса: о собственнике земли — лендлорде и о сельскохозяйственном капиталисте — фермере.

Об отношении палаты общин к лендлордам он говорил неоднократно. Так, при обсуждении вопроса о запрещении ввоза сала Рикардо «характеризует меры, предложенные для борьбы с ввозом более дешевого сала из России, как меры по пополнению карманов земельных собственников за счет остального народа. И так уже слишком много имеется постановлений в пользу земельной аристократии»². При обсуждении вопроса о назначении комитета для исследования «бедственного» положения земледелия Рикардо заявил: «Когда здесь говорят, что считаются одинаково с интересами всех слоев населения, он не может не заметить, что имеются в виду главным образом интересы землевладельцев...»³

Годом позже он опять заявил, что его удивляют «часто раздающиеся в палате утверждения, что интересы лендлордов совпадают с интересами всех остальных классов, и крики одобрения, постоянно раздающиеся при этом»⁴.

Лендлорды и проведенные в их пользу хлебные законы — вот, по мнению Рикардо, зло, с которым надо бороться, ибо оно мешает промышленному развитию страны. Но в английском земледелии имеются и свои капиталисты — фермеры, арендующие землю у лендлордов и обрабатывающие ее с помощью труда сельскохозяйственных рабочих. Все симпатии Рикардо на стороне фермеров. Они должны получать «достаточную» цену, чтобы после уплаты лендлордам ренты иметь и самим достаточную прибыль. Этому могут мешать, по мнению Рикардо, «два больших бедствия... Первое состояло в том, что в условиях неурожая и роста цен на хлеб до 80 шилл. порты были открыты и страна оказалась наводнена иностранным хлебом... Это было большое зло, и действие его сказалось как раз в то время, когда плохой урожай должен был компенсироваться высокими ценами. Второе бедствие ощущалось, когда в годы хорошего урожая мы производили хлеб с издержками, которые были значительно выше

¹ Из речи от 19 марта 1821 г. См. стр. 84.

² Из речи от 7 мая 1823 г. См. стр. 176.

³ Из речи от 7 марта 1821 г. См. стр. 78—79.

⁴ Из речи от 29 апреля 1822 г. См. стр. 114.

издержек в других странах. Если хорошие урожаи следовали подряд, то фермер не мог получить никакого облегчения от вывоза и, таким образом, разорился в результате изобилия продуктов¹. Чтобы спасти положение, Рикардо предлагал ввести сложную систему ввозных и вывозных пошлин, причем размеры пошлин постепенно изменялись бы в зависимости от цен на внутреннем рынке. Так, при цене, превышающей 65 шилл. за квартал, пошлина должна была составить 15 шилл., а при цене, превышающей 70 шилл.— 20 шилл. В дальнейшем пошлины должны были ежегодно уменьшаться на 1 шилл. с квартала до тех пор, пока не упадут до 10 шилл. При вывозе зерна предлагалось выплачивать возвратные пошлины².

Такая система пошлин соответствовала, очевидно, по мнению Рикардо, интересам отечественного земледелия, поскольку они были представлены интересами фермеров. Но даже и защита их интересов была ограничена для Рикардо его ошибочными представлениями об условиях приложения капитала к обработке земли и о «расширении обработки» ее. При обсуждении «Доклада о бедственном состоянии земледелия» Рикардо говорил: «Дело не в том, что рост населения заставляет фермеров переходить к обработке земель низшего качества, а в том, что возросший спрос на зерно может заставить их затратить на обработку той же земли вторую часть капитала, которая не дает столько продукта, сколько первая. При еще большем росте спроса может быть затрачена и третья часть капитала, которая не даст столько продукта, сколько вторая»³. Несколько далее, приведя данные о росте хлебных цен в XVIII в., Рикардо отмечает, что он «не будет исходить из отдельных разрозненных фактов, чтобы доказать вещь, столь очевидную в принципе: расширение обработки земли должно увеличить издержки производства зерна»⁴. Это в корне неверное утверждение. Здесь еще нет прямых утверждений о так называемом «падающем плодородии земли». Однако путь к таковому уже вполне наметился. Из то же время приведенные утверждения в известной мере противоречат тому, что говорил Рикардо о причинах падения хлебных цен. В числе их он отмечал также «недавние усовершенствования в области земледелия, которые, как он предвидит, дадут в дальнейшем знать о себе в еще более суровой форме»⁵. Тут речь идет, наоборот, об удешевлении производства хлеба в результате «усовершенствований в области земледелия», а значит и новых капитальных затрат. Во всяком случае в высказы-

¹ Из речи от 3 апреля 1822 г. См. стр. 109—110.

² Из речи от 29 апреля 1822 г. См. стр. 115.

³ Из речи от 7 мая 1822 г. См. стр. 117.

⁴ Там же. См. стр. 118.

⁵ Из речи от 19 марта 1821 г. См. стр. 84.

ваниях Рикардо о капитальных вложениях в земледелие полностью отсутствует та ясность и прогрессивность мысли, которой отличаются его высказывания о развитии промышленности и путях ее технического прогресса. Таким образом, парламентская борьба Рикардо с лендлордами и его защита интересов фермеров имела и некоторые слабые стороны.

Развитие промышленности было для Рикардо самым главным фактором процветания страны. Как он сам заявил во время прений в палате о некоторых пережитках феодальной регламентации труда «он, несомненно, не сказал бы ни слова, которое было бы направлено во вред промышленным классам. Все его симпатии на их стороне. Он считает их наиболее ценной частью населения, и все, что он говорит, имеет в виду их пользу»¹. Употребляя термин «промышленные классы», Рикардо ориентировался в основном на предпринимателей, но и рабочий класс пользовался в известной мере его симпатиями: «Невыносимо слушать, — заявлял он в другой речи, — когда здесь говорят о принятии законов, наносящих ущерб рабочим классам»². На этой основе он прежде всего настойчиво боролся за отмену пережитков феодальных порядков, при которых городские магистраты имели право регламентировать производство, воздействуя как на размеры его, так и на заработную плату рабочих. Он неоднократно выражал удивление «по поводу существования таких законов еще в 1823 г. и сохранения ими силы. Они являются не только вмешательством в свободу промышленности, но нарушают свободу самого труда»³.

В другой речи Рикардо спрашивал: «Почему он (магистрат) должен иметь право устанавливать цену на труд в большей мере, чем на хлеб, мясо или пиво?»⁴ О влиянии регламентации магистратов на заработную плату и занятость рабочих Рикардо говорил следующее:

«Существующий закон причиняет больше зла рабочим, чем предпринимателям. Ведь в периоды оживления промышленности и торговли магистраты имели на основе этого закона право вмешиваться и не допускать такого повышения заработной платы, какое могло бы иметь место, если бы закон не накладывал своих пут на регламентацию промышленности... Он вполне уверен в том, что в случае принятия рассматриваемого билля, лондонские ткачи будут иметь гораздо больше работы, чем теперь. Что же касается заработной платы, то он убежден, что во всех основных отраслях промышленности она не упадет...»⁵

¹ Из речи от 21 мая 1823 г. См. стр. 177.

² Из речи от 11 июня 1823 г. См. стр. 184.

³ Из речи от 9 мая 1823 г. См. стр. 176.

⁴ Из речи от 21 мая 1823 г. См. стр. 177.

⁵ Из речи от 11 июня 1823 г. См. стр. 184.

Рикардо выступает и против некоторых попыток регламентировать условия труда новыми мерами в торговом флоте Англии. Так, он решительно выступил против билля «Об учениках на торговых судах», поскольку этот билль включал принудительное регулирование числа принимаемых учеников. Матросы, утверждал он при первом чтении билля, будут против такой меры, но предприниматели будут приветствовать ее, «так как, увеличивая число учеников, они могли бы уменьшить ставки заработной платы... Наши матросы будут искать занятий в торговом судоходстве других стран, если ставки заработной платы будут чрезмерно снижены в их собственном»¹. Об этом же предупреждал Рикардо и при втором чтении билля: «Он отрицает, что этот билль увеличит хотя бы на одного человека число матросов, состоящих в настоящее время на службе... Билль будет иметь только одно последствие: он приведет к уменьшению заработной платы моряков, и именно это делает его неприемлемым»².

Однако позиция Рикардо выглядела несколько иначе, когда на текстильных фабриках Англии начали вводиться машины и до парламента стали доноситься отзвуки луддитских волнений.

О положении ткачей в связи с введением парового ткацкого станка речь зашла впервые в английском парламенте еще в 1820 г., когда депутат Максвелл внес предложение избрать комитет для исследования причин «бедственного положения ткачей». Комитет должен был рассмотреть проект обложения налогом паровых ткацких станков, поскольку они конкурировали «с простыми станками самостоятельного ткача». Предложение это вызвало со стороны Рикардо резкую отповедь: «...Обязанность правительства заключается в том, чтобы обеспечить возможно большее развитие промышленности... Поэтому он обвиняет правительство по совершенно другим основаниям, чем уважаемый депутат, внесший предложение, ибо г-н Рикардо ротирует ограничительных мероприятий и других препятствий, мешающих развитию промышленности. Меры, предложенные им Максвеллом, несовместимы с существующей противоположностью между одним классом и другим». И, кроме того, «принципы автора предложения нарушают... святость собственности, которая является основным обеспечением существования общества»³.

В 1823 г. вопрос стал с еще большей остротой. В парламенте обсуждалась петиция ручных ткачей Стокпорта, жалующихся на свое тяжелое положение в связи с введением машин. Рикардо признал, что, конечно, «растущее применение машин

¹ Из речи от 13 марта 1823 г. См. стр. 166.

² Из речи от 24 марта 1823 г. См. стр. 167, 168.

³ Из речи от 29 июня 1820 г. См. стр. 69.

выбрасывает значительную часть труда на рынок... это должно в известной степени действовать во вред рабочим классам. Но тем не менее он не считает допустимым издание какого-либо закона с целью помешать применению машин». При этом Рикардо сослался на то, что другие нации от этого не откажутся. Хотя, конечно, «если предложение труда больше, чем спрос на него, то народ будет испытывать нужду». Улучшить свое положение рабочие все же смогут, если будут проявлять «немного предусмотрительности, немного благоразумия... немного... осторожности»¹.

Защищая технический прогресс и надеясь на быстрый рост промышленности, Рикардо не отрицал влияния введения машин на положение рабочего класса. Но иных мер защиты интересов последнего, кроме «благоразумия и осторожности», он не видел, да и не мог видеть. Это становится особенно ясно при ознакомлении с его отношением к своему современнику — Роберту Оуэну. Несмотря на симпатию, с которой он относился к нему, Рикардо все же заявил при обсуждении «плана Оуэна» в парламенте, что он «решительный противник системы Оуэна, которая построена на теории, несовместимой с принципами политической экономии, и может, по его мнению, принести бесконечный вред обществу»².

Принимая во внимание растущую вместе с введением машин безработицу, Рикардо согласился на назначение комитета, который рассмотрел бы возможно ли осуществление тех выгод, которые Оуэн ожидал от введения методов огородной обработки земли.

Соглашаясь на производство эксперимента «лопатной» обработки земли, поскольку таковая может уменьшить безработицу, Рикардо как будто отступал в этом вопросе от своих взглядов. Однако, вся его речь, произнесенная при обсуждении «плана Оуэна» была посвящена в основном борьбе с теми методами правительственной экономической политики, которые мешали быстрому росту промышленности.

Хотя Рикардо объявил себя врагом параллелограммов Оуэна и «установления общности имущества», он тем не менее проявил себя в своих парламентских выступлениях последовательным демократом. Так, в конце 1819 г. он решительно выступил против проведения закона для борьбы с «мятежными действиями, столь частыми в промышленных районах страны», как выразился в своей речи принц-регент³.

По мнению Рикардо неограниченная свобода собраний сделала бы их органами контроля над действиями правительства.

¹ Из речи от 30 мая 1823 г. См. стр. 181—182.

² Из речи от 16 декабря 1819 г. См. стр. 42.

³ Примечание к речи от 6 декабря 1819 г. См. стр. 41.

Если собрания достаточно многочисленны, заявил он, то они могут «противопоставлять министрам такой фронт, который дает надежду на отмену дурных мероприятий и на уважение общественного мнения... Ибо, если предоставить людям возможность управлять без всякого контроля со стороны народа, то следствием этого был бы деспотизм».

Наилучшей мерой контроля Рикардо считал все же не свободу собраний, а парламентскую реформу. «Тогда вместо контроля путем подачи петиций, идущих, возможно, от худшей части народа, парламент стал бы лучшей контролирующей инстанцией, какую могло бы иметь любое правительство, и народ был бы вполне удовлетворен таким контролем». Однако «даже далеко не всеобщее право голоса... явится достаточной мерой контроля»¹.

Парламентской реформе посвящены еще некоторые выступления Рикардо, как в парламенте, так и за пределами его. В своих выступлениях он с большой силой и убедительностью говорил о необходимости ввести тайное голосование и расширить круг избирателей. При этом его критика земельной аристократии и банковской «олигархии»², захвативших в свои руки парламент, была очень решительной и смелой. Но когда речь шла о тех кругах народа, на которые следовало распространить избирательное право, Рикардо говорил с осторожностью и в то же время с большой неясностью. Здесь, как и в вопросе о влиянии машин на занятость, исчезала сила проникновения Рикардо, его железная логика. Здесь начинались явления, анализ которых неспособен был дать идеолог промышленного капитализма.

«Палата общин избирается не народом, — говорил Рикардо в одной из своих непарламентских речей еще до своего избрания в парламент, — а парами и богатой аристократией страны». Результатом этого является «компромисс между аристократией и монархией». Монарх имеет право назначения на все «посты, связанные с общественным доверием и приносящие доходы». Палата общин «контролирует» его в этом; иначе говоря, господствующая в ней аристократия распределяла по своему усмотрению все «прибыльные места». Она же проводит угодные ей законы. И в результате «хорошие законы отвергаются потому, что они могут помешать частным интересам; войны затеваются ради частных выгод и нация стонет под тяжестью больших и ненужных расходов». Защитники такого положения дел утверждали, что избирательным правом должны пользоваться лишь люди, обладающие «безупречным характером и хорошим воспитанием», но, отвечал им Рикардо, «скажите мне, каковы их интересы и я скажу вам, какие меры они будут рекомендовать».

¹ Из речи от 6 декабря 1819 г. См. стр. 41—42.

² Подлинный термин Рикардо.

Представители аристократии утверждали, что избирательное право нельзя передать низшим классам, ибо они стоят за «раздел собственности». Рикардо возражал, что это лишь «пугало», нужное тем, «кто боится потерять собственность; именно из действительного или надуманного страха проистекает сильное нежелание вручить хотя бы малейшую долю власти народу».

Рикардо считал, что даже низшие слои общества не стремятся к такому разделу, так как он невыгоден даже для людей «с маленьким доходом». «Если бы,— говорит он,— возражение против реформы было честным, то возражающие должны были бы сказать, насколько глубоко в иерархии общества права собственности считаются священными; и тут они должны были бы остановиться». Следует дать избирательное право «этому классу и всем, кто выше его». На этом Рикардо и рекомендовал провести границу для данного момента, но он был уверен, что «через очень короткое время... мы могли бы совершенно безопасно распространить право избрания членов парламента на все классы народа»¹.

Те же аргументы в защиту расширения избирательного права, хотя и в иной форме, Рикардо повторил позже (1823 г.) в своих выступлениях в парламенте. Но здесь уже дело дошло до полной ясности. Когда государственный секретарь Каннинг сказал в своем выступлении, что «если бы палата общин представляла подлинно весь народ, она стала бы слишком могущественной для безопасности короны и палаты лордов», Рикардо ответил ему со всей беспощадностью своей логики: «Невозможно, чтобы палата общин, правильно конституированная, не считалась бы со своими собственными интересами. Если бы поэтому такая палата предложила ликвидировать корону и палату лордов, то только потому, что они были бы не нужны для хорошего управления страной... Правильно избранная палата общин была бы доведена до необходимости ликвидировать корону и палату лордов»². С такой же беспощадной ясностью высказывался он и о министрах: «Питт, в то время, когда он был другом парламентской реформы, сказал, что при такой палате общин для честного человека невозможно быть министром. Он (Рикардо) придерживается того же мнения. Он не говорит, что министры не хотят действовать честно», но «каковы бы ни были их личные симпатии... они были бы выпхвyrнуты в одну неделю, если бы осмелились действовать честно»³.

Как жаль, что в современной английской палате общин никто не говорит таким языком!

¹ См. стр. 203—208.

² Из речи от 24 апреля 1823 г. См. стр. 172.

³ Там же. См. стр. 174.

По вопросу о тайном голосовании Рикардо тоже выступал еще до избрания его в парламент. В речи, посвященной этому вопросу, рукопись которой написана в форме парламентского выступления, Рикардо красочно описывал ту атмосферу, которая царилла тогда в периоды выборов в избирательных пунктах и которая вполне соответствовала тому, что говорил Рикардо о классовой природе избираемых депутатов: «Кто из нас не знаком с картиной подкупа, драк, пьянства и безобразий всякого рода, которые имеют место каждый раз при общих выборах?.. Грубая и озверелая чернь, подонки нашего населения окружают платформы и забрасывают всякого рода оскорблениями и бранью кандидата, который не пользуется их благорасположением. В него бросают грязью, мусором и часто камнями...»¹ Картина очень верная, но природа ее все же не полностью объяснена Рикардо. Он ничего не говорит о тех, кто сознательно организует эту вакханалию, чтобы изничтожить противника. А между тем эта картина является на деле дополнением к тому, что говорит Рикардо и в этой речи и в других о самом характере выборов в парламент. Об этом он говорил в той же речи весьма красноречиво: «Ведь это самое жестокое издевательство сказать человеку, что он может голосовать за А или за Б, когда вы знаете, что он находится в такой зависимости от А или от друзей А, что подача им голоса за Б будет сопровождаться для него разорением». Относительно фригольдеров, имеющих формально право голоса, Рикардо прямо заявляет: «Не он имеет право голоса, а его землевладелец». И, далее, «голоса обеспечиваются страхом потери гораздо более действительно, чем надеждой на выигрыш»².

Такого рода аргументами в пользу тайного голосования наполнена вся речь Рикардо. Теоретические положения ярко иллюстрируются в ней примерами. В своих парламентских речах (1821 и 1823 гг.) он снова возвращался к вопросу о тайном голосовании, беспощадно разоблачая при этом подлинный характер выборов того времени.

С той же беспощадной логикой, с которой он вскрывал бесчестные махинации директоров Английского банка и канцлеров казначейства, Рикардо разоблачал и «нечестность» попов и судей, от которых «слишком пахнет инквизицией».

В марте 1823 г. член палаты общин Джозеф Юм подал парламенту петицию Мэри Энн Карлайл об освобождении ее из тюрьмы. За распространение антирелигиозных и республиканских изданий своего брата Ричарда Карлайла она была осуждена на год тюрьмы и 500 ф. ст. штрафа. Невнесение штрафа означало

¹ См. стр. 213—214.

² См. стр. 214, 215.

дальнейшее тюремное заключение. Но так как по окончании года у нее не было средств на уплату штрафа, она обратилась при посредстве Юма в парламент с петицией об освобождении. Обвинение против нее возбудило так называемое «Общество для уничтожения порока». Отвечая выступавшему от имени правительства против петиции генеральному прокурору, Рикардо сказал: «Генеральный прокурор полагает, что, прежде, чем она (Мэри Энн Карлайл) получит право на какое-либо снисхождение, она должна признать правильным то, что считала вполне сознательно неправильным, или, другими словами, что она должна совершить акт самого бесстыдного двуличия, чтобы стать достойной королевской милости». Далее оказывается, что при разборе дела свидетелями могут быть только лица, верующие в «загробную жизнь». Прежде чем допустить их к даче показаний, их об этом спрашивают. Если свидетель «ответив, что не верит, показал этим, что он честный человек... он отстраняется как некомпетентный свидетель, тогда как если бы он скрыл свои убеждения и не поступил бы как честный человек, он был бы признан свидетелем, достойным доверия».

А так как свидетелями по делу атеистов выступали обычно их друзья и единомышленники, то ясно, что ни о какой последовательной защите, ни о каком объективном разборе дела не могло быть и речи.

Разоблачая такую установку, Рикардо спрашивал: «Почему... может один человек выставлять свои взгляды... как критерий, с которым никто не имеет права безнаказанно не соглашаться? Почему этот человек должен считаться безгрешным?.. Такая доктрина не может быть терпима: она слишком пахнет инквизицией...»¹.

С той же четкостью, смелостью и последовательностью выступал Рикардо и в защиту петиции об отмене «преследования неверующих». Формы этого преследования были столь отвратительны и «запах инквизиции» столь явственен, что вызвали возмущение даже среди верующих и духовенства. Составил петицию священник, а подписали ее 2047 верующих, среди которых насчитывалось 98 церковнослужителей. Петиция была представлена в парламент Юмом и поддержана Рикардо. С негодованием говорит он о «власти, присвоенной себе защитниками преследований»: «Ни один человек не имеет права сказать другому: «Мое мнение о религии правильно, а ваше не только неправильно, раз вы не согласны со мною, но я вправе наказать вас за это несогласие». И снова громит, как в предыдущей речи, вымогательство признания веры в «загробную жизнь».

¹ Из речи от 26 марта 1823 г. См. стр. 168, 170

Чтобы доказать, что человек может быть «большим скептиком» в вопросах религии и все же человеком «высокой нравственности», Рикардо приводит в пример Оуэна, к которому он относился с высоким уважением, хотя и не соглашался с его теориями: «Вот, например, г-н Оуэн из Ланарка: он оказал великие благодеяния обществу, но, судя по некоторым его взглядам, не верит в загробную жизнь... Почему же такой человек должен быть исключен из числа лиц, достойных доверия закона;.. почему при открытом провозглашении своих взглядов он был бы вынужден провести свои дни замурованным в тюрьме?»

Весьма решительно выступает также Рикардо в этой речи против принудительного введения протестантской религии в католическую Ирландию на том же основании, что религия, которая должна быть установлена в государстве, не есть та, которая признается большинством, а та, принципы которой правильны. Но, спрашивает Рикардо, «как найти, например, в такой стране, как Ирландия, критерий правильности при установлении государственной религии вопреки мнению большинства народа?» А если это правильно по отношению к Ирландии, то «то же основание и то же понятие о долге оправдали бы распространение этого принципа и на Индию; почему не отменить там магометанство, с тем чтобы установить учение реформации? Вот в какие дебри забрался джентльмен, который увлекся своими фантастическими идеями»¹. Конечно, нападая на насильственное внедрение угодной колонизаторам религии в таких странах, как Ирландия и Индия, Рикардо выражался относительно сдержаннее, чем обычно, — он не связывал религиозного принуждения с экономическим и социальным порабощением. И все же его мысль совершенно ясна и направление его удара отчетливо видно.

Речь, которую мы сейчас цитировали, была последней речью Рикардо. Смерть прервала его дальнейшую научную и политическую деятельность.

* * *

Парламентские речи Рикардо являются, как указывалось выше, ценным дополнением к его теоретическим трудам. Тут особенно ясно проявляется как его подлинная историческая роль, так и известная ограниченность его мировоззрения. Как идеолог промышленного капитализма он с беспощадной логикой боролся со всем, что мешало развитию этого строя; с земельной аристократией, с банковской «олигархией» того вре-

¹ Из речи от 1 июля 1823 г. См. стр. 195, 197, 198.

мении — директорами Английского банка и канцлерами казначейства, с мракобесием английской поповщины, с такой системой выборов в парламент, которая нужна была всем им для узаконенного грабежа рабочих, батраков и фригольдеров у себя на родине и поработенных народов в далеких и близких колониях. Но как только дело доходило до положения промышленных рабочих и батраков или до беднейших слоев общества, не имеющих права голоса, Рикардо становился в тупик. Его обычная ясность и логика мысли изменяли ему. Конечно, он относился с большим сочувствием к судьбам рабочих. Он вполне отдавал себе отчет в том, что введение машин — это источник безработицы, но ничего не мог порекомендовать для улучшения положения, кроме «благоразумия и осторожности» со стороны самих рабочих. Конечно, рабочее движение существовало тогда в Англии лишь в зачаточных формах — чартистское движение произошло лишь 25 лет спустя. Но не это объясняет позиции Рикардо в рабочем вопросе. Идеолог промышленного капитализма Рикардо не понимал, что по мере развития капитализма конфликты между трудом и капиталом неизбежны и будут принимать все более и более определенную форму классовой борьбы. Свой идеальный промышленный капитализм он считал вечным и не видел, что несет с собой его дальнейшее развитие. Борясь за оздоровление денежного обращения, Рикардо не подозревал, через какие деградации будет оно проходить в будущем. Поскольку дело касалось земледелия, он был близок к теории убывающего плодородия и боялся дальнейшего применения капитала, как к обработке новых земель, по его мнению обязательно худших, чем старые, так и к усовершенствованию обработки старых. Эти его представления имели значение и для его взглядов на международный обмен: пусть Англия развивает все дальше и дальше свою промышленность и вывозит промышленные товары. Недостающее же ей количество хлеба она может ввозить из стран с более плодородной почвой и более благоприятным климатом. Дешевый же хлеб уменьшает стоимость рабочей силы, а значит и заработную плату, а раз доказано, что вновь созданная стоимость равна заработной плате плюс прибыль, то уменьшение первого слагаемого должно увеличить второе. Безукоризненная арифметическая логика и полное игнорирование социальной стороны вопроса.

Парламентские выступления Рикардо дополняют его облик идеолога промышленного капитализма, смелого борца с пережитками феодализма и со всем, что мешало дальнейшему развитию промышленного капитализма, но полностью игнорирующего те новые формы борьбы и те новые конфликты, которые несет с собой дальнейшее развитие капитализма.

М. Смит

С Е С С И Я
1819 г.
МАРТ — ДЕКАБРЬ

Возобновление Английским банком платежей наличными ¹

Г-н Рикардо начинает с просьбы, чтобы палата, внимание которой ему придется подвергнуть испытанию, отнеслась к нему снисходительно, тем более, что он собирается оспаривать мнение distinguished gentleman ², который только что выступал так красноречиво. Г-н Рикардо полагает, что было бы действительно весьма странно, если бы Английскому банку было предложено, как аргументировал distinguished gentleman, выпускать золото по 3 ф. ст. 17 шилл., в то время как он обязан платить за это же золото по 4 ф. ст. 1 шилл. Те, кто получает золото на таких условиях, должны, конечно, выигрывать на этой разнице и могли бы получать подобного рода прибыль, только нарушая закон — тайно вывозя золото или переплавляя его: Согласится ли парламент дать такой группе людей возможность получать прибыль за счет Английского банка? Г-н Рикардо полагает, что парламент меньше всего согласился бы предоставлять какие-либо льготы или оказывать покровительство такого рода людям. Совершенно очевидно, что возобновлению платежей наличными должно предшествовать сокращение бумажной эмиссии Английского банка. Но тогда это сокращение должно было происходить постепенно; для того же, чтобы дать Английскому банку возможность возобновить свои платежи наличными, предлагаемое теперь мероприятие кажется г-ну Рикардо совершенно необходимым. Он согласен со взглядами distinguished gentleman о необходимости принять соответствующие

¹ Заседание 5 апреля 1819 г. Прения по первому докладу Пия, председателя секретного комитета. Последний предлагал, чтобы платежи наличными, частично возобновленные, были приостановлены до тех пор, пока не поступит заключительный доклад комитета и не будут приняты соответствующие законодательные меры. Возражая против этого предложения, член комитета Тирней утверждал, что единственным результатом его принятия было бы небольшое сокращение расходов для Английского банка и что лучше пойти на любые жертвы, лишь бы только сохранить доброе имя банка.

² Тирней.

меры против повторения опасностей, проистекавших до сих пор от непредусмотрительного ведения дел Английским банком. Он также согласен, что, прежде чем приступить к платежу золотом, Английский банк должен принять меры для пополнения своих сундуков, а для того, чтобы получить соответствующее количество золота для пополнения этих сундуков, банк должен сократить выпуск банкнот. Но он твердо убежден, что для того, чтобы дать Английскому банку возможность возобновить платежи наличными, предложенная мера совершенно необходима, и жалеет, что она не была принята до сих пор.

Фонд погашения ¹

Г-н Рикардо говорит, что, насколько он понял предложение Гренфелла, последний настаивает не на том, чтобы комиссары (фонда погашения), если они подписываются на займы, обеспечивали государству прибыль, являющуюся результатом событий войны или мира, а на том, чтобы они удерживали в пользу государства ту регулярную премию, которую посредники при заключении займа получают независимо от событий войны или мира и которую они вправе получать за то, что берут на себя риск таких обширных операций, хотя при существующем порядке она, конечно, теряется для государства. Г-н Рикардо вполне согласен с этим мнением, так как он не может понять, в чем

¹ Заседание 13 мая 1819 г. Прения по поводу предложения Гренфелла о создании комитета для рассмотрения работы комиссаров фонда погашения. Система работы последнего состояла в том, что комиссары по погашению национального долга появлялись 4 раза в неделю в Сити для покупки «фондов, каковые они на деле покупают на занятые деньги — деньги, взятые заимообразно у посредников по займу». Таким образом, с целью погашения старого долга создавался новый. При этом новые фонды продавались дешево для того, чтобы старые покупались по дорогой цене. Гренфелл хотел убедить парламент в целесообразности использования фонда погашения для уменьшения займа, который должен был быть заключен для нужд текущего года. Если бы предлагаемый им метод применялся с 1793 по 1813 г., то государство получило бы экономию в 20 млн. ф. ст., а на займе 1815 г. экономия составляла бы свыше 2 млн. ф. ст. Среди тех, кто не разделял его мнения, были и люди, руководствовавшиеся личными интересами. По мнению Гренфелла, посредники по долгу отнюдь не являлись лицами, мнением которых должен был руководствоваться канцлер казначейства.

Гренфелл отмечает далее, что его прежнее предложение — уменьшить заем с 24 млн. до 12 млн. ф. ст. встречало, как правило, возражения со стороны всех тех, с кем он советовался по этому вопросу. Возражал и канцлер казначейства. Единственным исключением был Рикардо, который сказал канцлеру казначейства, что если он считается лишь со своими собственными интересами, то согласится со своими коллегами — посредниками по займу, но если он будет считаться с интересами государства, то выскажется за использование фонда погашения и за заем в 12 млн. ф. ст.

заключается выгода, которая проистекает от предоставления комиссарам сумм для покупки государственных фондов, в то время как правительство посылает посредников по заключению займов, чтобы снабдить комиссаров фондами, которые они должны купить. Посредники по заключению займов доставляли на рынок фонды именно по мере того, как комиссары покупали их: они не выпускали их массами, а доставляли их еженедельно и ежедневно на рынок, чтобы дать комиссарам возможность покупать их постепенно. Джентльмен, который предположил бы, что в противном случае покупатели могли бы ставить жесткие условия продавцам фондов, показал бы этим, что не имеет никакого понятия о фондовом рынке. (Слушайте, слушайте!) Ведь конкуренция нигде не разворачивается в таком масштабе и нигде не совершается с такой выгодой для государства. Уважаемый друг г-н Рикардо намекнул на мнение, которое последний высказал канцлеру казначейства в 1814 г. Он тогда высказал мнение, которого придерживался давно и, если бы дал другой совет, то предпочел бы провалиться сквозь землю пред лицом тех, кто давно уже знает его взгляды на этот вопрос. Но он знает, что джентльмены, которые выразили противоположное мнение, высказали его так же добросовестно, ибо тогда в Сити по этому вопросу существовали большие и искренние разногласия. Он конечно полагал, что если операции с фондом погашения оказывали влияние на фондовый рынок, то подобные операции должны были повлиять на все рынки в стране; можно, например, оспаривать, что канцлер казначейства способен оказать воздействие на хлебный рынок, посылая комиссара купить квартал пшеницы и в то же время направляя туда агента для продажи того же количества ее.

Возобновление Английским банком платежей наличными ¹

Г-н Рикардо говорит, что он вполне убежден в том, что, как заявляет достопочтенный директор, Английский банк действительно желает возобновить платежи наличными, но в не

¹ Заседание 24 мая 1819 г., где рассматривались доклады секретного комитета о возобновлении платежей наличными. Когда они были заслушаны палатой, председатель комитета Пиль внес девять резолюций, соответствующих рекомендациям докладов. Приводим в сокращенном виде важнейшие из них:

Было бы благоразумно продолжить ограничение выплаты наличными дольше срока, установленного законом...

Для того, чтобы Английский банк получил больший, чем в настоящее время контроль над выпущенными банкнотами, следует принять

меньшей степени он убежден и в том, что руководство банка не знает, как это сделать. Когда директора Английского банка были вызваны в комитет, каждый из них признавал, что количество выпускаемых им банкнот влияет на цену слитков и на вексельные курсы; но когда они собрались в своем собственном учреждении, они постановили, что «считают своей обязанностью заявить, что не могут найти сколько-нибудь солидное основание для подтверждения такого мнения»¹. В настоящее же время в документе, который они представили канцлеру казначейства, они снова признают, что эмиссии Английского банка оказывают воздействие на вексельные курсы; ведь они осуждают рекомендуемые комитетом меры для восстановления вексельного паритета на том основании, что эти меры имели целью заставить их сократить количество выпускаемых банкнот, находящихся в обращении, а по их мнению это будет фатальным для интересов государства². После того, как они проявили такую непосредственность, и после того, как парламент познакомился на опыте с их поведением, последний проявил бы очень большую непредусмотрительность, если бы не лишил директоров банка права производить все подготовительные работы для возобновления платежей наличными. Г-н Рикардо полагает, что тут дело не столько в разногласиях между Английским банком и министрами, как это доказывал его достопочтенный друг (г-н Тирней), а, скорее, в разногласиях между министрами и Английским банком, с одной стороны, и всей страной, с другой. Он поэтому расположен сотрудничать со своим достопочтенным другом при выработке любой меры, которая могла бы держать под контролем также и министров. При рассмотрении этого вопроса в высшей степени важно было установить следующее ясное положение: те, кто имеет власть регулировать количество обращающихся в стране денег, имеют тем самым власть регулировать уровень вексельного курса и цену каждого товара. Ясно, что такая власть находилась в руках директоров Английского банка, и это была власть огромной силы. Г-н Рикардо был крайне изумлен, что г-н Харман мог вообразить, будто отдельное лицо могло влиять на вексельные курсы про-

постановление о постепенном возврате ему 10 млн. ф. ст., поскольку государство должно ему такую сумму за авансы, сделанные им на общественные нужды и за приобретение им казначейских билетов, согласно законодательным постановлениям.

¹ Из резолюции совета директоров Английского банка от 25 марта 1819 г., приведенной во «Втором докладе секретного комитета о целесообразности возобновления платежей наличными», стр. 263.

² В 3 томе «Парламентских отчетов» (Parliamentary Papers) за 1919 г. приводится «постановление, принятое на заседании директоров Английского банка 20 мая 1819 г. и переданное канцлеру казначейства».

тив желания Английского банка ¹. Это было столь же разумно, как предположить, что какое-нибудь лицо могло бы регулировать цены на зерно или на какой-либо другой товар массового потребления. Этот вопрос крайне важен в принципе, но он был поставлен в тривиальной форме и не заслуживал даже и получаса внимания со стороны палаты. Трудность заключалась только в увеличении стоимости обращающихся денег на 3%². (Слушайте, слушайте!) А кто же не знает, что даже в тех государствах, где деньги, находящиеся в обращении, были целиком металлическими, стоимость их часто подвергалась изменению, равному указанному выше, без всякого неудобства для государства. (Слушайте!) В нашей стране мы имели в обращении только бумажные деньги, и поэтому всякое изменение в их стоимости отражалось на цене золота. Там же, где в обращении были только металлические деньги, не вызывает сомнения, что стоимость золота может в силу разных условий увеличиваться или уменьшаться и таким образом оказывать воздействие на все сделки, хотя, конечно, при отсутствии другого масштаба измерения стоимости эти изменения были менее ощутительны. Г-н Рикардо особо оговаривает причину, побудившую его выступить в защиту рассматриваемой меры: изъяв бумажные деньги в таком количестве, чтобы восстановить стоимость банкнот до уровня слитковой стоимости (изменение всего только на 3%), палата сделала бы все, что требуется. (Слушайте, слушайте!) Но если бы палата приняла предложение distinguished gentleman (Эллиса), то это вызвало бы изменение иного характера в стоимости денег, причем такое изменение, против которого он (г-н Рикардо) хотел бы предостеречь палату. Если бы указанная поправка была принята, то возник бы чрезвычайный спрос на золото с целью перечековки его в монету, и стоимость находящихся в обращении денег повысилась бы еще на 3 или 4% в дополнение к первому повышению. (Слушайте, слушайте!)

Что касается плана, который находится теперь на рассмотрении палаты, то он именно таков, что директора банка, если бы они были разумны, должны были бы поддерживать его. (Слушайте!) Они должны желать наводнить денежное обращение банкнотами, и до тех пор, пока они пользуются привилегией давать золотые слитки в уплату за свои банкноты, в обращении не будет ни одной монеты — они будут в этом деле монополистами. В действительности они отнюдь не заинтересованы в снижении

¹ Речь идет о показаниях бывшего управляющего Английским банком Иеремии Хармана комитету палаты общин.

² 4 марта в докладе комитету палаты общин Рикардо говорит о 5—6%, 24 марта в докладе палате лордов — о 4%, а в настоящей речи — о 3%. Изменение в цифрах отражает падение рыночной цены золота.

стоимости обращающихся денег; скорее они были бы заинтересованы в повышении и даже в удвоении ее. Они находятся в положении кредиторов, а не должников, так как весь их капитал состоит в деньгах или других ценностях, представляющих деньги. (Слушайте, слушайте!) Что касается предложения о том, что правительство должно возместить Английскому банку известную сумму, г-н Рикардо не может согласиться с ним. Гарантировав определенную стоимость находящихся в обращении денег, палата сделала достаточно и не должна дальше вмешиваться в операции директоров, которые должны быть ответственны только перед собственниками банка за ведение их дел. Если бы это предложение было принято, то Английский банк мог бы испытывать некоторые затруднения при выпуске требующегося количества денег в обращение. Их (директоров банка) ошибка заключалась в предположении, что уровень процента будет всегда означать определенное ограничение размера их эмиссий. Но, как это доказали и Юм и Адам Смит, уровень процента зависит не от количества денег, а от прибыли на капитал. И хотя директора банка ничего не авансировали правительству, они могли, однако, с помощью чрезмерного учета векселей сделать слишком обильным и денежное обращение. Г-н Рикардо имеет основания полагать, что директора банка руководствовались при учете векселей старыми навыками. Одним из правил было, как он полагает, установление определенного лимита, сверх которого они никому не пошли бы навстречу¹. Один из директоров в своем показании комитету сказал, что банк не ограничивал себя этими лимитами там, где кредитоспособность данного индивида не подвергалась сомнению. Следует, однако, вспомнить, что Английский банк был осторожной и робкой организацией, и если бы он не имел других средств для доставления требуемого количества денег, кроме учета векселей, то, как полагает г-н Рикардо, публика могла бы пострадать от недостатка денег. Он стоит, конечно, за то, чтобы предоставить банку возможность вести все эти операции по собственному усмотрению при условии, однако, установления определенной преграды против излишнего количества денег в обращении. Он полагает, что предложенный способ возобновления платежей наличными является наиболее легким из всех, какие можно было придумать. Банк не был бы подвергнут сначала никаким ограничениям и никакой внезапной необходимости ограничить свои эмиссии. Ему была бы предоставлена возможность выполнить свою задачу постепенно и даже в том случае, если бы платежи слитками производились по цене,

¹ Последние фразы от слов «их (директоров банка) ошибка» даны в более вразумительной передаче «Таймса». Ссылки сделаны на статью Юма «О проценте» и на «Богатство народов» Адама Смита, книга 2, гл. IV.

установленной монетным уставом, неудобства были бы незначительны. До октября 1820 г. Английский банк не имеет нужды вводить какие-либо ограничения, а в дальнейшем лишь очень незначительные. (Слушайте!) Г-н Рикардо не сомневается в том, что если банк будет осторожен, он сможет возобновить платежи наличными, не выдав ни одной золотой гинеи. Банк должен осторожно сокращать свои эмиссии; г-н Рикардо, однако, опасается, что банк сделает это слишком поспешно. (Слушайте!) Если бы он мог дать банку совет, он рекомендовал бы ему не покупать слитков; и если бы у банка имелось лишь несколько миллионов, г-н Рикардо смело продавал бы, если бы управлял делами банка. Каждая продажа улучшала бы вексельный курс, и до тех пор, пока стоимость золота не упала бы до 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс., банку не было бы никакой необходимости производить какие-либо закупки. Г-н Рикардо сожалеет только, что принятые резолюции не обязывают банк покупать все предлагаемые ему слитки по цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс., ибо при чрезмерной осторожности он может истощить обращение. Правда, монетный двор должен оставаться открытым для публики, которая может перечекаивать на монету слитки, полученные в банке. Г-н Мушетт, показание которого по вопросу о чеканке заслуживает большого внимания вследствие его точности и деловых навыков, констатировал, что монетный двор, имея капитал в 300 тыс. ф. ст., мог бы ежегодно поставлять государству монеты на сумму в 12 млн. ф. ст. Но год — слишком большой срок, чтобы ждать 12 млн., и легко может случиться, что в промежуток между уменьшением банковских эмиссий и поставками Монетного двора страна серьезно почувствует недостаток в монете. Именно поэтому г-н Рикардо желал бы, чтобы в резолюцию было внесено дополнение, обязывающее Английский банк отдавать свои банкноты за слитки (по 3 ф. ст. 17 шилл. 6 пенс.) по предъявлении. За исключением этого пробела предлагаемый план является, по его мнению, вполне надежным и приемлемым.

Достопочтенный друг г-на Рикардо (Тирней) указал здесь, что шкала постепенных платежей не была представлена на рассмотрение директоров банка, но г-н Рикардо напоминает ему о выступлении г-на Торнтона перед комитетом палаты лордов, из которого он может узнать, что показания этого джентльмена были целиком в пользу плана. Г-н Рикардо был крайне поражен паникой, поднявшейся в связи с уменьшением эмиссий на какой-нибудь миллион, да и то один раз в четыре года, и может приписать это только неосторожным заявлениям Английского банка. (Слушайте, слушайте!) Уважаемый директор¹ предло-

¹ Маннинг.

жил сегодня палате не лишать банк доверия. Палата не лишила доверия Английский банк не потому, что сомневалась в его богатстве или честности, но из убеждения, что он не имеет никакого представления о принципах политической экономии. (Слушайте! Смех) Английский банк имел вполне достаточно времени для уменьшения своих эмиссий в такой степени, чтобы понизить цену золота. Однако, несмотря на то, что срок для возобновления платежей наличными был несколько раз фиксирован, банк ничего не предпринял для осуществления этого. Директора банка не считали своей обязанностью принимать во внимание интересы государства. Это дело министров его величества, и когда уважаемый директор сказал последним, что директора банка потеряли столько-то на покупке золота и столько-то на выпуске банкнот, то он, Рикардо, может только спросить, зачем они это сделали? Своим делом они считают интересы собственников, доверенными лицами которых состоят, а не интересы государства. Директора банка ответственны перед собственниками за неправильное употребление их фондов. Г-н Рикардо удивлен, что нераспределенная прибыль Английского банка была так мала, так как представлял себе, что она должна составлять по крайней мере около 10 млн.¹; но теперь, после признания достопочтенного джентльмена, дело разъяснилось. Директора растрачивали миллион в одном случае и миллион в другом, согласно своим взглядам, на нужды министров или страны, не обращая внимания на интересы собственников. (Слушайте, слушайте!) Уважаемый директор советовал палате не стеснять свободы денежного обращения и сослался на опыт банка в 1797 г. Но это не было аналогичным случаем. То было время смуты и паники, когда каждый желал иметь золото дома из опасения военного нашествия. Достопочтенный друг г-на Рикардо (Тирней) спросил, что должны делать при предложенном плане держатели банкнот в 10 ф. ст., поскольку они не могут получить в банке слитков. Судя по поправке, достопочтенный джентльмен не особенно торопится дать этим бедным людям слитки или звонкую монету. Но разве в плане ничего не сделано для держателей банкнот достоинством в 10 ф. ст.? Положение держателя такой десятифунтовой банкноты улучшилось бы, ибо предложенный план восстанавливает стоимость денег до их подлинного уровня и делает 1 тыс. ф. ст. стоящими столько, сколько они должны стоять, а не столько, сколько они в действительности стоят теперь, т. е. 970 ф. ст. Этим путем предлагаемый план пропорционально увеличивает стоимость десятифунтовой банкноты.

¹ Согласно данным комитета палаты общин, прибыль составляла 5 202 320 ф. ст., тогда как Рикардо оценивал ее больше чем в 13 млн. в 1816 г. (См. «Сочинения», т. II, стр. 248.)

Хотя держатель таковой не мог бы обратиться в банк за золотом, он мог бы прибегнуть к помощи какого-нибудь золотых дел мастера, который дал бы ему такое количество золота, на какое его банкнота давала бы ему право, и разница была бы для него настолько ничтожна, что она не заслуживала бы внимания при решении вопроса большого значения.

Со стороны Английского банка было заявлено, что он готов платить, если ему будут возвращены авансы, выданные им правительству. Но как мог он выдавать эти авансы правительству, если бы не был уверен, что они будут ему возвращены в определенный срок? Банк не был вынужден выдавать авансы, но директора были необычайно склонны действовать как министры. (Смех. Слушайте, слушайте!) Было бы, однако, лучше, если бы эти директора больше заботились о собственных интересах и интересах своих доверителей. В прошлом страна имела дело с весьма опасным и разрушительным обесценением, теперь она от него избавилась, и г-н Рикардо счастлив при мысли, что мы в такой степени вернулись вспять. Мы уже почти вернулись к прежнему, и г-н Рикардо надеется, что его достопочтенный друг поможет нам благополучно вернуться домой. Он осмеливается утверждать, что в течение немногих недель вся эта паника будет забыта и что в конце года мы все будем удивляться при воспоминании о том, как перспектива изменения стоимости денег на 3% могла вызвать тревогу. По мнению самого г-на Рикардо, неблагоприятное состояние вексельных курсов всегда должно быть следствием избыточного количества денег в обращении. Если ввозимый хлеб оплачивается слитками, то это доказывает, что слитки — более дешевый товар. Предположим, что все находящиеся теперь в обращении банкноты были бы изъяты и заменены золотой монетой, — не стало ли бы тогда золото бесконечно дешевле? Если бы наши банкноты имели какую-нибудь внутреннюю стоимость, то, ставши в силу избытка дешевле, они также вывозились бы. Г-н Рикардо считает в данном случае уместным выразить полное одобрение последним прекрасным постановлением Монетного двора ¹. Он вполне одобряет выбор золота в качестве стандарта и превращение серебра в подсобное средство обращения. По его мнению, это представляет солидное улучшение в системе нашего монетного дела. Совершенно ясно, что правительство имело возможность путем ограничения количества регулировать стоимость серебра. Руководясь этим принципом, комитет и ряд других лиц рекомендовали ограничение бумажного обращения. Правда, уважаемый

¹ Постановление, принятое в феврале 1817 г., которое сделало золотую монету законным платежным средством для любой суммы, а серебряную лишь для сумм, не превышающих 40 шилл.

джентльмен (Дж. П. Грэнт) заметил, что серебряная монета может быть имитирована за границей. Если даже предположить это, стоимость серебряной монеты могла бы уменьшиться, но стоимость золотой в силу этого не возросла бы. Серебро не стало бы законным платежным средством на суммы выше 40 шилл., а на золото все время мог бы предъявляться спрос. Правда, 105 ф. ст. могли бы быть предложены в серебре вместо 100 ф. ст. в золоте, но это не оказало бы никакого влияния на изменение отношения между золотом и всеми другими товарами. Г-н Рикардо был бы счастлив дебатировать этот вопрос с уважаемым джентльменом или благородным «Старым купцом»¹ (Смех.) при случае, когда это будет иметь большее значение для предмета, обсуждаемого нами в настоящее время.

(Рикардо занимает свое место при громких и всеобщих аплодисментах со всех сторон)².

Продолжение прений по вопросу о возобновлении Английским банком платежей наличными³

Г-н Рикардо, в порядке личного объяснения, отрицает, что он сказал, будто Английский банк был неискренен в своих заявлениях. Он не питает никакой личной неприязни к банку ни как к отдельным лицам, ни как к публичной корпорации, но, по его мнению, руководители банка совершали ошибочные шаги и не понимают вопроса о денежном обращении.

(В конце заседания принята резолюция, согласно которой канцлер казначейства и Пиль обязуются подготовить соответствующие законопроекты.)

¹ Т. е. с лордом Лаудерделем, опубликовавшим за несколько дней перед тем в «Таймсе» под псевдонимом «Старый купец» статью «Три письма о причинах настоящего состояния вексельного курса и цене золота».

² Присутствовавший при выступлении Рикардо Маллет записал в своем дневнике: «В центре внимания был в эту ночь Рикардо. Несмотря на его слабое влияние в палате, еврейское имя и пронзительный голос, его слушали с напряженным вниманием».

Палате было при том же известно, что защищаемый Рикардо план был в основном построен на его идеях. На заседании 21 мая лорд Гренвиль, защищая предложенный план, сказал, что последний «рекомендован человеком, имеющим больше, чем кто-либо в Европе право высказываться по любому вопросу политической экономии».

³ Заседание 25 мая 1819 г. Один из директоров Английского банка, Пирс, выступил с утверждением, что Рикардо был неправ, когда говорил, что они не имеют серьезного намерения вернуться к платежам наличными.

Казначейские билеты ¹

Г-н Рикардо говорит, что слышал сообщение — хотя и не может сказать, точно оно или нет, — о всех деталях предполагаемого займа, — о сумме его и сроках, в которые должны быть произведены отдельные платежи. Эти сведения были сообщены, как он понял, канцлером казначейства другим лицам, но не ему или кому-либо, с кем он был связан ². Обычно в таких случаях канцлер казначейства обращался ко всем лицам, могущим подписаться на заем, назначая для этого особый день приема, и лишь тогда знакомил всех собравшихся со своим планом. Сообщать о своих намерениях только одной группе значило давать ей большое и явное преимущество перед всеми другими. Он не знает, было ли сделано такое сообщение, но слухи об этом были очень широко распространены; он поэтому не может сомневаться в том, что какое-то сообщение было все же сделано distinguished gentleman.

Бюджет ³

Г-н Рикардо отметил, что он уже высказался против прибавки в 3 млн. ф. ст. к фонду погашения, потому что не желал отдавать такой фонд на произвол министров, которые захватили бы его, когда им покажется, что этого требует крайняя необходимость. Он не хочет сказать, что дело будет обстоять лучше при одних министрах, чем при других. Он полагает, что все министры поспешат присвоить этот фонд для государственных нужд в случаях, когда сочтут это срочно необходимым. Он считает, что все это дело — обман государства, и поэтому никогда не будет голосовать за налог для поддержки его. Он допускает, что необходимо принять те или иные меры для ликвидации государственного долга, и в этом пункте соглашается с уважаемым представителем Лейстера (Мансфилдом), сказавшим, что необходимо принести большую жертву; но он не разделяет его мне-

¹ Заседание 2 июня 1819 г. Прения по поводу предложения канцлера казначейства об ассигновании 8 599 600 ф. ст. для выкупа билетов казначейства. Гренфелл в своей речи указал, что, по слухам, канцлер казначейства сделал сообщение о займе только одной группе биржевиков и банкиров. Канцлер отрицал достоверность этих слухов.

² Рикардо сам предполагал подписаться на заем.

³ Заседание 9 июня 1819 г. Прения по поводу бюджетной речи канцлера казначейства, сообщившего о заключении займа в 12 млн. ф. ст. на очень выгодных условиях, а также о том, что из фонда погашения будут взяты займообразно еще 12 млн. ф. ст. Он предложил кроме того реализовать еще 3 млн. путем введения налогов на солод, табак, чай и др.

ния, что таковой должен быть налог на собственность. Это привело бы к таким же плохим последствиям, как и другой план. Он, однако, готов принести жертву; это будет временная жертва, и, имея это в виду, он готов отдать такую же большую часть своей собственности, как и всякий другой. (Слушайте!) ¹ Против такого зла, как государственный долг, нужно бороться именно такими средствами. Это такое большое зло, что почти любая жертва не будет слишком велика, если она избавит нас от него. Оно нарушило равновесие цен, заставило многих людей эмигрировать в другие страны, чтобы избежать бремени связанных с ним налогов, и повисло, как жернов, на трудовых усилиях и промышленном развитии страны. Поэтому он никогда не будет голосовать за какой-либо налог, который будет предназначен для поддержания фонда погашения, ибо если размеры этого фонда достигнут 8 млн., министры будут все же в любом случае говорить о нем в тех же выражениях, что и в настоящее время. Иллюзии, связанные с этим фондом, были уже давно ясны тем, кто был знаком с вопросом. Разоблачение их было бы справедливой и здоровой политикой. Что касается займа, то против него г-н Рикардо не имеет никаких возражений. Он благодарит канцлера казначейства за хорошее ведение дела в течение последних двух или трех дней. (Смех.) Канцлеру можно поставить в заслугу, что ему удалось заключить заем на таких хороших условиях, если принять во внимание, что несколько дней назад фонды оценивались по 65 за 100 ². Но если в этом отношении он воздает должное достопочтенному джентльмену за его план, то следует также сказать, что его уважаемый друг (Гренфелл) давно уже дал этот совет. Один почтенный директор банка сказал, что он (г-н Рикардо) расходится со своим уважаемым другом. Он вовсе не обязан соглашаться со всяким мнением, которого придерживается его уважаемый друг, но он, однако, не думает, что именно так расходится с ним, как это было сказано. Он признает, что поставил в упрек Английскому банку, что тот не распределил свою прибыль. А банк, без сомнения, получал прибыль. Обязанностью директоров было блюсти выгоды своих доверителей, как обязанностью правительства было заключить возможно более выгодную для страны сделку. Он не может одобрить, что банк делает подарки правительству ³, хотя и не может порицать тех, кому они были сделаны, за то, что большинство сделок они совершают с банком.

¹ Тут Рикардо впервые сделал намек в парламенте на свой план введения налога на капитал. См. стр. 46.

² 4 июня, когда было объявлено, что сумма займа не превысит 12 млн. ф. ст., консоли поднялись с 66 до 70.

³ Должно быть: правительство делает подарки банку (кембриджское издание, т. V, стр. 22).

Вторичное выступление в тот же день

Г-н Рикардо желал бы знать, следует ли думать, что в следующем году, когда будет заключен заем в 11 млн. ф. ст. на покрытие ежегодных нужд и в 5 млн. ф. ст. для уплаты банку, будут взяты, как и в текущем году, 12 млн. из фонда погашения, а остаток будет получен путем займа ¹.

Авансы Английского банка правительству ²

Г-н Рикардо полагает, что не следует в какой-либо степени стеснять банк в ведении его собственных дел. Установление слишком строгого контроля в данном случае может привести к большим неудобствам, в связи с уменьшением количества денег в обращении.

Прения по законопроекту об акцизных пошлинах ³

Г-н Рикардо не может согласиться с достопочтенным джентльменом (Лэмбом), сказавшим, что было бы желательно следовать прецеденту 1784 г. при окончании войны с Америкой и учредить новый фонд погашения. Он полагает, что именно в настоящий период все, кто возражал против фонда погашения, могут подкрепить свою аргументацию. Что случилось с этим фондом погашения? Оправдал ли он те надежды, которые возлагались на него? Уменьшился ли наш долг в результате его установления? Нет, — факты показывают противоположное: фонд погашения превращен был в средство, которое облегчало министрам заключение новых займов. Правда, при помощи этого фонда мы купили на рынке на 200 или 300 млн. ф. ст. государственных бумаг, но уменьшился ли вследствие этих покупок наш долг? Нет, потому что в то же время мы заняли гораздо

¹ Канцлер казначейства ответил, что не берет на себя никаких обязательств.

² Заседание 16 июня 1819 г. Прения по поводу предложения Пилля внести билль, который запретил бы Английскому банку выдавать правительству авансы, если они не утверждены парламентом.

³ Заседание 18 июня 1819 г. Канцлер казначейства внес предложение образовать комитет для обсуждения билля о новых налогах на солод, чай, табак и т. д. в сумме 3 млн. (см. стр. 33); лорд Тэвисток внес дополнение об отсрочке рассмотрения билля на 6 месяцев. Сначала, сказал он, палата спасла свои карманы, отклонив налог на собственность, а теперь хочет обложить налогом бедноту. Единственным способом покончить с этим будет реформа парламента. Канцлер казначейства отрицал в своем выступлении, что новые налоги падут исключительно на низшие классы. Депутат Лэмб затронул в своем выступлении вопрос о фонде погашения.

большую сумму, чтобы иметь возможность сделать эти покупки. Ибо на деле, с того времени как наши расходы превысили наши доходы, мы имели фонд погашения только по названию, и та часть налогов, которая была уплачена комиссарам и названа фондом погашения, была поглощена расходами по заключению нового займа. Фонд погашения был полезен, т. е. был тем, чем он претендовал быть, только тогда, когда излишки доходов тратились именно на то, для чего этот фонд был установлен, — для ликвидации государственного долга. Но никакая сумма денег, именуемая фондом погашения, никогда не была и по мнению г-на Рикардо никогда не будет использована с этой целью. Она всегда будет рассматриваться министрами как источник, к которому они могут прибегать, когда им трудно будет получить деньги с помощью новых налогов. Именно так расправились они с последним фондом погашения, и эта же судьба ожидает тот фонд, который они, по-видимому, стремятся теперь учредить. Речь благородного лорда (Кестльри) подтверждает мнение г-на Рикардо относительно вероятного назначения нового фонда; лорд Кестльри ведь прямо сказал это палате. Он сказал, что, создавая фонд погашения, мы покажем другим странам, что не потерпим никакого оскорбления. Если фонд погашения будет использован для устрашения других наций путем обращения его на военные цели, то он не может быть употреблен на уплату долгов. Если деньги взимаются теперь, чтобы обеспечить уплату процентов за деньги, которые будут заняты в дальнейшем для новой войны, то бесполезно заставлять народ платить налоги сегодня, чтобы получить средства для ведения войны завтра. Будет гораздо лучше оставить деньги в карманах людей, где они не преминут накопляться, чем облагать население налогами раньше, чем это потребуется в силу новой необходимости. Г-н Рикардо питает сильнейшее недоверие к взиманию денег без непосредственной нужды в них и к передаче их в руки министров, не только нынешних, но и любых министров, которые ответственные пред палатой общин, конституированной наподобие нашей. Г-н Рикардо допускает, что пока мы имели во время войны сумму, именуемую фондом погашения и превосходящую мирные расходы, мы располагали действительным фондом погашения ко времени заключения мира. Если, например, мы имели 10 млн. ф. ст., именуемых в военное время фондом погашения, и в то же время заняли около 20 млн. только для ведения войны, мы могли сказать, в ограниченном смысле слова, что располагаем фондом погашения в 10 млн. ф. ст., ибо с наступлением мира этот фонд мог бы, при условии соответствующего использования его, содействовать уменьшению долга. Но не так обстояло дело во время последней войны; вместо того, чтобы использовать фонд погашения для уменьшения государственного долга,

этот фонд был полностью истрачен на уплату процентов по новому займу. А ведь в конце концов это означало бы только следующее: если бы с возвращением мира мы могли ежегодно уменьшать наши расходы настолько, чтобы они были на 10 млн. ниже наших доходов, то получили бы возможность ежегодно погашать 10 млн. ф. ст. долга. И это могло бы быть, конечно, сделано без таинственных рассуждений о фонде, имевших единственную цель вводить людей в заблуждение.

Что касается отдельных налогов, то для г-на Рикардо нет необходимости высказывать свои взгляды, так как он — враг всякого налогового обложения. Однако он не может согласиться с тем, что предлагаемые налоги падают на рабочих, поскольку ими облагаются предметы их потребления. Конечно, если этими налогами будут обложены более дорогие предметы, входящие в потребление рабочих, это может в известной степени уменьшить комфорт последних; но чем больше обложенные продукты приближаются к категории предметов первой необходимости, тем более полно они падут на тех, кто нанимает рабочих. Тут утверждали, что новое обложение увеличит налоги в пользу бедных, но ведь это сводится к тому же самому, ибо налоги в пользу бедных образуют в действительности фонд, предназначенный на поддержание труда, как бы ни было нецелесообразно выплачивать его таким способом.

Г-н Рикардо вполне согласен с внесшим дополнение благородным лордом, поскольку последний критикует характер представительства в палате общин. Г-н Рикардо не может не высказать здесь своего мнения: народ недостаточно представлен в этой палате. Это может служить некоторым удовлетворением для почтенного депутата от Мидльсекса (Меллиша), который с таким удовольствием констатировал на одном из предыдущих заседаний разницу взглядов между г-ном Рикардо и его почтенным другом (Гренфеллом), так как мнение, которое этот последний охотно высказывает по вопросу о парламентской реформе, диаметрально противоположно тому, которое он, Рикардо, только что высказал.

Вторичное выступление 18 июня.

Ответ Литтлтоу¹

Г-н Рикардо берет слово для объяснения своей позиции. Он надеется, что как палата, так и его достопочтенный друг поймут его: он не хочет сказать, что обложение предметов первой

¹ Литтлтон выступал по вопросу о налоге на солод. Он возражал против мнения «одного из крупнейших авторитетов по вопросам политической экономии в нашей стране» и доказывал, что налог на солод особенно тяжело падает именно на рабочих.

необходимости не наносит ущерба рабочим, но он полагает, что оно наносит им не более ущерба, чем всякий другой способ обложения. Действительно, всякое налоговое обложение имеет тенденцию наносить ущерб рабочим классам, потому что оно или уменьшает фонд, идущий на содержание труда, или задерживает его накопление. В своей аргументации он исходил из предположения, что необходимо собрать известную сумму путем введения новых налогов. Затем возник вопрос, падет ли при обложении предметов первой необходимости бремя налогов особенной тяжестью именно на рабочие классы. Он думает, что это не так; по его мнению, эти налоги в конечном счете падут на предпринимателей и будут невыгодны для рабочих лишь в той же мере, в какой для них невыгодны большинство других налогов, поскольку они уменьшают фонд, идущий на поддержание труда.

С Е С С И Я
1819 – 1820 гг.

Билль о мерах против мятежных собраний ¹

Г-н Рикардо хотел бы весьма кратко высказать свое мнение о рассматриваемом вопросе. Ему кажется, что в ходе настоящей дискуссии не было обращено достаточного внимания на значение того права, которое предлагается ограничить. Если бы право народа устраивать собрания и подавать петиции состояло только в праве собираться, чтобы составлять петиции для устранения злоупотреблений, то оно не имело бы большого значения, и использование его не представляло бы такого серьезного интереса. Но это право является правом собираться такими массами и противопоставлять министрам такой фронт, который дает надежду на отмену дурных мероприятий и на уважение общественного мнения. С этой точки зрения его можно сравнить с правом парламента обращаться к короне. Если бы право парламента заключалось только в принятии резолюций и если бы он не мог подкреплять свои резолюции путем отказа в финансовых требованиях и возбуждения духа сопротивления в стране, то корона могла бы игнорировать его вмешательство. То же самое следует сказать о праве народа подавать петиции. Если он не может собираться такими крупными группами, чтобы заставить уважать свои петиции, то последние не будут иметь никакого значения. Вместе с тем, г-н Рикардо признает, что такие собрания сопровождаются большими неудобствами. Нельзя отрицать, что при известных обстоятельствах бедствия возникают и при вполне правильной работе органов правительства, ибо правительство не может устранить причины этих бедствий. При таких условиях дурные и злонамеренные люди могут причинить большие беды. Г-н Рикардо не думает, что такие собрания являются мерой контроля (над действиями правитель-

¹ Заседание 6 декабря 1819 г., собранное для обсуждения одного из 6 законов, вводимых для борьбы с «мятежными действиями, столь частыми в промышленных районах страны» (из речи принца-регента). 13 декабря при третьем чтении билля Рикардо голосовал против него вместе с меньшинством палаты. (См. кембриджское издание, т. V, стр. 29).

ства.— М. С.), какой должен существовать в хорошо управляемом государстве. Но какие-то меры все же необходимы, ибо, если предоставить людям возможность управлять без всякого контроля со стороны народа, то следствием этого был бы деспотизм. Мера контроля, за которую стоял бы г-н Рикардо, может быть введена только путем парламентской реформы. Тогда вместо контроля путем подачи петиций, идущих, возможно, от худшей части народа, парламент стал бы лучшей контролирующей инстанцией, какую могло бы иметь любое правительство, и народ был бы вполне удовлетворен таким контролем. Г-н Рикардо с удивлением прочел негодующие отзывы некоторых членов парламента о радикальной реформе палаты общин. Он допускает, что среди защитников этой реформы имеются дурные и злонамеренные люди. Но он знает также, что имеется большое число очень честных людей, считающих, что всеобщее избирательное право и ежегодные парламентские выборы представляють единственное средство для защиты прав народа и установления надлежащего контроля за действиями правительства. Он стремится к той же цели, какую они имеют в виду, но полагает, что даже далеко не всеобщее право голоса приведет к осуществлению этой цели и явится достаточной мерой контроля. Он полагает поэтому, что было бы безумием добиваться реформы в таком масштабе, когда менее радикальная реформа была бы достаточна.

О плане Оуэна ¹

Г-н Рикардо говорит, что он решительный противник системы Оуэна, которая построена на теории, несовместимой с принципами политической экономии, и может, по его мнению, принести бесконечный вред обществу. На недавнем ночном заседании один уважаемый член палаты высказал кое-какие соображения по вопросу о применении машин ². При всестороннем рассмотрении вопроса нельзя будет отрицать, что машины не уменьшают

¹ Заседание 16 декабря 1819 г. Прения по поводу предложения де Креспиньи назначить особый комитет «для рассмотрения плана Оуэна об улучшении положения низших классов». Канцлер казначейства, возражая против этого предложения и приведя выдержку из речи Оуэна от 21 августа 1817 г., заявил, что в качестве официального лица он не может согласиться на затрату общественных денег на осуществление плана, изложенного в той самой речи Оуэна, в которой он объявил все религии ложными и все системы правительства плохими.

² На заседании 9 декабря, где обсуждалось положение в промышленных районах, депутат Джон Смит говорил «о том воздействии, какое оказало на ручной труд введение машин всего лишь за несколько лет. Он не оспаривает, конечно, что введение их явилось большим улучшением по сравнению с прежней системой, но тот факт, что машины сделали безработными большое число рабочих, является бесспорным».

спроса на труд. С другой стороны, они не способствуют увеличению потребления продуктов земли и использованию изделий разных отраслей нашей промышленности. Применение машин может также принести вред, если оно будет причиной производства слишком большого количества хлопчатобумажных изделий или слишком большого количества полотна, но как только производство этих товаров перестает в силу этого приносить предпринимателю прибыль, он, конечно, посвятит свое время и свой капитал какой-нибудь другой отрасли производства¹. План Оуэна исходит из следующего положения: будучи врагом машин, он тоже предлагает машины, но только иного рода; иначе говоря, он хочет привести в движение наиболее действенную часть машин, а именно, человеческие руки. Он желал бы отказаться от плугов и лошадей при расширении производства страны, хотя расходы на них были бы гораздо меньше по сравнению с расходами на содержание людей. Г-н Рикардо признает, что он не согласен с общими принципами рассматриваемого плана, но расположен принять предложение о создании комитета. Оуэн рекомендует методы огородной культуры как наиболее выгодные для производства. Г-н Рикардо считает себя недостаточно сведущим в вопросе о рентабельности сельского хозяйства, чтобы высказать свое мнение, но именно в силу этого и предлагает передать вопрос комитету. В чем, собственно, нуждается в настоящее время страна? В увеличении спроса на труд. Если факты, сообщаемые об огородных методах обработки земли, верны, то переход к ним является выгодным, так как он будет способствовать спросу на труд. И хотя правительство или законодательное учреждение поступили бы, вообще говоря, неразумно, взявшись за какой-либо эксперимент коммерческого характера, распространение ими полезных сведений и искоренение предрассудков было бы при данных условиях весьма выгодным. Они должны были бы, конечно, провести границу между своими намерениями и проектами разделения страны на параллелограммы или установления общности имущества и тому подобными фантастическими схемами.

Прежде чем закончить свою речь, г-н Рикардо хотел бы еще сделать, с разрешения палаты, несколько замечаний о том, что именно он считает причиной бедствий, которые испытывает

¹ В «Британской прессе» последние две фразы переданы так: «Он не может допустить, чтобы введение машин принесло вред в какой-либо стране как своим непосредственным действием, так и длительным. Применение машин может пойти слишком далеко лишь в одном случае: если кто-либо применяет их в одной определенной отрасли, например, в хлопчатобумажной, и притом в слишком большом объеме, он не оправдывает своих расходов и будет вскоре вынужден сократить их применение или направить его по другому руслу».

страна. Он вполне согласен с тем, что сказал его уважаемый и ученый друг (Брозэм) по вопросу о населении. Размер заработной платы регулируется отношением капитала к населению; чтобы увеличить ее, важно увеличить капитал страны. Когда г-н Рикардо слушал уважаемых членов палаты, говоривших о вложении капитала в строительство дорог и каналов, ему казалось, что они упускают из виду тот факт, что капитал, который будет применен таким образом, должен быть извлечен из какой-нибудь другой сферы. Причины недостаточности капитала и вызываемая ею диспропорция между общей суммой заработной платы и численностью населения могут быть приписаны многим обстоятельствам, и за некоторые из них нельзя порицать правительство. В стране с многочисленным населением, значительным капиталом и ограниченной земельной площадью прибыль на капитал будет меньше, чем в населенной стране с менее значительным капиталом, но с большой земельной площадью. Наша страна принадлежит к числу стран, богатых капиталами, но с возрастающим населением и неизбежно ограниченной земельной площадью. Естественно, прибыль будет в ней ниже, чем в странах, в которых не существует такого ограничения; и все же, несмотря на менее высокую прибыль, капитал продолжает оставаться в этом королевстве не только потому, что владельцы его чувствуют потребность держать свою собственность под личным надзором, но и потому, что они не питают такого же доверия к безопасности ее в других странах. Однако как только законы и учреждения других государств станут внушать большее доверие, у капиталиста появится стимул перевести свое имущество из Великобритании в страны, в условиях которых его прибыль будет более значительной. Это не было бы результатом какой-либо ошибки правительства, но все же привело бы к уменьшению спроса на труд и к соответствующему бедственному положению. Тут возникает вопрос, приняты ли все необходимые меры, чтобы помешать тому, что прибыль с капитала у нас ниже, чем в других странах? И не сделали ли мы, напротив, все, чтобы увеличить и усугубить это зло? Не прибавили ли мы к естественным причинам отлива капитала еще и искусственные? Мы провели хлебные законы, которые подняли цену такого предмета первой необходимости, как хлеб, выше цены его в других и соседних странах, и таким образом оказали воздействие на товар, который считался главным регулятором заработной платы. Там, где хлеб дорог, заработная плата не может не быть высока, а высокая заработная плата необходимо ведет к снижению прибыли на капитал. Второй причиной являются оковы, наложенные на торговлю и промышленность запрещением ввоза иностранных товаров, когда они фактически и лучше и дешевле, чем наши собственные. Это сделано было в

отместку, но г-н Рикардо утверждает, что какова бы ни была политическая линия других наций, интересы нашей страны диктуют иную позицию: если мы можем получить где-нибудь нужные нам товары по наиболее дешевой цене, мы должны обратиться туда за ними. Там, где товары всего дешевле, производство их достигает наибольшего объема, а размеры прибыли¹, а потому и спрос на капитал, будут самыми большими. Другая причина, почему мы расположены посылать капитал за границу, связана с государственным долгом. Вместо того чтобы оплачивать свои расходы из года в год, Великобритания постоянно практикует систему займов, и налоги собираются для того, чтобы платить по долгу не только простые проценты, но иногда даже сложные. Сумма этих налогов приняла такие огромные размеры, что капиталист начал уже раздумывать, стоит ли ему оставаться в стране, где он не только получает небольшую прибыль, но должен также нести большое добавочное бремя. Все денежные мотивы побуждают его лучше покинуть страну, чем оставаться. Для различных причин бедствия, из которых г-н Рикардо коснулся главнейших, не существует, быть может, никакого быстро действующего средства исцеления. Однако в работе прошлой сессии был благотворный прецедент. Г-н Рикардо имеет в виду меры, принятые с целью возобновления платежей звонкой монетой и не видит никакого неудобства в неуклонном проведении этой системы. Парламент мудро продлил действие этой системы на ряд лет. Он должен идти тем же путем и в вопросе о хлебных законах. После того, как большие капиталы были затрачены в уверенности, что в области сельского хозяйства будут действовать определенные законодательные мероприятия, было бы большой несправедливостью приступить к немедленной отмене этих законов. Но парламент должен иметь в виду конечное благо и постановить, что по истечении известного числа лет должно быть покончено с системой законов, приносящих столько вреда. Это же соображение относится и к нашему запретительному торговому законодательству. Ввиду разнообразия интересов, связанных в настоящее время с действием последнего, необходимо не только иметь в виду, но и неослабно добиваться, чтобы для их отмены назначен был хотя и длительный, но определенный срок.

• Что касается национального долга, то г-н Рикардо предчувствует, что его взгляды на этот предмет покажутся многим экстравагантными. Он принадлежит к числу тех, кто полагает, что этот долг мог бы быть выплачен и что страна в настоящий момент имеет полную возможность выплатить его. Он не ду-

¹ В подлиннике стоит: размеры его, т. е. производства, вместо объем прибыли. Вероятно, опечатка (см. кембриджское издание, т. V, стр. 33).

мает, что долг должен быть выкуплен по номинальному курсу. Кредиторы государства не могут предъявлять такое требование. Если бы долг был выплачен по биржевому курсу, то государство не нарушило бы своих обязательств. Если бы каждый человек уплатил свою часть долга, выкуп был бы осуществлен путем пожертвования известной суммой капитала. Утверждают, будто следствием этого пожертвования будет поступление на рынок столь большого количества земли, что для нее не найдется достаточно покупателей; на это можно ответить, что как только держатель государственных займов получит свои деньги, он будет стараться употребить их или на покупку земли, или на ссуды фермеру либо землевладельцу; и последний сможет таким образом стать покупателем (земли.— М. С.), особенно если правительство больше не будет выступать на рынке в качестве кредитора. Г-н Рикардо убежден, что трудность выплаты национального долга не так уж велика, как это обычно воображают. Он убежден также, что страна далеко еще не достигла пределов своего процветания и величия. Противоположное мнение могло укрепиться лишь путем сравнения положения нашей страны с положением других стран; и это мнение будет завоевывать почву до тех пор, пока наша внутренняя политика будет столь неестественными способами создавать у людей соблазн изымать капиталы из страны.

Г-н Рикардо повторяет свое убеждение в том, что план Оуэна является во многих отношениях фантастическим, но что он не будет возражать против назначения комитета, хотя бы только с целью установить, возможно ли осуществление тех выгод, которых г-н Оуэн ожидает от введения огородных методов обработки земли.

Предложения, относящиеся к документации по делам Английского банка и казначейства ¹

Г-н Рикардо говорит, что по его мнению палата поступила бы весьма неблагоразумно, если бы стала вмешиваться в те операции, которые предприняло правительство для уплаты банку полученных от него авансов на сумму в 5 млн. ф. ст. И в то же время он никак не может понять, какая опасность может произойти от получения какой-либо информации по этому вопросу. В качестве возражения было указано, что предоставление

¹ Заседание 22 декабря 1819 г. Прения по поводу предложения Мэберли о представлении отчета о том, каким образом была израсходована сумма в 5 млн. ф. ст., ассигнованная парламентом для уплаты долга Английскому банку. Канцлер казначейства возражал против предложения Мэберли.

такой информации повлечет за собой значительную биржевую спекуляцию. Г-н Рикардо полагает, что оно будет иметь как раз обратное действие, так как биржевая спекуляция всегда лучше всего поощряется тайной — тем, что некоторые лица обладают известными сведениями, которых не получают другие, с которыми они заключают сделки. Если мы, однако, предположим, что требуемая информация будет сделана, то для биржевой спекуляции не будет места, ибо каждый будет знать все, что произошло в связи с уплатой банку. Что касается мнения канцлера казначейства, а именно, что состояние вексельных курсов дает возможность установить, какой капитал уходит из страны, то на этот счет г-н Рикардо придерживается другого мнения. Предположим, что он желал бы инвестировать сумму в 50 тыс. ф. ст. во Франции или в какой-либо другой стране. Разве он не мог бы дать приказ своему корреспонденту инвестировать выручку за товары, которые ему посланы (например, 50 тыс. ф. ст.), в государственные бумаги или другие товары или земли? В вексельном курсе не могло бы произойти никакого изменения, если бы при этом не был выписан вексель. Официальные отчеты о нашем экспорте и импорте, представляемые ежегодно парламенту, таковы, что нет никакой возможности извлекать из них правильные или практические выводы. Он напоминает сообщение о том, что в период союза Англии с Ирландией каждая из двух стран представляла сравнительный и относительный отчет о своем экспорте и импорте, причем Ирландия доказывала, что она вывозила более значительное количество товаров в Англию, а Англия, наоборот, что она вывозила большее количество их в Ирландию. Поэтому из отчетов такого рода нельзя было получить никакой правильной информации. Г-н Рикардо будет голосовать за предложение своего уважаемого друга.

Петиция лондонских купцов и промышленников в связи с переживаемыми торговлей трудностями ¹

Г-н Рикардо говорит о своем удовлетворении тем фактом, что все выступавшие до сих пор достопочтенные джентльмены заявили о недопустимости нарушения законов, принятых в предшествующем году по вопросу о денежном обращении страны. Страна, несомненно, находилась в бедственном состоянии, но по вопросу о причине этого бедствия он не согласен со своим уважаемым другом, представившим петицию. Его уважаемый

¹ Заседание 24 декабря 1819 г. Прения по внесенной Ирвингом петиции представителей торговых и промышленных фирм Лондона о расследовании причин трудностей сбыта.

друг думает, что денежное обращение нашей страны имеет принудительный курс и что бедственное положение как внутри страны, так и вне ее вызвано мероприятиями, принятыми парламентом относительно денежного обращения. Г-н Рикардо, однако, убежден, что эти причины отнюдь не могли произвести такое действие и что источники бедствия нужно искать на других путях. Он хотел бы заметить, что его уважаемый друг выдвинул против него совершенно неожиданное обвинение, а именно, что он предложил план уплаты государственного долга¹, но не был в этом оригинален. Но г-н Рикардо никогда не претендовал на такую заслугу, так как хорошо знал, что многие и до него так же смотрели на этот вопрос; он надеется, что какова бы ни была его заслуга в деле применения на практике принципов, известных другим, он высказал свои взгляды с надлежащей скромностью. Он полагает, что бедствие должно быть приписано главным образом недостаточности национального капитала для проведения всех операций промышленности и торговли. Но почему недостаточность капитала в настоящее время больше, чем прежде? Если бы прибыль на капитал была выше и труд был более производителен в других странах, то нет сомнения, что капитал был бы переведен в эти страны: это яснее любой теоремы Эвклида. Он полагает, что это зло было значительно усугублено плохими законами, и он уже раньше приводил примеры таковых. Он, например, ссылаясь на хлебные законы; как бы непопулярны ни были выдвигаемые им положения среди некоторых джентльменов, он откровенно высказывает свое мнение: хлебные законы существенно увеличили зло. Эти законы имели тенденцию повысить цены на предметы питания, а это повысило цену труда, что, конечно, уменьшило прибыль с капитала. Но самой главной причиной всего зла был национальный долг и, как следствие его, большие налоги. Вот почему главной целью законодательных учреждений должно быть принятие мер для уплаты этого долга, и эти меры должны быть осуществлены как можно скорее. Так как этот долг отягощает весь капитал страны, то очевидно, что капитал, вывозимый из страны, освобожден от этого бремени, тогда как капитал, который остается в стране, вынужден, конечно, платить более значительную часть долга и налогов. Чтобы оградить страну от этого зла, которое приводило к несправедливости по отношению к отдельным лицам и наносило в то же время ущерб всей нации, следовало бы обложить весь капитал страны для погашения го-

¹ По отчету газеты «Times», «план регулирования денежного обращения»; вышеприведенная формулировка «план уплаты государственного долга» взята из отчета газеты «Morning Chronicle» и приведена в кембриджском издании.

сударственного долга так, чтобы нельзя было больше вывезти из страны капитал, не уплатив справедливой доли этого долга. Выполнение этого плана может сопровождаться трудностями, но значение этого вопроса таково, что стоит произвести эксперимент и преодолеть все возможные затруднения. Весь план уплаты государственного долга, предлагаемый г-ном Рикардо, может, по его мнению, быть осуществлен в течение четырех или пяти лет. С целью погашения государственного долга он предлагает выпустить чеки на правительство, выдаваемые каждому покупателю, причем эти чеки должны отличаться от обычных средств обращения страны, но должны приниматься правительством в уплату налогов. Таким образом, долг мог бы быть постепенно ликвидирован, по мере того как правительство постепенно получало бы налоги с капитала, чтобы иметь средства для этой ликвидации. Г-н Рикардо не собирается, однако, останавливаться больше на этом химерическом проекте, каким его считают, насколько ему известно, все, кроме него самого, но перейдет к рассмотрению предложенной его уважаемым другом петиции. Последний считает особенно достойным внимания тот ее пункт, согласно которому назначенный палатой комитет должен исследовать наложенные на торговлю ограничения с целью их отмены. Но его уважаемый друг должен принять во внимание, что от работы такого комитета нельзя ожидать какого-либо непосредственного эффекта, так как ограничения, о которых идет речь, не могут быть внезапно отменены, как бы ни были они обременительны. На самом деле, отмена должна быть проведена медленными темпами, поскольку эти ограничения тесно переплетены с общей системой торговли страны. Однако исследования такого комитета, который, как надеется г-н Рикардо, уделит особое внимание рассмотрению хлебных законов, могли бы все же принести большую пользу. Его уважаемый друг указал, что необходимо внести определенное изменение в меры, принятые для отмены ограничений, наложенных на Английский банк, а именно, что не следует обязывать банк платить золотом до тех пор, пока не наступит срок для производства таких платежей по самому низкому курсу. Он, напротив, думает, что было бы гораздо выгоднее для самого банка производить платежи уже установленным порядком, потому что такие платежи, будучи производимы постепенно, помешали бы падению курса и подготовили бы банк для полного возобновления платежей металлом. Единственное изменение, которое г-н Рикардо считал бы действительно желательным, заключается в том, чтобы обязать банк постоянно платить по своим банкнотам слитками, а не монетой; он не понимает политики, обязывающей к затратам на чеканку золотой монеты для нужд денежного обращения, тогда как эти последние могут быть удовлет-

ворены так же хорошо, если не лучше, бумажными деньгами. В этом случае следовало бы только принять меры к тому, чтобы действительная стоимость бумажных денег равнялась их номинальной стоимости соответственно установленному и всеобщему стандарту стоимости или соответственно их номинальной сумме в монете. Его уважаемый друг рекомендовал установление двух стандартов стоимости, а именно: серебра и золота. По моему мнению, этот проект вызывает особенно сильные возражения потому, что если бы существовали два стандарта, то было бы больше шансов для колебаний, а между тем желательно установить наименее изменчивый стандарт стоимости для того, чтобы сохранить устойчивый характер нашего денежного обращения.

С Е С С И Я

1820 г.

МАЙ – ИЮЛЬ

Петиция лондонских купцов об отмене ограничений торговли ¹

Г-н Рикардо просит благородного лорда (выступавшего перед ним лорда Мильтона) вспомнить, что, когда во время последней сессии он выступал по вопросу о слитках, цена золота составляла 4 ф. ст. 3 шилл. за унцию и что в настоящее время она равняется 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс. Поэтому эта мера не могла привести к такому стеснению, о каком говорил благородный лорд ².

В то время, когда имела место эта дискуссия, г-н Рикардо скорее был бы склонен изменить стандарт, чем прибегать к старому стандарту. Но пока заседал комитет, произошло понижение цены золота, которая упала до 4 ф. ст. 2 шилл., и тогда возник вопрос, должны ли мы принести в жертву важный принцип, устанавливая новый стандарт, или рискнуть маленькими трудностями и замешательством, оставаясь при старом.

Что касается петиции, предложенной палате, то г-н Рикардо слушал ее с большим удовольствием. Ему в особенности доставили удовольствие либеральные взгляды, развитые уважаемым джентльменом (Бэрингом). Большим источником удовлетворения было для него то обстоятельство, что столь же здравые, сколь и либеральные, принципы были выдвинуты такой важной корпорацией, как объединение лондонских купцов. Одно только обстоятельство удивило его: странно, что эти принципы были выдвинуты лишь в настоящее время, что для их продвижения потребовалось так много времени с тех пор, как они впервые были провозглашены Адамом Смитом. Как бы ни была желательна предлагаемая в настоящее время система, невоз-

¹ Заседание 8 мая 1820 г. Петиция была представлена Бэрингом. Это была знаменитая «петиция о свободе торговли». Она была составлена Томасом Туком, который дает подробный отчет о ней в своей «Истории цен», т. VI (1857 г.).

² Мильтон считал, что причиной экономических затруднений, переживаемых Англией, была не только система коммерческих ограничений, но также и реформа денежного обращения, что якобы недооценил Рикардо

можно отрицать, что на пути к ее завершению лежат некоторые трудности. Эти трудности двоякого рода: первая сводится к вопросу о доходе. Увеличение источников дохода представляет, несомненно, задачу всякого мудрого правительства, и там, где налоги особой категории ложились тяжелым бременем на народ, ему (Рикардо) кажется особенно трудным заменить их другими налогами. Другая трудность, и более значительная, касается вложенных капиталов. Многие вкладывают свой капитал, будучи убежденными, что оградительная политика будет продолжаться. Поэтому, как бы ни была вредна эта последняя, ничто не могло бы быть более несправедливым, чем внезапная отмена ее, приводящая к абсолютному разорению тех, кто инвестировал большие капиталы, полагаясь на давно установленные законы, каковыми являются ограничительные законы. Но это отнюдь не есть аргумент в пользу продолжения существования оградительной системы и в будущем. Ни один аргумент не кажется г-ну Рикардо более вредным—более очевидно ведущим к смятению и возмущению, чем следующее утверждение: если мы однажды поступили неправильно, то не должны исправлять дело, а должны упорствовать в заблуждении и увековечивать всякую вредную систему.

Он полагает, что палата должна в настоящее время сделать то, что было рекомендовано комитетом о слитках¹. Были трудности очень серьезного рода, связанные с системой, которая была принята комитетом, по крайней мере с ее немедленным проведением в жизнь. Что же было сделано в том случае? То, что должно было сделано и в настоящем — возвращение к платежам наличными было растянуто на большой период времени. Так и в настоящее время следует постепенно вернуться к лучшей системе регулирования торговли, предоставляя тем, кто вложил в дело свой капитал, вполне достаточное время, чтобы перевести его в другие каналы. Поступив таким образом, можно сказать капиталистам: «Настоящая система будет продолжать свое существование лишь столько времени, сколько нужно для того, чтобы вы могли приспособиться к новой системе, которую мы предлагаем, не жертвуя своими интересами». Таким образом, некоторые ограничения могут быть отменены немедленно, без каких-либо неудобств; другие могут быть постепенно ослаблены, а третьи могут быть сохранены до тех пор, пока наше положение улучшится настолько, что отмена их не представит никаких неудобств. Г-н Рикардо был удивлен, что distinguished gentleman (Робинзон), высказавший столь либеральные принципы политической экономии и выступавший так открыто

¹ Комитетом, назначенным в 1819 г. по вопросу о возобновлении платежей наличными.

против политики торговых ограничений, сделал, однако, оговорку в пользу хлебных законов. Они необходимы, сказал он, чтобы защищать интересы сельского хозяйства. Г-н Рикардо был бы готов признать действительность этого аргумента, если бы можно было доказать, что аграрии несут большее бремя, чем другие классы общества. Но в чем заключались их особенные тяготы? Они страдают не больше, чем любой класс, и от налога на солод, и от налога на кожи, и от любого другого известного ему налога. Эти налоги являются общими для всех и все одинаково чувствуют их бремя. Но говорят, что налоги в пользу бедных падают на них особым бременем. Пусть так. Если налоги в пользу бедных действительно более обременительны для них, чем для других классов, и имеют тенденцию повышать цену хлеба, он рекомендовал бы компенсационную пошлину на ввоз иностранного хлеба в размере, соответствующем дополнительным тяготам землевладельцев. Он допускает, что налоги в пользу бедных действительно поднимают цену хлеба, потому что они падают на землю и обременяют только земледельцев. Но если наряду с последними и другие классы общества несут одинаковое бремя, то они не испытывают особой невыгоды и не имеют права на покровительство. Г-н Рикардо вполне готов допустить, что необходимость поддерживать бедных составляет единственный или лучший аргумент в защиту хлебных законов. Десятина также является еще одним бременем для земельных собственников и он допускает, что она имела тенденцию повышать в некоторой мере цену хлеба. Он поэтому не возражает против соответствующей компенсационной пошлины. Различие между налогами в пользу бедных и десятиной заключается в том, что мы должны поддерживать бедняков, каков бы ни был урожай, тогда как церковь может требовать только десятую часть того, что было собрано; потому что, как бы недостаточен ни был сбор, духовенство должно довольствоваться своей долей и находить ее достаточной для своего содержания.

Бедственное состояние земледелия ¹

Г-н Рикардо говорит, что он вообще не расположен отказывать петиционерам в таком обследовании, хотя полагает, что при настоящем положении страны этот вопрос должен быть поставлен со всей осторожностью. Рабочие классы находятся в величайшей нужде во всем королевстве. И не в такое время

¹ Заседание 12 мая 1820 г. Прения по поводу шести петиций аграриев графства Букингем. Петиции были представлены графом Темплом, который настаивал на обследовании положения дел в сельском хозяйстве.

следует принимать меры к поднятию цены хлеба. Интересы землевладельцев страдают, но это все же лишь один класс, благосостояние которого не должно достигаться принудительно за счет всеобщих жертв. Нет более важного вопроса, чем вопрос о хлебных законах. По его мнению, ничто не может привести вернее к всеобщему облегчению, чем понижение цен на хлеб. Это первый шаг к такому большому достижению, как повышение производительности труда.

Бедственное состояние земледелия ¹

По мнению г-на Рикардо, петиционеры ставят себе целью не что иное, как получение монополии на английском рынке. Следствием этого было бы повышение цены на хлеб, а это легло бы большой тяжестью на все другие классы. Понятия петиционеров о покровительственных пошлинах в высшей степени ошибочны и были бы, в случае их осуществления, губительны для всей торговли. Если они полагают, что компенсационные пошлины должны равняться по своей величине разнице между ценой, по которой хлеб может быть продан в нашей стране, и той, по которой он продается на каком-либо иностранном рынке, то они исходят из весьма ошибочного принципа, какой, он надеется, никогда не будет проведен в жизнь. Предположим, что хлеб продается у нас по 80 шилл. ² и что в Польше его можно получить по 40 или по 50 шилл.; если бы при этих условиях была установлена компенсационная пошлина в 30 шилл., то это положило бы конец всякому ввозу и всем основам торговли ³. В этом случае импортер безусловно терял бы всю сумму фрахта и, естественно, никто не стал бы ввозить. Следствием этого было бы повышение цены хлеба на внутреннем рынке до непомерных размеров. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, г-н Рикардо надеется, что предложение назначить особый комитет, когда бы оно ни было внесено в палату, будет отвергнуто.

¹ Заседание 25 мая 1820 г. Прения по поводу представленной лордом Мильтоном петиции йоркширских аграриев об оказании им покровительства против иностранной конкуренции.

² Очевидно, за квартал.

³ Это место речи Рикардо передано несколько подробнее в «Парламентских отчетах» Коббетта, а именно:

«Представления аграриев о компенсационных пошлинах совершенно необычны; они требуют такой пошлины, которая была бы равна разнице между издержками по выращиванию хлеба у иностранцев и у нас. Если бы этот принцип был осуществлен, то прекратилась бы всякая внешняя торговля. Если, например, хлеб можно выращивать по 50 шилл. в Польше и по 80 шилл. у нас, они потребовали бы пошлины в 30 шилл.»

Бедственное состояние земледелия¹

Г-н Рикардо говорит, что в первой части дебатов было высказано мнение, с которым он соглашается от всей души, а именно, что в законодательной работе интересы одной группы людей не должны приниматься во внимание в ущерб интересам других, но что каждая группа должна привлекать к себе внимание соответственно ее значению. Он желает следовать этому правилу и именно потому, что он считается с интересами всего общества, он выступает против хлебных законов. Многие соображения, которые он намеревался высказать, были уже высказаны его уважаемым другом, членом от Таунтона (Бэрингом). Аграрии настаивают, что имеют право на такие покровительственные мероприятия, которые обеспечивают им достаточную цену за их продукты, но забывают, что никакая достаточная цена не может быть установлена. Бесплезно говорить об установлении достаточной цены, раз она неизбежно должна изменяться в зависимости от обстоятельств². Если при прекращении ввоза фермер был вынужден затратить свой капитал на бедную или непроизводительную землю, чтобы удовлетворить национальный спрос, то достаточная цена, при которой он мог бы сохранять эту землю под обработкой, должна быть очень высокой по сравнению с ценой хлеба в других странах, где земля лучше и требует меньше труда. Откройте порты, допустите заграничный хлеб, и эти земли перестанут обрабатывать; менее высокая цена будет тогда достаточна для более плодородных земель. Вы можете, таким образом, иметь пятьдесят достаточных цен, смотря по тому, где затрачивается ваш капитал: на производительных или непроизводительных землях. Но законодательная власть должна обращать внимание не на частичные потери, угрожающие тем немногим, кто не в состоянии обрабатывать свою землю с прибылью при понижении достаточной цены, а на общие интересы всей нации. В связи с этим г-н Рикардо затрагивает и вопрос о прибыли на капитал. По его мнению, достаточная цена могла бы быть так определена, что 50 шилл. за квартал отвечали бы цели, но, во всяком случае, он полагает, что если бы фермеры в нашей стране могли

¹ Заседание 30 мая 1820 г. Прения по предложению Сэмнера назначить особый комитет для рассмотрения петиций. Речь Рикардо, как говорит он сам в письме к Мак-Каллоху, «была изложена газетами неточно во многих отношениях».

² Хотя отчет в целом составлен по газете «Times», данная фраза взята из отчета «Morning Chronicle», где она продолжена следующим образом: «Они могут установить ее в 70 шилл., если им угодно, но как только будут открыты порты, они получают достаточную цену, установленную в других странах».

производить достаточно хлеба, чтобы удовлетворить спрос, то 70 шилл. могли бы рассматриваться как покровительственная цена. Он полагает, что лучше иметь большое количество продуктов по низкой цене, чем малое количество по высокой. Если мы удешевим пищевые продукты, народ будет в состоянии купить большее количество их и употребить часть своих заработков на покупку предметов комфорта. Высокая цена средств существования уменьшает прибыль с капитала следующим образом: цена мануфактурных изделий — например, куса ткани — составляется из заработной платы рабочего, расходов управления и процента на капитал. Заработная плата рабочего определяется главным образом ценой предметов, необходимых для существования; если цена хлеба высока, то цена труда, которая могла прежде составлять 50% цены мануфактурных изделий, может подняться до 60%, и если товар будет продан потребителю по той же цене, то 10% (разница) необходимо будут вычетом из прибыли на капитал. Если бы предметы питания были у нас дороги, а за границей дешевы, то капитал стремился бы покидать нашу страну и оседать там, где он мог бы реализовать более высокую прибыль. Достопочтенный министр торговли (Робинзон) был непоследователен, отвергая назначение комитета для исследования более важного вопроса и соглашаясь в то же время с предложением назначить комитет для исследования столь маловажных вопросов, как методы выведения средней. Не этого хотят петиционеры. Они заявили, что могут производить столько, сколько нужно для внутреннего рынка, и требуют для себя монополии на этом рынке. Г-н Рикардо готов допустить, что это заявление вполне обосновано. Он готов даже допустить, что наша страна способна дать большой прирост населения и что мы можем производить достаточно, чтобы прокормить это добавочное население. Но надо обратить внимание и на вывод, сделанный из этого петиционерами — они потребовали, чтобы ввоз был на этом основании запрещен. Ответ на всю их аргументацию совершенно ясен: «Вы можете производить эти продукты, это правда, но мы можем получить их дешевле из других стран». Они могли бы производить их, но целесообразно ли, чтобы они это делали при таких условиях? Все общие принципы говорят против этого. Они могли бы утверждать, что они в состоянии производить достаточно свеклы для производства сахара, как во Франции, так же как производить достаточно хлеба для внутреннего потребления; и все это только на том основании, что это может быть сделано. Один из наших коллег осмелел эту абсурдную схему Бонапарта в самых резких выражениях; его насмешки относятся в такой же степени к производству хлеба в нашей стране, раз мы можем получить его дешевле в других местах.

Другой их аргумент заключался в том, что так как судовладельцы и купцы пользуются защитой навигационного акта и других постановлений, то и они имеют право на покровительство путем запрещений. Но г-н Рикардо отрицает, что эти покровительственные законы приносят какую бы то ни было пользу стране. Навигационные законы совершенно бесполезны. Пусть бы выбрали какую угодно отрасль промышленности и торговли и оградили ее покровительственной пошлиной. Эта мера могла бы быть выгодна для данной отрасли, но может быть убыточна для всей остальной страны. Нет более ясного принципа, чем этот. Аргумент землевладельцев сводится к тому, что раз законодательство дало возможность судовладельцу и фабриканту хлопчатобумажных изделий вредить обществу, то оно должно дать и им привилегию делать то же самое. Они говорили также о налоге на солод, как будто налог на солод не является общим бременем, которое падает на каждый класс общества. Они заявляли также, что дают 30% ¹ всего продукта страны. Г-н Рикардо оспаривает, что земельный собственник доставляет 30% всего продукта страны. Продукт всей страны оценивается по стоимости в 200 млн. ф. ст. в год. 30% составили бы 60 млн. ф. ст.; но сверх того имеются еще налоги на роскошь, таможенные пошлины и различные другие источники дохода. Все это доказывает, что цифра в 30% была ошибочна. Они говорили также о поощрении, которое оказывалось иностранному труду, но, спрашивает г-н Рикардо, какой товар могли бы они ввозить, который не был бы продуктом иностранного труда. А за последний, следует заметить, дается в обмен английский труд. Ошибка, которая была совершена в 1816 г. ², заключалась в том, что хлебные законы были введены как постоянные. Они должны были быть временной мерой и прекратить свое действие, как только истекли бы существовавшие тогда арендные договоры и фермер был бы в состоянии заключить новый договор с землевладельцем. Было ведь еще немало мероприятий, принятие которых могло быть вполне целесообразным на определенное время и в силу требований данного момента, даже если они находились в противоречии с общими принципами, но парламент должен был бы всегда обеспечивать при этом возможность возвращения к правильной системе. Нужно вернуться к последней так скоро и так полно, как только возможно, но при всех условиях необходимо вернуться назад. Ничто не могло вызвать большее потрясение, чем упорство в сохранении неправильной меры только потому, что она

¹ В отчете «Morning Chronicle» за этими словами следует: «всего сырого продукта страны; если бы это было так, то доход страны был бы гораздо выше, чем сумма, в которую он когда-либо оценивался».

² В отчетах допущена ошибка. Хлебные законы были введены в 1815 г.

была когда-то принята ради временных нужд. Возвращаясь к вопросу о компенсационных пошлинах, о которых он прежде говорил, г-н Рикардо утверждает, что не было необходимости устанавливать компенсационную пошлину, которая должна восполнить разницу между ценой, по которой иностранец продавал свое зерно, и ценой, по которой мы можем производить его. По его мнению, компенсационная пошлина есть такая пошлина, которая уравнивает тот или иной налог, наложенный на какой-либо отдельный класс общества. Компенсационные пошлины другой категории целиком разрушили бы все торговые сношения. Он соглашается, что интересы сельских хозяев и других классов общества могли бы быть тождественны при условии, что мы отказываемся от всяких торговых сношений с другими нациями; но так нельзя ставить вопрос по отношению к внешней торговле. Фермеру может быть выгодно ограничить снабжение фабриканта лишь тем хлебом, который он может доставить ему по высокой цене, тогда как фабрикант может получить этот хлеб дешевле из-за границы. Цена хлеба может повыситься в силу двух причин: либо благодаря обеспечению средств обращения, что подействует на хлеб так же, как и на другие товары, либо благодаря законодательным ограничениям, которые могут изменить меновое отношение хлеба к другим товарам. Уменьшая прибыль на капитал, повышение цены хлеба в силу последней причины имеет тенденцию приносить ущерб всем, кто не заинтересован в обработке земли. Здесь говорили, что национальный долг и бремя налогов являются источниками, из которых возникли затруднения. Это не так. Если бы мы избавились как от всех налогов, так и от долга, то возник бы тот же вопрос, потому что до тех пор, пока население чужих стран не в состоянии потребить продукты своей земли, а население нашей страны является более чем достаточным, будет существовать стимул к ввозу.

Некоторые джентльмены, по-видимому, думают, что налоги меняют существо вопроса, поскольку речь идет о нашем обмене с иностранцами. Это было бы, несомненно, так, если бы мы облагали налогами один предмет больше, чем другие, для того чтобы прекратить снабжение чужих стран этим товаром, но если бы мы облагали налогами все товары одинаково, то торговля в целом не была бы затронута. Если бы, например, наша страна производила хлеб и сукно и производство каждого из этих товаров было обложено одинаковыми налогами, то размер этих налогов не вызвал бы никакого различия в относительной выгоде, которую имел бы один род производства перед другим, а следовательно и в выборе товара, которым мы могли бы снабжать другие нации или какой мы могли бы

получать от них. Нам возразят на это, однако, что налоги сделали бы все предметы дороже. Г-н Рикардо согласен с этим, но хотя мы могли бы таким образом временно прекратить продажу этих товаров другим странам, мы не перестали бы покупать у них до тех пор, пока уменьшение количества денег, которыми мы владеем, не привело бы также к понижению цен и не поставило бы нас на один уровень с другими странами. Одним из главных зол, причиняемых существованием национального долга, является то обстоятельство, что он мешает уменьшению налогов в том же отношении, в каком уменьшается количество денег. Если бы, например, ярд сукна, стоящий 22 шилл., был обложен налогом в 2 шилл., то страна считала бы, что уплачивает 1/11 стоимости; но если бы в результате изменения распределения денег стоимость сукна понизилась до 20 шилл. за ярд, а налог не изменился бы, то страна платила бы 1/10 стоимости. Приводился еще и другой аргумент, который кажется самым важным, поскольку он наиболее убедительно говорит в пользу хлебных законов, — это утверждение, что, ввозя хлеб, мы попадаем в зависимость от чужих стран. Поскольку речь идет об экономии, этот аргумент не заслуживает никакого возражения со стороны всякого, мало-мальски знакомого с предметом, но поскольку в нем заключается указание на нежелательность зависеть во время войны от других стран в обеспечении хлебом, постольку этот аргумент имеет известный смысл. В ответ на это можно сказать, что если бы мы в мирное время ввозили хлеб из какой-либо страны в значительном размере, то эта страна привыкла бы производить хлеб специально для нашего потребления. В случае войны с нами такая страна испытывала бы крайние бедствия. Мы знаем, какое действие оказывает на падение цены хлеба даже самый незначительный избыток производства этого товара над спросом на него; поскольку его потребление не может быстро увеличиться, излишек его не имеет никакой меновой стоимости. Все бедствия сельского хозяйства, на которые мы жалуемся, не составили бы и 1/10 того, что испытала бы эта страна. Но все это сказано при предположении, что все наше снабжение хлебом шло бы из одной страны, тогда как в действительности оно шло бы из множества разных стран. Вероятно ли, что мы вели бы войну сразу со всеми этими странами? Г-н Рикардо полагает поэтому, что этот аргумент едва ли лучше обоснован, чем другие. Наша страна была бы самой счастливой в мире, и рост ее процветания превосходил бы все, что может представить себе воображение, если бы мы избавились от двух больших зол — национального долга и хлебных законов. Когда г-н Рикардо говорит об избавлении от национального долга, он имеет в виду не простое его уничтожение, а честное погаше-

ние. Его идеи по этому вопросу известны. Он не слышал ни одного аргумента, который доказал бы, что рекомендуемые им мероприятия не являются наилучшей политикой в этом вопросе. Если бы это зло было устранено, дальнейший путь промышленности и торговли и цен на товары стал бы естественным и правильным; если бы хлеб ввозился или вывозился, как в других странах, без ограничения, то поскольку наша страна владеет самыми умелыми рабочими, наиболее развитой промышленностью, лучшими машинами и всякими другими преимуществами в высшей степени, она достигла бы несравненного и почти непостижимого по своим размерам процветания и счастья. Ввиду позднего времени г-н Рикардо не затрагивает других сторон этого вопроса. Члены палаты были к нему более благосклонны, чем он ожидал. Он будет голосовать против предложения, потому что убежден, что предлагаемый комитет породит зло, а не благо.

Новый заем ¹

Г-н Рикардо считает, что настоящий заем заключен на очень удовлетворительных условиях. По его мнению, невозможно было заключить его на более благоприятных условиях. Он, однако, объясняет эти благоприятные условия советом своего уважаемого друга (Гренфелла), который несколько лет назад предложил, чтобы комиссары национального долга получили разрешение подписываться на заем в размере находящихся в их руках остатков денежных сумм на балансе. В настоящем случае они последовали этому совету. Но если бы они придерживались старого способа и заем был бы заключен на 17 млн. ф. ст., то результат был бы совершенно иной. Другой причиной, которая обеспечила более благоприятные условия займа, является его незначительная номинальная сумма. Принять участие в торгах по размещению займа в 5 млн. ф. ст. могло большее число лиц, и поэтому конкуренция в связи с нынешним займом была более обширна, чем обычно, и гораздо сильнее, чем если бы заем был размещен на сумму в 17 млн. ф. ст. Благодаря этим обстоятельствам distinguished gentleman (Ванситтарт) добился таких условий, которые должны быть весьма удовлетворительны для страны. Г-н Рикардо полагает, что для государства нет лучшего способа заключения договоров,

¹ Заседание 9 июня 1820 г. Канцлер казначейства (Ванситтарт) предложил, чтобы 5 млн. ф. ст., предназначенные для выдачи королю, были реализованы путем займа. Рикардо выступал по этому вопросу три раза.

чем открытая конкуренция. Он надеется, что эта система войдет в общую практику. На одном из прошлых заседаний один уважаемый джентльмен задал несколько вопросов относительно большого количества билетов казначейства, выпущенных правительством по номинальной цене, тогда как на рынке они шли с дисконтом. Из объяснений distinguished джентльмена (Ванситгарта) следовало, что они были выпущены в результате договора, заключенного на покупку определенного количества серебра. Так вот, совершенно очевидно, что 7 или 8 шилл., полученных правительством от лиц, с которыми был заключен договор, были бы возмещены из прибыли в цене серебра: эти лица, несомненно, повысили бы цену серебра на сумму, которую могли потерять. Г-н Рикардо полагает, что и в этом случае система открытой конкуренции была бы наиболее целесообразна и что казначейские билеты должны были быть куплены таким образом. Он желал бы получить некоторые разъяснения по вопросу о количестве билетов казначейства, о чем несколько вечеров назад была уже затребована информация. Об этом было сделано сообщение, но его уважаемый друг (Гренфелл) и другие джентльмены заявили, что не поняли его. Сделка с билетами казначейства показалась и ему очень таинственной и он в ней совершенно не мог разобраться. По-видимому, были приняты меры к тому, чтобы использовать возрастающую сумму консолидированного фонда. Его уважаемый друг (Гренфелл) указал на это и заметил, что возросшая сумма могла бы стать производительной и полезной для государства. В результате его вмешательства некоторое время назад был внесен билль, дающий возможность использовать эту возросшую сумму с той, однако, оговоркой, что заем из этого фонда не может превышать 6 млн. ф. ст. Но случилось так, что этот возросший консолидированный фонд не был достаточен для покрытия авансов, полученных под него в предыдущем квартале. Г-н Рикардо хотел бы объяснить это следующим образом: предположим, что это имело место в начале квартала, что государственные доходы и расходы подсчитаны и что дефицит составлял 3 млн. ф. ст.; Английский банк сначала восполнил его, а затем получил бы назад из суммы консолидированного фонда эти 3 млн. ф. ст. в течение начавшегося квартала. Предположим далее, что сверх суммы в 3 млн. ф. ст. скопилась такая же сумма. Тогда государство могло бы использовать эти 3 млн. ф. ст., так как в силу указанного билля из фонда может быть занята для государственных нужд сумма в 6 млн. ф. ст. Такова была система. Но как же могло государство, спрашивает г-н Рикардо, использовать какую-либо часть этого возросшего фонда, если оно было фактически в долгу? Ему это в высшей степени трудно

понять. В апреле 1819 г. была выпущена таким образом для государственных нужд сумма в 2027 тыс. ф. ст. Было заявлено, что государство пользовалось этими деньгами с этого времени до апреля 1820 г. Но каким образом государство могло получить эту сумму из растущего консолидированного фонда, который не имел никакого излишка, а был напротив в долгу, причем этот долг составлял сумму больше, чем в 6 млн. ф. ст., каковую сумму правительство было уполномочено актом парламента занимать из этого фонда? Так как он не понимает этого, то он был бы обязан достопочтенному джентльмену (Ванситарту), если бы тот сообщил палате, действительно ли государство использовало эти 2027 тыс. ф. ст. с апреля 1819 до апреля 1820 г.

(Канцлер казначейства дает объяснения).

Г-н Рикардо замечает, что 5 июля 1819 г. дефицит составлял 8400 тыс. ф. ст. «Но,— сказал достопочтенный джентльмен (Ванситарт),— надо учесть и сумму в 2600 тыс. ф. ст. (без процентов), за которую были депонированы билеты казначейства». Именно это г-н Рикардо отрицает и утверждает, что государство не использовало эту сумму.

Г-н Рикардо считает совершенно излишним, чтобы Английский банк уменьшил количество своих средств обращения еще больше, чем оно уменьшено до настоящего времени. Почтенный олдермэн сказал, что золото продается теперь по монетной цене¹. Он мог бы, может быть, сказать, что цена золста несколько ниже монетной цены; г-н Рикардо знает, что некоторые лица отдают золото в Монетный двор для перечековки в монету, а они не могли бы сделать этого, если бы цена золота не была несколько ниже монетной цены, потому что должно пройти некоторое время, прежде чем они получили бы выгоду от перечековки. Но почтенный олдермэн, по-видимому, ошибается, предполагая, что уменьшение количества денег в обращении было следствием этого займа и уплаты банку его авансов. Уменьшение суммы банкнот в течение последнего года не превысило 2 млн. ф. ст. Это уменьшение на 2 млн. ф. ст. было все, что необходимо, чтобы добиться того состояния денежного обращения, которое считалось (в этом все соглашались с комитетом финансов) желательным. Если Английский банк действительно желал преследовать свою собственную вы-

¹ Олдермэн Гейгет выступил против заключения займа и выпуска казначейских билетов для уплаты Английскому банку, так как эти меры вызвали бы сокращение количества средств обращения, а это сопровождалось бы увеличением переживаемых страной трудностей. «Такое сокращение в настоящее время не нужно, поскольку при одинаковой цене золота и монеты банкноты обмениваются по паритету».

году, то она ясна и проста: если бы он очень значительно уменьшил количество обращающихся банкнот, о чем г-н Рикардо весьма искренно сожалел бы, то следствием этого было бы такое повышение их стоимости и такое падение цены золота, что отдельные лица отдавали бы свое золото на Монетный двор и старались бы заполнить обращение золотом. Что касается беспокойства, испытываемого его уважаемым другом (Гейгетом), то оно не имеет никакого основания, так как тут нечего опасаться: банк будет, конечно, иметь достаточное количество банкнот, потому что его собственная выгода зависит от эмиссии. Что касается фонда погашения, то аргумент г-на Рикардо, а также его уважаемого друга заключается в следующем: «Уберите все, что имеет тенденцию вводить в заблуждение страну — уменьшите фонд погашения на всю сумму, которая не является в действительности превышением доходов над расходами». Поэтому г-н Рикардо согласен с мнением почтенного олдсмермена, что следует немедленно изъять из фонда погашения ту часть его, которая, будучи номинальной, представляет только фикцию.

Отчеты Английского банка ¹

Г-н Рикардо полагает, что, если благодаря связи с правительством и управлению его вкладами, как это было заявлено, банк все же не получал большей прибыли, чем получил бы любой частный банк, который имел бы такие остатки денежных сумм на балансе, то он, значит, вел свои собственные дела очень плохо. Достопочтенный директор отметил, что одной из больших выгод, полученных государством от банка, является беспроцентная ссуда правительству известной суммы денег. Но это дело было в свое время совершенно иначе изложено директорами банка. Банк тогда находился в таком положении: ему было разрешено увеличить сумму своего капитала, вместо того чтобы разделить большую сумму прибыли между собственниками, т. е., вместо того чтобы выдать более значительный дивиденд, он получил разрешение прибавить его к своему капиталу. И, как тогда все понимали, заем в 3 млн. ф. ст., по которому не полагалось никаких процентов, было вознаграж-

¹ Заседание 13 июня 1820 г. Гренфелл требовал, чтобы представленный Английским банком отчет был напечатан, и снова указал на большие прибыли, полученные банком благодаря тому, что в его руках находились все государственные балансы. Эти прибыли теперь несколько уменьшились, но могут быть сокращены еще на 100 тыс. ф. ст., взимаемых за управление государственным долгом. Пирс, один из директоров банка, выступил в защиту банка.

дением государству в благодарность за такое разрешение. В прежнее время вознаграждение банку должно было быть огромным или же оно в настоящее время значительно ниже того, что полагается. По его, г-на Рикардо, мнению о расходах по управлению, остатки, о которых шла речь, так невелики, что едва ли было необходимо поднимать этот вопрос в палате.

Бюджет ¹

Г-н Рикардо говорит, что ему не ясно, какую выгоду должен был получить денежный рынок от мероприятий, предлагаемых канцлером казначейства. Тот факт, что после пяти лет мира мы все еще увеличиваем наши расходы, конечно, достоин сожаления. Согласно заверению канцлера казначейства, мы имели в действительности в течение последнего года фонд погашения всего лишь в 1 млн. ф. ст. Если это верно и если бы канцлер казначейства обратил внимание на данные, содержащиеся в докладе комитета финансов, он увидел бы из данных о расходах, что в действительности был дефицит. Г-н Рикардо хотел бы здесь заметить, что нашел сумму в 1125 тыс. ф. ст., происхождение которой совершенно необъяснимо. В отчете нет никаких данных, на основании которых можно было бы проследить, откуда предполагалось получить эту сумму. Он уже принял во внимание упомянутый канцлером казначейства излишек в 1 млн. ф. ст., но должен настаивать, что сумма в 1125 тыс. ф. ст. все время стоит в противоречии с официальным отчетом канцлера казначейства, по каким бы документам он ни проверял. Эта сумма в 1125 тыс. ф. ст. должна поэтому фигурировать среди других подлежащих уплате требований. Г-н Рикардо считает себя вправе думать, что канцлер казначейства был обязан принять меры для уплаты и этой конкретной суммы наряду с другими. По расчетам достопочтенного джентльмена в будущем году мы будем иметь фонд погашения размером от 3 до 4 млн. ф. ст. Для текущего года он рассчитал, что за вычетом 9 млн. ф. ст. неконсолидированного долга, подлежащего уплате из 11 млн. ф. ст., мы будем иметь фонд погашения около 2 млн. ф. ст. Но, кажется, достопочтенный джентльмен забывает, что это мнимое улучшение фонда дважды фигурирует в одном и том же заявлении. Сначала он сказал, что мы будем иметь фонд погашения такого-то размера, но когда он начал говорить о дефиците консолидированного

¹ Заседание 19 июня 1820 г. Прения по докладу канцлера казначейства (Ванситарта) о бюджете.

фонда и о фонде, из которого он мог бы быть пополнен, он, очевидно, забыл, что, распространяясь о фонде погашения, он ссылаясь на него как на фонд, из которого должны быть покрыты недостатки. И при всех этих расчетах он, очевидно, забыл, что в квартале, окончившемся в январе 1819 г., существовал дефицит в 8 млн. ф. ст. по билетам казначейства. Г-н Рикардо совершенно согласен со всем, что было сказано его уважаемым другом, представителем Пенрина (Гренфеллом), по вопросу о вызывающем тревогу дефиците консолидированного фонда. Он вполне признает вместе с ним, что постоянно увеличивающаяся сумма, приносимая консолидированным фондом, была прежде вполне достаточна для оплаты всех требований за текущий квартал, тогда как теперь она недостаточна даже для того, чтобы оплатить задолженность предыдущего квартала. В прошлом году он считал, что комитет финансов следовал хорошей системе при означении палаты с действительным положением финансов страны. Комитет давал возможность установить, было ли финансовое положение лучше или хуже, чем в соответствующий период предыдущего года. Г-н Рикардо попытался применить эту же систему к отчетам этого года и нашел, что она прекрасно годится для этого. В прошлом году комитет оценил неконсолидированный долг в 53 133 тыс. ф. ст. Он взял сумму находившихся в обращении билетов казначейства, ирландских казначейских бон, авансовые свидетельства и т. д. и в результате получил 53 133 тыс. ф. ст. Из документов, представленных парламенту, явствует, что к тому времени, по которое сделаны отчеты, неконсолидированный долг в действительности уменьшился только на сумму 2 млн. ф. ст., хотя канцлер казначейства определил это уменьшение больше чем в 10 млн. ф. ст. Если, однако, имеющиеся в руках г-на Рикардо документы правильны, то он должен сказать, что сумма действительного уменьшения неконсолидированного долга между 5 января 1819 г. и 5 января 1820 г. составляла только 2 млн. ф. ст. Необходимо теперь посмотреть, в какой пропорции возрос консолидированный долг. Из отчетов, представленных палате, видно, что сумма, действительно полученная путем займа (а сумма займов в истекшем году дошла до 24 млн. ф. ст.), составила 18 736 тыс. ф. ст. Если вычесть из нее фонд погашения, то разница должна быть равна действительной сумме, на которую консолидированный долг возрос в течение настоящего года. Этот прирост в точности равнялся той сумме, которая была выплачена в счет неконсолидированного долга, а именно 2 млн. ф. ст. Таким образом, после всех сложных отчетов, представленных парламенту, общий результат сводится к тому, что неконсолидированный долг уменьшился на 2 млн. ф. ст., а консолидированный увеличился

на 2 млн. ф. ст. Тут говорили, что в действительности нет никакого фонда погашения, так как нехватка по счету процентов с билетов казначейства достигает суммы, почти равной этому фонду. И, право же, похоже на то, что эти нехватки увеличились на 1370 тыс. ф. ст. по сравнению с их размером в прошлом году. Г-н Рикардо хочет сделать еще одно замечание по поводу консолидации билетов казначейства на сумму в 7 млн. ф. ст. Уважаемый представитель от Пенрина (Гренфелл) сделал несколько комплиментов канцлеру казначейства за то, что он в данном случае консолидировал билеты казначейства в 5-процентных бумагах предпочтительно перед другими. Но чтобы доказать, что это была разумная мера, он должен был бы сначала показать, что имелось достаточно капитала, чтобы консолидировать его в 5-процентных бумагах предпочтительно перед 3-процентными. Если бы в распоряжении правительства был очень значительный фонд погашения и было бы вероятно, что этот последний может функционировать, то было бы, несомненно, уместно консолидировать его в новых бумагах и выпустить 5-процентные предпочтительно перед 3-процентными бумагами. С этой точки зрения г-н Рикардо был бы расположен одобрить первую из этих мер. Но, поскольку в распоряжении правительства имеется лишь небольшой фонд погашения или нет даже никакого, он скорее расположен усомниться в том, что условия такого займа действительно так выгодны, как это склонен думать его уважаемый друг (Гренфелл).

Комитет по снабжению ¹

Г-н Рикардо пользуется случаем для возражения против приемов, применяемых канцлером казначейства в его докладе о бюджете. При сопоставлении с прошлым годом наряду с данными о доходе он должен был бы ввести и данные о расходе. Он должен был бы сказать: «Я получил столько-то из тех или иных источников, столько-то было истрачено и столько-то остается по бюджету прошлого года». Г-н Рикардо не думает, что суммы, полученные по источникам, о которых distinguished gentleman говорил в прошлый раз, были достаточны для уплат, на которые они предназначались. По мнению г-на Рикардо, в результате должен получиться дефицит в 2 млн. ф. ст.

¹ Заседание 21 июня 1820 г. Прения, возникшие по вопросу о методах составления государственных отчетов, в официальных отчетах не отмечены. Речь Рикардо приводится по отчету газеты «Times».

Положение ткачей ¹

Г-н Рикардо полагает, что обязанность правительства заключается в том, чтобы обеспечить возможно большее развитие промышленности. А это оно может сделать только путем устранения препятствий, которые были созданы. Поэтому он обвиняет правительство по совершенно другим основаниям, чем уважаемый депутат, внесший предложение, ибо г-н Рикардо против ограничительных мероприятий и других препятствий, мешающих развитию промышленности. Меры, предложенные им (Максвеллом), несовместимы с существующей противоположностью между одним классом и другим. Если правительство вмешается, оно сотворит зло, а не добро. Оно уже вмешивалось и наделало бед законами в пользу бедных. Принципы автора предложения нарушают в то же время святость собственности, которая является основным обеспечением существования общества ².

¹ Заседание 29 июня 1820 г. Прения по поводу предложения Максвелла избрать особый комитет для исследования причин бедственного положения ткачей. В качестве одного из мероприятий, которое должен был рассмотреть этот комитет, он указал на необходимость обложения налогом машины, именуемой «паровой ткацкий станок» и конкурирующей с простым станком самостоятельного ткача, а также на государственную помощь для покупки земель для тех, кто не мог найти работы для своих станков. В кембриджском издании (т. V, стр. 68) приведена следующая цитата из его речи:

«Капитал бедного человека, состоящий лишь в труде двух его рук, должен нести налоговое бремя, раз облагаются предметы, без которых он не может существовать. В то же время считается возможным, чтобы капитал богатого предпринимателя, вложенный им в машины, не облагался налогами в пользу государственной казны».

² Максвелл взял обратно свое предложение.

С Е С С И Я
1821г.
ФЕВРАЛЬ – ИЮНЬ

Петиция промышленников и купцов Бирмингама ¹

Г-н Рикардо говорит, что если палата благосклонно представит ему несколько минут, то он желал бы сделать одно или два замечания по поводу того, что говорил его уважаемый друг. Основной пункт, на который последний обратил особенное внимание, — это причина существующего бедствия. Одни приписывают его налоговому обложению, другие — ограничениям торговли, а его уважаемый друг — изменению стоимости находящихся в обращении денег; последнее он, по-видимому, считает почти исключительной причиной бедствия. С этой точки зрения его уважаемый друг произвел сравнение цен на хлеб в различные периоды и констатировал, что последние упали с 80 до 60 шилл. (за квартал), и что, соответственно этому, цены на остальные товары подверглись такому же снижению. Он, по-видимому, думает, что за квартал хлеба он мог бы купить в настоящее время такое же количество других товаров, какое он получил бы за него, когда хлеб стоил 80 шилл., и что снижение цен было поэтому всеобщим и одинаковым. Но такое представление ошибочно. Г-н Рикардо не может согласиться с тем, что цены упали в общем в одной и той же пропорции. Он полагает, что падение цен на хлеб было сильным свыше всякой меры, тогда как цены многих других товаров не понизились или, во всяком случае, упали не в такой степени. Если справиться о ценах на золотые слитки в более ранние периоды, то станет ясно, что цена хлеба снизилась процентов на двадцать пять. Его очень удивило сделанное его уважаемым другом заявление, из которого, если бы оно было правильно, следует заключить, что бедствие началось как раз тогда, когда произошло последнее изменение в стоимости находящихся в обращении денег. Но если сравнить цену слитков в год процветания, каким был 1818 г., с теперешней ценой,

¹ Заседание 8 февраля 1821 г. Эту петицию представил член палаты Дэгдаль. В прениях был затронут, особенно Бэрингом, ряд вопросов экономической и финансовой политики.

то станет ясно, что разница не превышает 6 или 7%. В этом же размере могли понизиться с того времени и другие цены, и он не сомневается, что в других странах имело место значительное снижение цен. Вино понизилось у нас в цене; понизилась также у нас цена хлопчатобумажных изделий, но он полагает, что это падение было не больше того, какое произошло в большинстве стран Европы. В 1816 г. цена золота составляла 4 ф. ст. за унцию. В следующем году она равнялась 4 ф. ст. 6 пенс. В 1818 г. цена слитков не поднималась выше 4 ф. ст. 2 шилл. и 4 ф. ст. 3 шилл., а в 1819 г., когда палатой был принят план, который г-н Рикардо имел честь рекомендовать, она составляла 4 ф. ст. 1 шилл. Вопрос, который возник тогда перед палатой, заключался в том, целесообразно ли вернуться к старому стандарту или взять в качестве меры стоимости на будущее существующую рыночную норму, которая была тогда на 4% выше этого стандарта. Но его уважаемый друг рассуждал так, как будто слитки стоили и тогда, как это было раньше, 5 ф. ст., или 5 ф. ст. 10 шилл. за унцию. Если бы цена слитков составляла не 4 ф. ст. 1 шилл., а была гораздо выше, он не предложил бы возвращения к монетному стандарту. Он заботился не о том, чтобы восстановить старый стандарт, а о том, чтобы установить постоянный стандарт, ибо, как бы ни было желательно группе торговцев или банкиров иметь в своих руках власть повышать или понижать на одну четверть или на одну пятую стоимость находящихся в обращении денег и делать 3 ф. ст. 17 шилл. 10 1/2 пенс. в одно время эквивалентными 5 ф. ст. в другое время, такая власть разрушала бы все обязательства и в конечном счете была бы губельна для всех заинтересованных лиц. Г-н Рикардо не стремился восстановить старый стандарт, но так как рыночная цена слитков равнялась тогда только 4 ф. ст. 1 шилл., он не считал необходимым отклоняться от старого стандарта. Его удивление особенно возросло, когда его уважаемый друг свел причину всех наших бедствий к изменению стоимости находящихся в обращении денег в связи с тем фактом, что несколько лет назад происходили гораздо более сильные колебания, но страна не испытывала такого бедствия.

Что касается бедственного состояния земледелия, то он полагает, что оно в значительной степени вызывается как раз теми законами, которые были изданы с целью оказать покровительство земледелию. Желательно, конечно, чтобы те, кто занят в производстве хлеба, могли найти для себя выход в тех случаях, когда имеется избыток предложения. Когда два или три хороших урожая следуют один за другим, мы могли бы, при условии, что цены в общем стояли бы на одном уровне с ценами на континенте, вывозить хлеб после понижения цены

его на 3 или 4 шилл. за квартал, но при настоящих условиях должно наступить катастрофическое падение цены, прежде чем хлеб может быть послан за границу. Уважаемый представитель Камберленда (Карвен), так же как и уважаемый представитель Стаффордшайра (Литтлтон) говорили здесь о крайнем давлении налогов на земледелие, как будто эти налоги были особенно обременительны в этом отношении. Держателя государственных бумаг изображали как сравнительно свободного от бремени налогов, но было бы нетрудно показать, что все налоги падают на потребителей тех товаров, на которые они налагаются. Если это не так, то г-н Рикардо не видит, какое право имеет землевладелец требовать покровительства. Он мог бы доказать, если бы это было необходимо, что налоги всегда поднимают цену товара, который ими облагается, и поэтому падают на потребителя. Разве не было бы невозможно, чтобы фермеры продолжали выращивать хлеб в течение ряда лет, если бы они не получали за него достаточную цену? Далее, г-н Рикардо хотел бы сделать несколько замечаний по поводу того, что было сказано о восстановлении двух металлов, как стандарта. Ему, однако, было тяжело слышать сделанные намеками предложения о неуплате кредиторам государства и видеть, какой прием они встретили в некоторых кругах. Если уж действительно дивиденд придется уменьшить, то он надеется, что это будет сделано открыто и что при этом не будут пущены в ход какие-либо хитрости или обман. Что касается плана его уважаемого друга, то он сожалеет, что не может одобрить его, поскольку тот рекомендует принятие стандарта, отличного от установленного в 1819 г. Он не может по крайней мере отказаться от мысли, что в основе плана лежит именно это предложение, когда услышал слова своего уважаемого друга о том, что струна слишком натянута и что желательно, чтобы Английский банк мог производить платежи как золотом, так и серебром. Ему кажется, что это полный отход от верных и здоровых принципов денежного обращения. Никакие находящиеся в обращении деньги не могут всегда сохранять одну и ту же стоимость, так же как и другие товары не могут всегда сохранять одну и ту же цену. Однако золотые слитки представляют товар, стоимость которого изменяется всего меньше, и если заключен договор на уплату 100 ф. ст. в будущем, то этот договор лучше всего будет выполнен уплатой этой суммы в золоте. Но возможно, что намерениям должника лучше соответствует уплата серебром, тогда как для кредитора это будет убыточно. Оба металла редко сохраняют одно и то же соотношение в течение долгого времени. Цена одного может подняться, в то время как цена другого падает. Так, поскольку Английский банк в настоящее время обязан платить 60 унций золота, тот, кто

получит их, будет иметь возможность предложить больше или более значительное номинальное количество товаров, чем если бы он получил в уплату серебро. Относительная стоимость обоих металлов изменилась со времени принятия парламентом соответствующего закона. В чем же заключалась причина этого изменения? Вот в чем: так как Английский банк очень осторожная корпорация, редко придерживающаяся правильных принципов денежного обращения, то он был охвачен паникой и произвел большие и ненужные покупки золота, хотя опыт показал, что никто не обращался к нему за золотом. Г-н Рикардо весьма сомневается, был ли истребован у банка хоть один слиток с начала действия нового плана. Если бы Английский банк имел возможность, согласно предложению его уважаемого друга, платить серебром вместо золота, он реализовал бы в настоящее время прибыль, равную разнице между 4 шилл. 11 1/2 пенс. и 5 шилл. 2 пенс. (на унцию). Но как только исчезла бы такая прибыль, была бы восстановлена относительная стоимость обоих металлов, и тогда было бы трудно решить, в чем же состоит ценность предложения его уважаемого друга. Г-н Рикардо доказал на прошлой сессии, что относительная стоимость обоих металлов может изменяться в размере 3%, но его уважаемый друг возразил тогда, что это может быть верно в теории, но во Франции, где был произведен такой эксперимент, разница не превышала одной тысячной. Хорошо все же, что возможность изменения, хотя бы в таких размерах, была допущена.

Г-н Рикардо вполне согласен со всем, что было сказано о сокращении расходов как о главном, если не единственном источнике облегчения бедствия. Он не сомневается, что комитет исследует без предвзятых или преследующих частные интересы взглядов, выгодна ли для страны существующая система ограничений торговли. По вопросу о земельной ренте он хотел бы только еще сказать, что никакие интересы не могут быть более противоположны, чем интересы землевладельцев и фермеров; но случилось так, что последних убедили требовать от палаты таких постановлений, которые могут быть выгодны для одного класса, но весьма вредны для них самих¹.

¹ Последние две фразы переданы в газете «Курьер» («Courier») следующим образом:

«Он не ждет особо благоприятных результатов от работы комитета по торговле и земледелию. Он будет голосовать за создание такового лишь при условии, что вопрос будет обсужден последним всесторонне и будет также рассмотрено, не разумнее ли отменить уже существующие ограничения торговли, вместо того чтобы вводить новые, добавочные. Петиция аграрников была подписана землевладельцами и фермерами; первые убедили последних добиваться того, что хотя выгодно для них самих, должно быть в такой же мере убыточно для фермеров».

Средние цены на хлеб ¹

По мнению г-на Рикардо, следствием предлагаемой меры было бы повышение импортной цены. Здесь говорили об убытках, причиняемых скоплением иностранного хлеба на английском рынке. Возможно, что это так, но единственным средством против этого зла для нашей страны будет понижение цен на хлеб до уровня цен континента. Устранить иностранный хлеб можно только при помощи высоких пошлин на его ввоз. Так вот предположим, что у нас неурожайный год и что на ввоз хлеба установлена высокая пошлина, попытается ли какой-нибудь министр в такое бедственное время взимать принудительным порядком эти пошлины и лишать голодающий народ помощи? Это невозможно, и поэтому порты были бы оставлены открытыми и свободными, и тот самый огромный ввоз хлеба, на который достопочтенный джентльмен смотрит, как на большое несчастье, имел бы место. Здесь много говорилось о том, как помочь находящемуся в бедственном положении земледельцу. Г-н Рикардо полагает, что единственным средством борьбы с таким бедствием является полная отмена хлебных законов и что раньше или позже эта мера будет осуществлена.

Финансовое положение.

Отмена налогов с домов и окон ²

Г-н Рикардо напоминает уважаемому джентльмену (Гэскиссону), что внесенное сегодня предложение заключается не в том, чтобы уменьшить фонд погашения на 2 млн., а в том, чтобы уменьшить налоги на эту сумму, не путем изъятия ее из фонда погашения, а путем усиления экономии. Задача состоит в том, чтобы освободить страну хотя бы от части того бремени, которое она несет в настоящее время. Но если бы даже и было внесено предложение уменьшить фонд погашения, оно не встретило бы возражений с его стороны. Он считает фонд погашения иллюзией, которая поощряется, причем этот фонд доведен до таких размеров, при которых министры могли бы в конце концов наложить на него руку и обратить его на по-

¹ Заседание 26 февраля 1821 г. Предложение министра торговли упростить старые методы установления средних цен на хлеб, исчисляемых в связи с хлебными законами. Предложение было принято.

² Заседание 6 марта 1821 г. Прения открыл Мэберли, изложивший финансовое положение страны, чтобы доказать целесообразность сокращения государственных расходов и немедленного уменьшения налогов с домов и окон на 50%. Канцлер казначейства выступил с очень резкой речью против этого предложения. Его поддержал депутат Гэскиссон, заявивший что «если мы хотим сохранить фонд погашения, то не имеем права уменьшать налоги».

крытие ненужных расходов. Хотя заем прошлого года составил 24 млн. ф. ст., налицо имелось на 9 млн. ф. ст. билетов казначейства и 17 млн. ф. ст. фонда погашения, так что в действительности мы располагали излишком в 2 млн. ф. ст. С другой стороны, был поставлен вопрос, существует ли намерение уменьшить консолидированный фонд, являющийся гарантией для государственного кредитора. Ведь министры поступали так год за годом, пока дефицит не дошел до 8 млн. ф. ст. А теперь они приходят в сильное беспокойство от внесенного предложения, тогда как целью внесшего его уважаемого депутата было только уменьшение расходов. Для года, заканчивающегося 5 января 1821 г., фонд погашения был исчислен в 2500 тыс. ф. ст. Г-н Рикардо надеется, что это так и будет, но он в то же время убежден, что фонд будет значительно ниже этой суммы. Он думает, что сумма, на которую уменьшился неконсолидированный долг между 5 января 1820 г. и 5 января 1821 г., составила около 8 млн. ф. ст., тогда как фонд погашения за этот год равнялся 17 млн. ф. ст., что вместе составляет 25 млн. ф. ст. Так обстояло дело в связи с уменьшением долга, но, с другой стороны, сколько было прибавлено к нему? Канцлер казначейства произвел заем в 17 млн. ф. ст. и консолидировал билеты казначейства на сумму в 7 млн. ф. ст., и, таким образом, к долгу была добавлена сумма в 24 млн. ф. ст. Кроме того, дефицит по консолидированному фонду составлял 400 тыс. ф. ст. Следовательно, если вычесть вновь заключенный долг в 24 400 тыс. ф. ст. из суммы в 25 млн. ф. ст., на которую долг был уменьшен, то реальное уменьшение составит только 600 тыс. ф. ст. А фондом погашения можно ведь назвать только то, что действительно уменьшает национальный долг.

Назначение комитета для исследования бедственного положения земледелия ¹

Г-н Рикардо ² взял слово для защиты своих взглядов и своего поведения, неоднократно подвергавшихся нападению в течение прений. Когда здесь говорят, что считаются одинаково

¹ Заседание 7 марта 1821 г. Обсуждение предложения депутата Гуча о назначении комитета для исследования причин бедственного положения земледелия. Гуч высказывает надежду, «что джентльмены, которые обычно выступают против защиты интересов землевладельцев и особенно тот из них, который считается таким высоким знатоком политической экономии (Рикардо), позволят комитету рассмотреть, какую пользу здесь можно принести. Промышленность и земледелие так близко соприкасаются друг с другом, что, как он полагает, имеют общие интересы. Лично он всегда считал неправильным мнение, будто их интересы сталкиваются».

² В письме к Мак-Кэллоху от 23 марта 1821 г. Рикардо пишет, что в газетных отчетах его речь искажена, но «многие части моей речи были

с интересами всех слоев населения, он не может не заметить, что имеются в виду главным образом интересы землевладельцев, ибо он полагает, что это так. Его тут изобразили, как какого-то коммерсанта, защищающего свои особые интересы. Он отрицает, что имеет какие-либо интересы, как коммерсант или держатель фондов. Он землевладелец, и его интересы связаны с тем, что рассматривает парламент. Он согласен с представителем Эссекса (Уэстерном), сказавшим, что высокая или низкая цена на хлеб сама по себе ничего не решает. Но он защищает самый принцип свободы торговли хлебом, а не всякую свободную торговлю на практике; он считает, что каждому человеку и каждому классу людей должно быть предоставлено право использовать свой труд и свои ресурсы самым прибыльным способом для них самих, а тем самым и для страны. Результатом свободной торговли будет возможность покупать хлеб по самой выгодной цене. Он желает таких компенсационных пошлин, которые вознаграждали бы отечественных земледельцев за все добавочные расходы, уплачиваемые ими в форме налогов и превышающие расходы иностранных земледельцев, но покровительственные пошлины не должны превышать такой разницы в расходах ¹. Здесь обращали внимание членов палаты на те ужасные последствия для отечественного земледелия, к которым должно привести разрешение свободного ввоза дешевого хлеба с континента. Он постарается показать, каков будет подлинный результат. Цены на хлеб упадут немедленно, и положение земледелия может стать еще хуже, чем теперь. Но труд, которым располагает страна, будет немедленно применен к производству других, более выгодных товаров; эти последние можно будет обменивать на дешевый иностранный хлеб в том случае, если земли перестанут обрабатываться благодаря такому большому снижению цен, при котором нельзя будет оправдать расходы на обработку отечественной земли. Г-н Рикардо решительно возражает против постоянного налога на ввозной хлеб и еще решительнее против подвижного налога, который возрастал бы при падении цен на хлеб и падал бы при их росте. В случае плохого урожая земледелец будет, естественно, надеяться на возмещение убытков от потери части зерна с помощью высоких цен; но при введении подвижной покровительственной пошлины он их не получит. Достопочтенный член палаты от Оксфорда (Локхарт) просил, чтобы ему разгадали загадку, каковой можно назвать то, что было сказано им (Рикардо), а именно: немедленное открытие

гораздо лучше переданы в «Британской прессе». Соответственно этому настоящая речь приводится по отчету «Британской прессы».

¹ Как отмечает Рикардо в письме к Мак-Каллоху, этот принцип компенсационных пошлин «был истолкован ложно во всех газетах».

портов для ввоза иностранного зерна не только не помешает стране уплачивать теперешнюю номинальную сумму налогов, но именно благодаря этому страна сможет уплачивать более крупную номинальную сумму налогов. Достопочтенный член палаты должен немедленно получить разгадку. Предположим, что вместо нынешней системы обработки земли страна сможет ввести другую, в результате которой, при гораздо меньшей затрате труда и значительном сокращении расходов, мы будем получать такое же или еще большее количество зерна, чем то, какое мы выращивали при настоящей системе. Тогда большое количество труда будет освобождено от работы в земледелии. Но пусть палата подумает также о том, как все это повлияет на капитал, который ведь тоже высвободится. Разве этот капитал не будет использован для производства других товаров? И будут ли вновь произведенные товары прибавлением к капиталу и прибыли страны? Достопочтенный джентльмен спрашивает, как может увеличиться прибыль страны, если цена хлеба упадет наполовину? На это он (Рикардо) отвечает, что вновь произведенные товары будут иметь определенную положительную стоимость сверх той стоимости, какую имеет хлеб. Таким же образом свободный ввоз хлеба приведет к высвобождению капитала, который будет использован для производства товаров и принесет соответственное увеличение прибыли. Ибо хотя товары, так же как и зерно, будут продаваться по более низким ценам, общее количество их будет иметь стоимость не только достаточную для покрытия издержек их производства, но и для уплаты всех налогов, требуемых правительством. Г-н Рикардо согласен с замечанием одной благородной особы (лорда Ливерпуля), сказавшего в другом месте (в палате лордов), что переживаемое бедствие частично является результатом слишком большого производства зерна и что земледелие должно уменьшить свою продукцию настолько, чтобы последняя соответствовала спросу. Он знает, что налоги это зло, но нельзя, однако, сказать, что налоги на земледелие мешают покрытию расходов на производство хлеба. Если налоги на выращивание или производство чего бы то ни было велики, то ведь этому соответствует и назначаемая за них цена. Если его шляпа или что-либо иное облагается налогом, то в качестве потребителя он должен уплатить за нее повышенную цену, а там, где налоговое обложение заходит слишком далеко, оно уменьшает потребление облагаемых товаров. Иными словами, налоги имеют тенденцию уменьшать спрос на обложенный ими товар, но они не мешают возмещению расходов по производству такого количества товаров, на какое имеется спрос. Неправильно сказать, что нельзя выращивать хлеб из-за налогов на земледелие. Во время дебатов о налогах на

окна представитель от Вейргема (Кэйлкрафт) привел весьма убедительный пример правильности этого положения, разъяснив нам характер налога на соль, который, как он констатировал, составляет 3 тыс. ф. ст. на количество соли стоимостью в 190 ф. ст. 3 тыс. ф. ст. налога на соль, и все же она дает достаточную прибыль тому, кто занят ее производством! Он, конечно, не хотел сказать, что потребители не испытывают больших трудностей, но сказанное им доказывает, что налоги сами по себе не мешают тем, кто выращивает зерно, получать соответствующую компенсацию. Тут говорили, что с ввозом зерна прекратится всякая обработка земли. Но при этом предполагалось, что все те, кто выращивает зерно, получают за него одну и ту же цену. На деле же зерно обходится на одних землях по 40 шилл., а на других не меньше чем 70 шилл. Г-на Рикардо спрашивали, каким образом может оплачиваться дешевое ввозное зерно. Не с помощью ли продажи товаров? А если это неосуществимо, то должно быть потому, что выгоднее выращивать хлеб, чем отдавать за него товары. Многие было сказано и о хранении зерна на складах. Г-на Рикардо спрашивали, кто захочет торговать зерном, если на складах лежит зерно, ожидающее для своего выхода на рынок, чтобы цены поднялись до 80 шилл.? Г-н Рикардо сам стал бы торговать, так как до тех пор, пока цена не дойдет до 79 шилл., ему, по его мнению, нечего бояться¹. Представитель от Камберленда (Карвен) задал ему в категорической форме вопрос: можем ли мы выращивать зерно по той же стоимости, что на континенте? Нет, и именно поэтому он и настаивает на ввозе зерна; это и есть его основной аргумент. Представитель от Винчелси (Броэм) спросил: «Где же был достойный член палаты (Рикардо)? Уж не спустился ли он с какой-либо иной планеты? Знает ли он, что в земледелие вложено большое количество капитала, которое при таких условиях (при свободе торговли) останется неиспользованным?» По мнению г-на Рикардо, это означало рассматривать вопрос о средствах, не считаясь с поставленной целью. Капитал всегда используется с целью получения обильной продукции. Он сказал бы, что если можно получить хлеб по гораздо более низкой цене, чем та, по которой он выращивается у нас, то он считал бы, что капитал, затрачиваемый на выращивание хлеба, чтобы не допустить приобретения более дешевого хлеба, — это нецелесообразно затраченный капитал. Лучше бы такой капитал был полностью уничтожен. Но он не будет уничтожен, и боль-

¹ Последняя фраза от слов «если на складах» взята из отчета «Morning Chronicle», так как в тексте «Британской прессы» она совершенно не ясна. См. кембриджское издание, т. V, стр. 85, подстрочное примечание.

шая часть его пойдет по таким каналам, где он сможет приносить прибыль. Здесь говорили о национальном долге; о Рикардо сказали, что, по его мнению, земельные собственники обязаны платить этот долг. По его мнению, этот долг обязаны платить не только земельные собственники, но и держатели государственных бумаг и всякие иные собственники. Несправедливо перекладывать все военные расходы на плечи одной лишь части сограждан. Г-н Рикардо привел еще ряд аргументов в доказательство выгод свободной торговли и выразил надежду, что страна изживет ту неестественную депрессию, которую она переживает. Затем он выразил свои опасения, как бы вновь назначенный комитет не попытался поднять покровительственные цены, исходя из смутной надежды облегчить таким путем те трудности, которые переживает в настоящее время земледелие. В заключение он сказал, что имеет веские возражения против постоянных пошлин, но еще более решительные—против скользящих. Он надеется, что если таковые будут введены, то это будут самые низкие компенсационные пошлины, какие только можно будет исчислить в противовес тем дополнительным налогам, которыми обложены отечественные производители хлеба.

Билль о возобновлении платежей наличными ¹

Г-н Рикардо говорит, что его уважаемый друг (Бэринг) начал свое выступление с доказательства целесообразности установления двух стандартов, хотя значительная часть его аргументации ставила себе целью совершенно устранить золото. Он правильно сказал, что в 1797 г. Английскому банку было разрешено актом парламента увеличивать или уменьшать количество находящихся в обращении денег в зависимости от того, что ему кажется нужным. Хотя г-н Рикардо согласен с тем, что такая власть не могла быть отдана в руки, менее склонные злоупотреблять подобным разрешением, он все-таки считает, что это слишком опасная власть, чтобы вручать ее каким-либо людям при каких-либо обстоятельствах. Несомненно верно, что во власти Английского банка было сохранять денежное обращение на таком уровне, как будто оно состояло исключительно из золота и серебра. Г-н Рикардо утверждает, что банк имел тогда все полномочия поступать таким образом. Од-

¹ Заседание 19 марта 1821 г. Прения по поводу предложения канцлера казначейства разрешить Английскому банку возобновить платежи звонкой монетой уже в 1822 г., т. е. раньше срока, установленного в билле 1819 г. (1823 год). Первым после канцлера казначейства говорил Бэринг, полемизировавший против «системы Рикардо».

нако Английский банк пренебрег своим долгом и вот в 1819 г., когда война была закончена, для парламента стало абсолютно необходимо принять меры, направленные к восстановлению платежей слитками. Вопрос, который возник тогда перед парламентом, заключался в следующем: должны ли мы принять стандарт нашего денежного обращения в его теперешнем состоянии обесценения или мы должны принять его в таком виде, как он существовал до 1797 г.?

Его благородный друг, представитель Солсбери (лорд Фолкстон), проявив большой здравый смысл и зрело обдумав вопрос, предложил фиксировать стандарт по той цене, по которой продавалось тогда золото. По этому вопросу г-н Рикардо разошелся во мнении со своим благородным другом, так как полагал, что золото не было еще тогда достаточно обесценено; он предпочел бы его план принятию более изменчивого стандарта лишь при условии, что золото было бы обесценено еще сильнее. Его уважаемый друг (Бэринг), назвавший Рикардо теоретиком, по-видимому, сам сильно изменил свое мнение. Г-н Рикардо всегда придерживался мнения, что должен существовать только один стандарт и что этим стандартом должно быть золото, так как добыча серебра может подвергнуться таким изменениям, при которых стоимость его может упасть больше, чем стоимость золота¹, а это привело бы к величайшей путанице. Его уважаемый друг утверждал прежде, что принятие двух стандартов будет сопровождаться выгодами. Теперь же его уважаемый друг выдвигает другую идею, которая, по признанию г-на Рикардо, повергла его в большое изумление. Его уважаемый друг был, казалось, расположен допустить все выгоды, какие дают неизменная стоимость денег, находящихся в обращении, и принятие золота в качестве стандарта, но он вместе с тем полагает, что Английский банк должен иметь право платить по своему усмотрению серебром из расчета 5 шилл. 2 пенс. за унцию в течение ближайших десяти лет, в то же время удерживая золото в качестве единственного стандарта, и затем привести цену серебра в соответствие с золотым стандартом. Предположим теперь, что серебро понизилось в цене до 4 или 3 шилл. до истечения десятилетнего срока; тогда в конце этого срока было бы необходимо, согласно принципу его уважаемого друга, поднять цену серебра до 5 шилл. 2 пенс., регулируя ее, таким образом, каждые десять лет. Это был бы, несомненно, один из наиболее

¹ В более подробном отчете «Британской прессы» имеется такая фраза: «Так как в Южную Америку были направлены новые машины, то можно предположить, что разработка рудников будет сильно облегчена, а это приведет, вероятно, к значительному падению стоимости серебра».

изменчивых стандартов, какой только можно было бы придумать.

Его уважаемый друг заявил, что из всех частей страны поступают петиции с жалобами на нужду. К сожалению, это чересчур верно, но следует заметить, что его уважаемый друг, хотя и не является теоретиком, он имеет, несмотря на это, свою теорию о причинах этой нужды; его теория сводит все эти причины к состоянию денежного обращения. Но г-н Рикардо полагает, что с большей вероятностью можно объяснить нужду еще многими другими причинами. Таковыми являются обильный урожай, обширный ввоз из Ирландии, которого не было прежде, недавние усовершенствования в области земледелия, которые, как он предвидит, дадут в дальнейшем знать о себе в еще более суровой форме. Его уважаемый друг упустил из виду все эти причины и возложил всю вину на изменение стоимости находящихся в обращении денег, хотя он (Рикардо) утверждает, что это изменение составляет не более чем 5%. Он допускает, что стоимость золота могла измениться, но это лишь случайность, против которой невозможно принять какие-либо предупредительные меры; но предположим, что серебро было бы также принято в качестве стандарта, были бы мы гарантированы, что стоимость его не изменится? Его уважаемый друг утверждал, что если бы серебро было сделано стандартом, стоимость его никогда не упала бы так сильно; но его уважаемый друг рассуждает все время, исходя из предположения, что вся разница в стоимости золота и серебра есть результат повышения стоимости первого. Это, однако, неправильно, ибо, поскольку возникает разница в относительной стоимости обоих металлов, он имеет такое же право сказать, что упала стоимость серебра, как его уважаемый друг имеет право сказать, что поднялась стоимость золота. Наиболее надежным критерием является уровень вексельного курса, и если бы его уважаемый друг вспомнил, сколько стоил фунт стерлингов в 1816 г. в серебряной монете Франции и сколько он стоит в настоящее время, он затруднился бы обнаружить изменение больше чем в 10%. Г-н Рикардо просит палату вспомнить, что в 1817 г. пшеница продавалась по 109 шилл., а слитки стоили тогда 3 ф. ст. 18 шилл. 6 пенс. Разве его уважаемый друг станет утверждать, что эта цена объяснялась обесценением денег? А если нет, то будет ли с его стороны слишком большой уступкой признать, что нынешняя цена хлеба объясняется многими другими причинами? Его уважаемый друг говорил, что в период войны затрачено было большое количество капитала. Г-н Рикардо сомневается в абсолютной правильности такого положения: он полагает, что сбережения частных лиц во время войны более чем превысили чрезмерные доходы

правительства и что капитал страны в конце войны был больше, чем в начале ее.

Его уважаемый друг спросил, почему мы должны иметь более чистый стандарт, чем остальной мир, — вопрос, на который можно вполне правильно ответить другим вопросом: а почему нет? Если другие страны желают узаконить ошибку, то является ли это основанием, чтобы мы последовали их примеру? Попытка обеспечить себе возможно лучший стандарт была охарактеризована его уважаемым другом как акт самодовольства, которому он не придает никакого значения. Но если в области финансов мы можем найти лучшую систему, чем у наших соседей, мы имеем полное основание принять ее. Г-н Рикардо желает, конечно, введения лучшей системы и именно поэтому он хочет, чтобы за стандарт денежного обращения был принят один металл и чтобы система двух металлов была отвергнута. Что касается введения жетонов для золотой монеты, то он полагает, что такая система сопряжена с большой опасностью, если под таким золотым жетоном подразумевают жетон, имеющий меньшую материальную стоимость, чем золотая монета, которую он представляет. Необходимым последствием такой системы была бы подделка этих жетонов в других странах и ввоз их в нашу страну в больших количествах, а это очень быстро вызвало бы обесценение наших денег, эквивалентное разнице между стоимостью соверена и стоимостью жетона, который представлял бы соверен. Если бы его могли убедить согласиться на введение золотого жетона, то последний должен был бы иметь стоимость, почти равную стоимости соверена. Он не разрешил бы более значительную норму примесей в жетоне, чем та, которая была бы достаточна для покрытия расходов по перечекалке слитков в монету. Такой план давал бы достаточную гарантию против вторжений фальшивомонетчиков¹, и принятие его было бы очень полезно.

Тут говорили, что если бы за стандарт денежного обращения был принят только один металл, то спекулянты могли бы по своей воле повышать или понижать стоимость стандарта и, стало быть, ставить Английский банк в затруднительное положение, но власть, которой пользуется банк в деле регулирования своих эмиссий, была бы всегда достаточна, чтобы предупредить неудобства этого рода. Что касается замечания канцлера казначейства, а именно, что уменьшение выпусков банкнот дало бы гарантию против подделки, то он вполне согласен со своим уважаемым другом (Бэрингом), что такой план был бы совершенно недостаточен как средство против подделки. Впол-

¹ В «Hansard» опечатка: вместо слова «forgers» — фальшивомонетчики, стоит слово «foreigners» — иностранцы.

не ясно, что, будут ли выпуски состоять целиком из банкнот или наполовину из соверенов и наполовину из банкнот, опасность подделки остается неизменной. Единственным действительным средством против подделки было бы приближение срока, когда Английский банк сможет начать платежи звонкой монетой. Г-н Рикардо был бы вполне готов отказаться от своего плана, если бы таким образом была достигнута эта в высшей степени желательная цель. Он очень доволен, что Английский банк в настоящее время настолько подвинул вперед свою подготовительную работу, что сможет в течение немногих месяцев обеспечить лучшее и единственно действительное средство против подделки его банкнот, возвратившись к системе денежного обращения, которая существовала в нашей стране до 1797 г. Канцлер казначейства указал на то, что предлагаемая им мера будет иметь тенденцию предупреждать накопление монеты в банке, как будто сундуки банка переполнены монетой. В действительности банк имеет очень много слитков и очень мало монеты. Поэтому предлагать меру с целью предупреждения накопления монеты в руках банка было бы равносильно принятию мер против опасности, которая вряд ли может наступить.

Что касается законов, относящихся к ростовщичеству, то г-н Рикардо с удовольствием приветствовал бы их отмену. Он считает, что теперь как раз весьма удобное время для отмены этих законов, так как уровень процента в настоящее время упал ниже 5. Уровень процента неизменно составлял на рынке меньше 5 начиная с 1819 г. Для интересов торговли было бы весьма выгодно, чтобы Английский банк дисконтировал предъявляемые ему векселя не по неизменной норме процента, а в соответствии с изменением нормы процента на рынке.

Пошлины на лесоматериалы ¹

Г-н Рикардо ² говорит, что очень хотел бы высказать свое мнение о внесенном предложении, ибо оно затрагивает принцип, бесконечно более важный, чем непосредственно обсуждаемый нами вопрос. Здесь было указано, что надо использо-

¹ Заседание 5 апреля 1821 г. Обсуждалось предложение Уоллеса об уменьшении пошлин на лесоматериалы, ввозимые из портов Балтийского моря, и увеличении пошлин на лес, ввозимый из северо-американских колоний Англии. В процессе обсуждения депутат Сайкс заявил, что «американские лесоматериалы перевозятся на британских судах, тогда как три четверти норвежского леса перевозятся на иностранных судах».

² Когда в феврале 1821 г. обсуждалась петиция купцов Нью-Брунсвика по поводу пошлин на лес, Рикардо, согласно отчету «Таймса», сказал им: «Он крайне удивлен тем, что какая-либо группа купцов высказы-

вать лучший и самый дешевый рынок и что лесоматериалы России и Норвегии лучше и дешевле, чем лесоматериалы Америки; и все же нам рекомендуют в качестве практической меры покупать худший лес по самой дорогой цене! Его уважаемый друг (Беннет) в речи, исполненной подлинного здравого смысла и до сих пор оставшейся без ответа со стороны противников, доказал самым убедительным образом, что, покупая лесоматериалы у северных европейских держав, мы сберегли бы ежегодно на покупке этого товара 400 тыс. ф. ст. и что таким образом мы ежегодно делаем долг на эту сумму, чтобы вложить эти деньги в карманы судовладельцев. Если бы был внесен билль с прямой и специальной целью предоставить сумму такого размера судовладельцам, г-н Рикардо скорее согласился бы голосовать за подобный билль, чем принять резолюции, предложенные нашему комитету¹; ведь в этом случае капитал, отданный таким образом судовладельцам, мог бы быть употреблен с большей пользой. В настоящее же время мы полностью жертвуем ежегодно суммой в 400 тыс. ф. ст. таким же образом, как если бы мы обязали суда, занятые в каботажном плавании, объезжать вокруг нашего острова для того, чтобы дать занятие более значительному числу людей. По его мнению, истинные принципы торговли вовсе не требуют, чтобы потребитель считал себя компетентным вмешиваться в то, как продавец распределяет деньги или труд, которые он (потребитель) обменивал на необходимые ему товары. Дело потребителя — следить только за тем, где он может получить необходимый ему товар по самой дешевой цене; будут ли платежи произведены в деньгах или промышленных изделиях — не имеет большого значения. В этой, как и во всех других областях торговой политики, бесполезно отстаивать пристрастные взгляды в пользу одной или другой группы людей. Палата не должна смотреть направо или налево, а должна интересоваться только тем, как английский народ, как целое, может лучше всего употребить свой капитал и свой труд. В области торговой политики слишком долго господствовали неправильные понятия, и в настоящее время, когда страна начала признавать более здравые принципы, чем скорее она будет действовать на основе их, тем лучше. Исключения приходится делать только в тех случаях, когда мы имеем дело с весьма старыми установившимися системами, но торговля с Америкой не является одной из них; она — недавнего происхождения и возникла главным образом

вается против принципа свободной торговли, но ему ясно, что джентльмены могут защищать продолжение самых строгих ограничительных мер в тех случаях, когда, по их мнению, они могут получить от этих мер выгоду».

¹ Для рассмотрения вопроса о пошлинах на лесоматериалы палата общин создала комитет.

из-за конфликта между Англией и балтийскими державами¹. Тогда было заявлено, что последние перестанут доставлять лесоматериалы и что необходимо поощрять колониальную торговлю в Канаде. Что раз случилось, говорили тогда, может опять повториться. Пусть даже так. Тогда он скажет: если это случится, мы всегда успеем платить высокие цены. А пока позвольте заключать более выгодные соглашения. Странно, что поведение монополистов всегда отличалось непоследовательностью. Определенная группа людей отстаивает в настоящее время колониальную торговлю в защиту интересов судовладельцев; но если обратиться к той же группе людей по вопросу о системе вест-индских доков, они будут называть последнюю пристрастной и притеснительной. По вопросу об ирландской полотняной монополии здесь ставили вопрос так: почему не обратиться в Германию, где полотно можно получить гораздо дешевле. Г-н Рикардо разделяет взгляд на этот вопрос, высказанный уважаемым бароном (сэром Парнеллом).

Билль о возобновлении платежей наличными²

Г-н Рикардо говорит, что он не затруднял бы палату, если бы на него не намекали так подчеркнуто во время дебатов. Он не ответственен за то действие, которое настоящая мера могла оказать на отдельные классы, но утверждает, что если бы был принят совет, который он дал уже давно, если бы Английский банк, вместо того чтобы покупать золото, продавал бы его, как он это рекомендовал, то действие этого было бы совершенно отлично от того, каким оно является в настоящее время. При какой бы то ни было системе металлического обращения невозможно иметь гарантию против изменений, которым подвергается стоимость самих металлов, а все жалобы, которые мы слышали сегодня ночью, относились к изменениям в стоимости металлов. Когда закон 1819 г. был принят, было известно, что изменение, которое будет сделано в отношении между золотом и банкнотами, составит 4%; и все же, зная все трудности, которыми мы окружены, палата рекомендовала эту меру. Уважаемый представитель от Таунтона (Бэринг) рассуждал об этом предмете так, как будто золотой стандарт представлял новшество 1819 г. Но этот стандарт был принят уже давно — между 1796 и 1798 гг. До этого периода золото и серебро были оба стандартом. Канцлер казначейства был жертвой недоразумения, когда заявил, что серебро было законным платежным

¹ Пошлины были введены в 1810 г.

² Заседание 9 апреля 1821 г.

средством только в размере 25 ф. ст. Верно, что это была крайняя сумма в условиях обесценения денег в нашей стране, но любой человек мог пойти на Монетный двор со своим серебром, и 100 тыс. ф. ст. могли быть уплачены в серебре стандартной стоимости. Однако это никогда не было в интересах кого-либо. А золото доставлялось на Монетный двор, и золото фактически стало стандартом. Изменение в относительной стоимости обоих металлов произошло в упомянутый период между 1796 и 1798 гг., и значительные количества серебра были отправлены на Монетный двор с целью использовать букву закона и относительную стоимость золота и серебра. Если бы не вмешалось правительство, то в стране не осталось бы ни одной гиней, и серебро стало бы стандартом. Понимая, что при этих условиях в обращении имелись бы, с одной стороны, серебряные деньги с пониженной стоимостью, а с другой — те же деньги, но со стандартной стоимостью, правительство закрыло актом парламента Монетный двор для серебра. И разве, спрашивает г-н Рикардо, золото не стало тогда стандартом? Если бы Английский банк, вопреки его мнению и рекомендации, не покупал золота, оно не поднялось бы в цене. Но это ведь только предположение, что возросло в цене именно золото. Если изменилась относительная стоимость двух металлов, то где тот критерий, при помощи которого можно было бы указать, поднялся в цене один металл или понизилась цена другого? Его уважаемый друг (Бэринг), мнение которого было заслушано комитетом ¹ со всем вниманием, приличествующим его высокому авторитету, настойчиво рекомендовал золотой стандарт как менее изменчивый, чем серебряный. А теперь на основании своего опыта во Франции он заявил, что цена серебра изменилась очень мало. Теории его уважаемого друга менялись очень часто, его же собственные оставались неизменными, хотя его и изображали, как человека, меняющего мнения вместе с движением часовой маятника и задавшегося целью довести наше денежное обращение до такого состояния совершенства, которое не соответствует нашему положению. Его уважаемый друг разделял такие же взгляды на совершенство денежного обращения; и г-н Рикардо сожалеет, что он отказался от этих взглядов. Его уважаемый друг говорил, что опасно держать умы людей в состоянии неопределенности, и, несмотря на это, он постоянно является в палату с новыми измышлениями. Вред неопределенности и паники может быть устранен только при условии, что парламент твердо решится поддерживать принятое мероприятие. А разные измышления, выдвигаемые столь боль-

¹ Имеется в виду комитет по возобновлению платежей наличными
1819 г.

шим авторитетом, как его уважаемый друг, могут причинить много зла. Здесь говорилось, что мы не можем заставить рабочих согласиться на понижение заработной платы и что они уносят с собой капитал своих нанимателей. Изменяя стоимость денег, мы в действительности изменяем распределение собственности. При повышении стоимости денег держатель государственных бумаг получает более значительную стоимость, но кто-то другой платит больше. То же самое и с рентой: землевладелец получает больше, а фермеру приходится платить больше. Таким образом, распределение собственности всегда изменяется в результате изменения стоимости денег. Вполне возможно, что это изменение может вызвать переполнение рынка известными товарами. Например, фабрикант сукна мог доставить на рынок известное количество очень тонкого сукна, когда цены находились на определенном уровне; но если даже рабочие будут получать больше денег, чем прежде, так как предприниматели будут платить им больше, то мало вероятно, что рабочие предъявят на очень тонкое сукно такой же спрос, как те, чья собственность уменьшилась в результате изменения стоимости денег¹; следствием этого будет переполнение рынка сукном. Таким образом, благодаря изменению в распределении собственности, произойдет изменение в спросе на некоторые товары. Будет ощущаться недостаток в предложении товаров, требуемых для удовлетворения новых вкусов, которые явились на рынок вместе с возрастанием собственности, хотя их будет слишком много на вкус тех, ресурсы которых уменьшились. Уважаемый представитель из Коллингтона (Эттвуд) приписал изменение цен всех товаров денежному обращению. Г-н Рикардо просил бы уважаемого члена палаты бросить взгляд на изменения цен хлеба в течение последнего столетия и привести их, если он может, в связь с денежным обращением. Цена хлеба поднималась или снижалась на 40 или 50%, в то время как денежное обращение не испытывало никаких изменений. Низкая цена хлеба объяснялась очень большим ввозом из Ирландии, богатым урожаем, слишком большими запасами хлеба в стране. Спрос был ограничен, потому что никто не может съесть больше определенного количества хлеба. Если на рынке имелось большее, чем обычное и необходимое, количество, то цена неизбежно падала. Мы не имели никакого запасного выхода для хлеба, потому что наши цены были выше, чем в какой-либо другой стране. Если бы изменения цен зависели

¹ В тексте этот абзац крайне не ясен, но, как отмечает кембриджское издание, в отчете очевидно переставлены слова «рабочие» и «предприниматели». В примечании приводится поправка, которую дает отчет «Times» (т. V, стр. 107). Эта поправка и была использована при редактировании перевода.

только от денежного стандарта, что г-н Рикардо отрицает, то все страны должны были бы быть затронуты такими изменениями, и его удивляет, что его уважаемый друг (Бэринг) не рассказал палате о своем опыте в этом отношении во Франции, Америке, России, Испании и других странах. Но если в основе изменения цен товаров лежат именно те причины, которые указывал он, г-н Рикардо, то несправедливо приписывать их закону 1819 г. Канцлер казначейства сказал, что золото не повышалось в цене до Амьенского мира. Это не совсем верно. Оно начало подниматься в цене в 1799 г., и в 1800 г. цена его равнялась 4 ф. ст. 5 шилл.

Реформа парламента ¹

Г-н Рикардо говорит, что вопрос о реформе представляет собой самый важный вопрос, который мог быть поставлен перед парламентом. Он хотел бы поэтому высказать свое мнение о нем. Он согласен с уважаемым представителем от Дергема (Лэмбтоном) о том, что крайне необходимо, чтобы палата общин действительно представляла народ. Ему не нужно такого доказательства, как недавние голосования в палате, чтобы убедиться, что народ в настоящее время не представлен в ней. Он был вполне уверен в этом уже раньше, так как знал, каким образом эта палата была составлена. Он одобрит поэтому всякий план, который мог бы дать стране действительное представительство и поддержит, следовательно, предлагаемую теперь реформу. Он сожалеет лишь об одном моменте, имеющем к ней отношение, и убежден, что то, что он сейчас предложит, весьма не понравится палате: он сожалеет, что его уважаемый друг не предложил ввести тайное голосование, которое, по его мнению, представляло бы более значительную гарантию для полного и справедливого представительства, чем какое-либо расширение избирательного права. Народ голосовал бы тогда за того, кого он считал бы более всего способным поддерживать его интересы, без страха перед подавляющим влиянием вышестоящих. Быть может, иные скажут, что если бы это имело место, то в результате народ со временем захотел бы избавиться от палаты лордов. Г-н Рикардо отрицает, что результат будет именно таков. Народ, предоставленный своему собственному свободному и непредубежденному выбору, никогда не будет стараться избавиться от того, что он считает орудием

¹ Заседание 18 апреля 1821 г. Прения по поводу предложения Лэмбтона «рассмотреть, насколько народ представлен в парламенте». Он заявил, что им подготовлен билль, распространяющий право голоса на всех домовладельцев и на некоторые группы квартирантов, а также ограничивающий срок парламентских полномочий тремя годами.

своего доброго правительства. Если, конечно, джентльмены не собираются утверждать, что палата лордов представляет орудие плохого правительства, чего, по мнению г-на Рикардо, никто утверждать не будет, то не приходится сколько-либо обоснованно опасаться, что народ захотел бы избавиться от палаты лордов¹.

Билль о помощи бедным²

Г-н Рикардо выражает свое удивление по поводу высказанных опасений о том, что билль его уважаемого и ученого друга имеет тенденцию создать затруднения для закона об оседлости, тогда как главной целью этого билля было устранить все трудности и спорные пункты по отношению к этому закону. Здесь говорили, что вместо того, чтобы труд оплачивался заработной платой, выдаваемой нанимателями, его оплачивали из налогов в пользу бедных. Если это так, то почему сумма этих платежей не вычитывается по справедливости из налога в пользу бедных. Такова одна из задач билля его уважаемого и ученого друга, так как этот билль предлагает, чтобы рабочий получал справедливую заработную плату от своего нанимателя, вместо того чтобы его отсылали к тем, кто распоряжается налогами в пользу бедных. В действительности мера, предложенная его уважаемым и ученым другом, позволила бы регулировать цену труда спросом, а это особенно желательно. Что касается тех тягот, которые создают для бедных налоги и национальный долг, то этих тягот нельзя отрицать в особенности потому, что они отнимают у богатого средства, чтобы давать работу беднякам. Однако г-н Рикардо не сомневается, что если бы предложение труда стало ниже спроса, а это и является целью мероприятия, предлагаемого его уважаемым и ученым другом, то государственный долг и налоги падали бы своей тяжестью исключительно на богатых и бедные выиграли бы весьма существенно.

Бюджет³

Г-н Рикардо говорит, что канцлер казначейства всегда даст палате крайне приукрашенный отчет о положении страны. На прошлой сессии он заявил, что фонды для покрытия расходов

¹ Ту же мысль и почти в тех же выражениях высказывает Джеймс Милль в своей статье «Правительство» в приложении к «Британской энциклопедии», разд. IX.

² Заседание 8 мая 1821 г. Билль был внесен Скарлеттом, ученым юристом, и включал ряд изменений в существующие законы о бедных.

³ Заседание 1 июня 1821 г. Прения по поводу бюджетной речи канцлера казначейства (Ванситарта). Рикардо выступил одним из первых.

текущего года будут гораздо больше, чем он заявляет теперь. Он сообщил, что сумма, на которую должен был увеличиться фонд погашения, составила бы 1700 тыс. ф. ст. вместо 950 тыс., если бы не пришлось платить добавочные проценты за билеты казначейства. Но, спрашивает г-н Рикардо, разве суммы для уплаты процентов за билеты казначейства не были предусмотрены на предыдущей сессии? Он думает, что для этой цели была вотирована определенная сумма, так как при обсуждении последнего бюджета он имел случай напомнить достопочтенному джентльмену, что он не предусмотрел никаких сумм для уплаты процентов по долгу казначейства; последний ответил, что суммы для этого будут взяты из прежних ассигнований. Если так обстоит дело, то он должен причислить и этот платеж к оплате известных долгов, которые следует ликвидировать в текущем году, а не к тем обязательствам, которые по настоящему относятся к прошлым бюджетам. Из документов, которые имеются в распоряжении членов палаты общин, явствует, что точный подсчет должен быть сформулирован так: согласно ежегодным отчетам сумма неконсолидированного долга доходила до 17 292 544 ф. ст. В течение последнего года были консолидированы билеты казначейства на сумму 7 млн. ф. ст., которые, будучи прибавлены к прежней сумме, дают итог в 24 292 544 ф. ст. По консолидированному фонду имелся дефицит, который достопочтенным джентльменом был совершенно упущен из виду. Этот дефицит составил в течение настоящего года 517 232 ф. ст., а вместе с огромным дефицитом, существовавшим раньше, доходит в действительности до 8990 тыс. ф. ст. И здесь г-н Рикардо не может удержаться от замечания, что в том виде, как отчеты составляются, они не дают комитету того правильного представления о положении финансов, какое желательно было бы получить. Если бы он желал получить из этих отчетов необходимые сведения, то не нашел бы никаких данных, по которым можно установить, каков был в действительности дефицит по консолидированному долгу. Из документа, представленного спустя некоторое время, он был в состоянии заключить, что в году, закончившемся 5 января 1821 г., этот дефицит составил 8 850 327 ф. ст., а в году, закончившемся 5 января 1820 г., — 8321 тыс. ф. ст. Разница между этими суммами равнялась 429 327 ф. ст.¹ А раз это так, то на каком основании в ежегодных печатных отчетах, представленных палате, сумма дефицита по консолидированному фонду за тот же период определяется в 517 232 ф. ст. вместо 429 327? Ведь это составляет разницу между данными отчетов и итогом, о котором он говорил, в 87 905 ф. ст. Он упоминает об этой

¹ В данном расчете в подлинник вкралась ошибка.

разнице не из-за размеров этой суммы, но с целью показать, как мало можно полагаться на публичные отчеты в их теперешнем виде. Но вернемся к содержанию этих отчетов. В течение последнего года мы, по-видимому, заключили займов на сумму в 24 292 544 ф. ст., к которым должны быть прибавлены за счет дефицита по консолидированному фонду 517 232 ф. ст., итого получится 24 809 776 ф. ст. Этой сумме должна быть противопоставлена та часть долга, которая была погашена. Нужно показать, сколько денег было ассигновано на эту цель, а затем, на основании выявившегося баланса, на сколько долг наш увеличился или уменьшился. В прошлом году мы имели фонд погашения в 17 510 тыс. ф. ст. Сумма оплаченных векселей казначейства составила 2 млн. ф. ст. Разница между суммой билетов казначейства на 5 января 1820 г. и на 5 января 1821 г. равнялась 5 934 928 ф. ст. Таким образом, в действительности мы выделили в текущем году на уплату национального долга, консолидированного или неконсолидированного, сумму в 25 444 928 ф. ст.; если, как это сделал г-н Рикардо, определить сумму долга, заключенного в течение того же периода, в 24 809 776 ф. ст., получим разницу в 635 152 ф. ст. Поэтому действительная разница между долгом на 5 января 1820 г. и долгом на 5 января 1821 г. составляет не больше 635 152 ф. ст., хотя достопочтенный джентльмен при помощи каких-то других методов вычисления определил ее в 950 тыс. ф. ст. Он сказал палате, что в следующем году мы будем иметь фонд погашения в 4 млн. ф. ст. Так вот, принимая доход за текущий год в той сумме, которая была названа достопочтенным джентльменом, и предполагая, что мы будем действительно иметь такой фонд погашения, какой он назвал, мы должны припомнить, что достопочтенный джентльмен включил в свой расчет сумму в 500 тыс. ф. ст., которую, по его словам, он должен получить из Франции и которая должна быть обращена на платеж по национальному долгу в течение настоящего года. Но если эти 500 тыс. ф. ст. пойдут на уплату национального долга в настоящем году, то этого не будет ни в ближайшем ни в каком-либо будущем году. Г-н Рикардо желал бы знать, какие фонды можно было бы вообще использовать постоянно для этой цели. Вряд ли стоит поэтому приводить такие суммы, как эта в подобном отчете. Он допускает, что фонд погашения будет действительно составлять 2809 тыс. ф. ст. и фонд погашения по билетам казначейства — 290 тыс. ф. ст., вместе это составляет 3099 тыс. ф. ст., а не 4 млн. ф. ст.¹ Он сознает-

¹ В отчете «Times» добавлено: «согласно подсчету канцлера казначейства. Тем не менее г-н Рикардо желает, конечно, чтобы все произошло именно так, как говорил достопочтенный джентльмен, но он не думает, что палата или страна имеют какие-либо основания поздравить себя с

ся, что принадлежит к тем, кто считает фонд погашения весьма бесполезным. Он не хочет сказать этим, что относится неблагоприятно к такому фонду, рассуждая абстрактно. В его принципиальной правильности едва ли можно сомневаться, но после пережитого опыта он ждал, что практика будет основываться на этом принципе. Он не ждет, что этот фонд будет когда-либо применен для уменьшения национального долга. Далее г-н Рикардо резюмирует коротко историю фонда погашения со времени Роберта Уолпола¹. Когда г-н Питт пришел к власти, он желал учредить фонд погашения на самых здравых и самых прочных основах, чтобы обезопасить его от всякого вмешательства министров. Но что случилось с этим фондом погашения и куда делись все эти столь хваленые гарантии? Нынешний канцлер казначейства начал с того, что пришел в палату и с гордостью заявил (точно он собирался сделать большое одолжение стране и держателям фондов) о своем намерении взять 7 млн. ф. ст. годового дохода из этого фонда погашения, а затем говорил о великих размерах сокровища, которым мы должны быть обременены. Все тревоги distinguished джентльмена, по-видимому, возникали всегда не из-за какой-либо перспективы нашего обеднения, а из-за большого роста нашего богатства, и в соответствии с этим он всегда рассказывал палате о различных неудобствах, являющихся следствием избытка капиталов. Если бы distinguished джентльмен принимал во внимание истинные принципы образования капитала, он увидел бы, что от избытка последнего не может быть никогда никакой опасности. Что касается фонда погашения по существу, то г-н Рикардо позволяет себе обратить внимание палаты на памфлет, который был написан под покровительством другого distinguished джентльмена, сидящего напротив². (Г-н Рикардо зачитывает выдержку из памфлета)³.

Такова была система, по поводу которой было сказано, что она не отступает от первоначальной меры и что никакого нарушения закона 1792 г. не было совершенно при последовавшем использовании фонда погашения. Основной принцип системы Питта заключался ведь, по его собственному признанию, в том, что в дальнейшем каждая война должна нести в самой успехом, когда им станет ясно, что все, что сказал им distinguished джентльмен, сводится к тому, что в будущем году доход будет тот же, что и в этом».

¹ Вероятно, Рикардо повторил вкратце то, что он более подробно изложил в своей статье для «Британской энциклопедии».

² Т. е. на министерских скамьях. Слово «другого» взято из отчета газеты «*Courier*».

³ Вероятно, Рикардо цитировал книгу Гамильтона, на которую он часто ссылается в своей статье. Гамильтон тоже полемизировал с Ван-ситтартом. Рикардо зачитал то место памфлета, где порицается всякое отступление от системы Питта.

себе семена своего конца. Г-н Рикардо согласен со всем, что сказано в памфлете об этом вопросе, и потому делает вывод, что способ, каким был использован фонд погашения, представлял нарушение общественного доверия. Именно злоупотребление этим фондом привело к большому возрастанию долга: и те, кто ждал, что в дальнейшем фонд останется неприкосновенным, по его мнению, только обманывали самих себя. Чтобы уплатить проценты по новому долгу, distinguished gentleman рискнул использовать почти весь фонд погашения, который еще оставался у нас. Почти весь, сказал он! В действительности distinguished gentleman использовал его целиком. Он недавно увеличил налоги на 3 млн. ф. ст., т. е. на сумму, которая была больше, чем были на деле размеры фонда погашения. Г-н Рикардо охотно сказал бы теперь: «Откажемся от всякого фонда погашения, пусть деньги останутся в карманах людей. Когда министры будут нуждаться в средствах для того ли, чтобы вести войну, или для какой-либо другой цели, пусть они приходят в палату и просят денег, а не располагают фондом, к которому они могли бы прибегать». Министры привыкли докладывать палате, что они должны иметь фонд погашения, чтобы иметь средства в экстренных случаях, или помогать нашим армиям и генералам и внушать неприятелю спасительный страх. Но законной и первоначальной задачей фонда погашения была ликвидация национального долга. В доказательство этого г-н Рикардо может сослаться на хорошо известную речь Питта (Рикардо читает выдержку из нее). После этой декларации Питта и после того, что мы видели в последние годы, можем ли мы питать какое-либо доверие к министрам в том, что они будут руководствоваться таким принципом? Если будет внесено предложение отменить какой-либо налог, не превышающий фактического размера фонда погашения, г-н Рикардо поддержал бы такую отмену при всех условиях. Он знает: ему будут возражать, указывая на то, что доход иногда сокращается по отдельным статьям, а это сделает затруднительным покрытие дефицита. Если так, то пусть правительство введет новые налоги, чтобы получить всю необходимую для государства сумму, но он никогда не согласится на злоупотребление фондом, созданным для специальной цели ликвидации долга страны. Но этот фонд был использован и, кроме того, были все же введены новые налоги. Народ согласился в этом случае на новые налоги в надежде, что он быстрее испытает какое-нибудь облегчение, и уже ради этого разумного ожидания парламент никоим образом не должен был вводить эти налоги. К несчастью, английский народ имел в этот момент гораздо больший долг, чем он имел бы, если бы фонд погашения не существовал вовсе.

С Е С С И Я
1822 г.
ФЕВРАЛЬ – ИЮЛЬ

Бедственное положение страны ¹

Г-н Рикардо отрицает, что налоги являются причиной существующего бедственного положения земледелия. Страна может не иметь никаких налогов и все же находиться в точно таком же положении, как Англия в настоящее время. Утверждать, что налоги были главной причиной бедственного положения страны вполне последовательно со стороны тех, кто думает, что восстановление денежного обращения изменило стоимость денег на 50 или 56% и что, следовательно, в такой же пропорции увеличилась действительная стоимость налогов, хотя их номинальная сумма осталась без изменения. Но те, кто считал, что восстановление денежного обращения отнюдь не произвело такого большого изменения, не могли присоединиться к этому заключению. Те аргументы, которые его уважаемый и ученый друг развивал в одной части своей речи, внушают ему опасение, что его уважаемый и ученый друг собирается доказать, будто как раз налоги, которые он желает уменьшить, являются источником выгоды для нации. Его уважаемый и ученый друг заявил, что, благодаря налогу на кожу кожевенные заводчики в значительной степени подняли ее цену для потребителя и извлекли таким путем столько прибыли, что готовы защищать в парламенте этот налог как очень полезный и благотворительный. По аналогии можно, конечно, сказать, что аграрии, обремененные налогами, могли бы тоже представить в парламент петицию против снижения налогов, так как они в такой же степени, как и кожевенные заводчики, могли бы использовать налоги, чтобы повысить цену своих товаров. Однако его уважаемый и ученый друг провел очень тонкое различие — настолько, право же, тонкое, что г-н Рикардо совершенно не способен постичь его, — между условиями, в которых на-

¹ Заседание 11 февраля 1822 г. Прения по поводу внесенного г-ном Броэмом предложения поставить в порядок дня вопрос об уменьшении налогов. Полемизируя теоретически против Броэма, Рикардо все же голосовал за его предложение.

ходится кожевенный заводчик, и теми условиями, в которые поставлен сельский хозяин. Он сказал, что в случае с кожевенным заводчиком налоги выплачиваются потребителем, а в случае с сельским хозяином налог уплачивается продавцом и не может быть переложен на потребителя. Г-н Рикардо желал бы, чтобы его уважаемый и ученый друг изложил палате свои основания для такого утверждения. Если бы его самого пригласили изложить, что именно он считает причиной настоящего угнетенного состояния земледелия, он сказал бы, что причиной такового являются обильные запасы сельскохозяйственных продуктов в результате последнего богатого урожая, большое количество земли, обращенной недавно в обработку, ввоз хлеба из Ирландии и различные другие причины, о которых он не считает нужным теперь упоминать. Поистине, палата только обманывала бы себя и страну, если бы пришла к решению, что налоги являются причиной затруднений сельских хозяев. Он вполне согласен с мнением своего уважаемого и ученого друга, что нынешнее положение вещей не может долго продолжаться: это неестественное положение вещей, когда фермер не может получить достаточной цены за свои продукты, а землевладелец не может получить со своего арендатора соответствующую ренту. Его уважаемый и ученый друг заявил, что если не будет оказана какая-либо помощь фермеру, то немалая часть земли перестанет обрабатываться. Г-н Рикардо сам думает то же самое, и именно от этого обстоятельства он ждет исцеления. Среди других сделанных им замечаний его уважаемый и ученый друг сделал также несколько замечаний по адресу группы людей, которые, по его мнению, желают перевести всю земельную собственность страны в руки государственных кредиторов. Что касается его лично, то он не может не заметить, что ему неизвестны лица, которые имели бы подобные желания. Он не может также представить себе обстоятельств, при которых такая мера была бы необходима¹. Он лично думает, что землевладелец может получать надлежащую ренту без нарушения обязательств по отношению к держателям государственных бумаг. Что касается последних, то, если верить тем речам, которые произносились сегодня вечером, можно было бы предположить, что здесь предлагали отдать им всю земельную собственность и оставить землевладельцев без всяких ресурсов. Конечно, такое предложение никогда не было и не могло быть серьезно выдвинуто. Но хотя г-н Рикардо и сказал это, он все же готов утверждать, что было бы очень удобно как для землевладельца, так и для владельца

¹ В английском тексте, как это разъясняет кембриджское издание, вместо слова «case» — случай, обстоятельство, стоит по ошибке слово «cause» — причина. При редактировании перевода это было принято во внимание.

государственных бумаг, чтобы первый передал последнему часть своей собственности с целью ликвидировать долг. На самом деле, так как держатель государственных бумаг получает в форме процентов налог с землевладельца, то можно сказать, что часть земли в этот момент безусловно принадлежит ему (крики: «Слушайте!» с обеих сторон палаты).

Предположим, что во время войны министры явились в палату и, изложив крайнюю необходимость своего предложения, призвали бы землевладельцев отдать известную часть своей собственности непосредственно для удовлетворения нужд государства. Разве они не должны были бы в этом случае безусловно расстаться с частью своей собственности? И если бы в это время кто-либо другой авансировал за них капитал, которого у них не было в непосредственно осязаемой форме, то разве не было бы справедливо, чтобы авансированный таким образом капитал был в настоящее время выплачен обратно? Г-н Рикардо не требует для держателя государственных бумаг больше, чем этот последний имеет право получить. Он требует только, чтобы условия соглашения, о которых он говорил, были выполнены справедливо и честно. Если изменение в стоимости денег дало держателю государственных бумаг больше, чем сумма, на которую он имеет право, что, по мнению г-на Рикардо, вряд ли имело место, то пусть это будет доказано и пусть соответствующий вычет будет сделан открыто и без уверток. Вот все замечания, которые он хотел бы в настоящее время представить вниманию палаты. В дальнейшем, при соответствующем случае, он объяснит, почему он полагает, что изменение, произведенное в стоимости денег благодаря восстановленному денежному обращению, было в значительной степени преувеличено. Он постарается тогда доказать, что если бы во время прохождения билля Пия были приняты надлежащие меры, возобновление платежей наличными оказало бы на цены хлеба и других сельскохозяйственных продуктов не большее влияние, чем падение цен на 5%. Более значительное падение должно быть приписано другим причинам.

Бедственное состояние земледелия ¹

Г-н Рикардо начинает с заявления уважаемого члена палаты (Стюарта Уортли). Последний сказал, что операции фонда погашения по покупке государственных бумаг имеют следствием снижение денежного процента и, таким образом, выгодны

¹ Заседание 18 февраля 1822 г. Прения по поводу предложения маркиза Лондондерри назначить особый комитет для рассмотрения причин бедственного состояния земледелия, а также предложить канцлеру каз-

для тех, кто заключает ипотечные или какие-либо иные займы, и облегчают этим положение землевладельцев. Но г-н Рикардо позволяет себе сказать, что денежный процент зависит от других причин. Норма процента зависит от прибыли, которая может быть получена от применения капитала, а последняя в свою очередь зависит от заработной платы, которая регулируется главным образом ценой на предметы питания. Пока фонд погашения правильно применяется, он может повысить и действительно повышает цену государственных фондов, но отсюда отнюдь не следует, что при повышении цены государственных фондов упадет в общем масштабе норма процента. Он не хотел бы, чтобы его считали противником принципа фонда погашения; он не был бы таковым, если бы мог быть уверен, что фонд погашения будет действительно применяться для ликвидации государственного долга; однако он знает из опыта, что, с одной стороны, народ призывает платить большую долю налогов для поддержания этого фонда в надежде, что он будет использован для ликвидации долга, а с другой, плательщики на деле не испытывают ничего, кроме разочарования, благодаря способу, каким министры используют этот фонд. В действительности этот фонд существует только для того, чтобы поощрить министров затевать новые войны, облегчая им заключение новых займов. Таково было на деле назначение каждого фонда погашения, которые знала наша страна, начиная от плана Уолпола до планов последующих министров. Несмотря на опыт, извлеченный г-ном Питтом из судьбы всех фондов погашения, учрежденных его предшественниками, он не был в состоянии обеспечить свой собственный план. Сколько разнообразных средств было применено для сохранения этой системы и обеспечения использования ее для той цели, для которой она была официально предназначена с самого начала. Но все эти средства оказались недействительными против нападений нынешнего канцлера казначейства. Фонд погашения, который должен был в настоящее время составлять свыше 20 млн. ф. ст., был до такой степени урезан, что даже с добавлением 3 млн. ф. ст. налогов он составляет только 5 млн. ф. ст. Г-н Рикардо отнюдь не сомневается, что в течение немногих лет эта сумма будет недостаточна, как и все другие, которые ей предшествовали. Уважаемый представитель Уилтшира (Бенетт) отозвался с большой похвалой о речи его уважаемого и ученого друга (Брозма); это тем более удивительно, что г-н Бенетт расходится со всеми главными положениями, изложенными последним. Ведь в про-

начейства выработать проект выдачи Английским банком ссуды в 4 млн. ф. ст. из 3% для помощи сельскохозяйственным округам и под обеспечение налогов в пользу бедных.

тивоположность взглядам уважаемого члена палаты его уважаемый и ученый друг доказывал, что невозможно повысить цену сельскохозяйственных продуктов, что производитель не может переложить бремя своих налогов на потребителя, как это может сделать фабрикант, тогда как уважаемый представитель от Уилтшира утверждал, что налоги имеют тенденцию повышать цену сырых продуктов; у него есть сомнения лишь относительно времени, которое для этого потребовалось бы. Его уважаемый и ученый друг заметил, что если кто-либо вложил значительную долю капитала в обрабатывающую промышленность, то он может при помощи усовершенствованных машин и других средств не только преодолеть всякие обескураживающие препятствия, которые могут вначале нарушить его расчеты, но даже увеличить свою прибыль за пределы того, на что он рассчитывал первоначально. Напротив, сельский хозяин, вложивший свой капитал в землю, не имеет никакого средства против неблагоприятных видов, кроме лишь расчета на время, потому что он обременен определенными налогами, которые он никогда не может переложить на потребителя. Замечание уважаемого представителя от Уилтшира относительно времени, требующего для перенесения падающих на сырые продукты налогов на потребителя, не может быть применено к обсуждаемому вопросу, потому что продукты земледелия не подверглись никакому новому обложению. Если бы его замечание было применено к каким-либо налогам, которые предлагаются в настоящее время в первый раз, оно, несомненно, заслуживало бы внимания. Но следует вспомнить, что налоги, на которые ссылается уважаемый член палаты, как бы переплетаются со всей общей системой налогового обложения, существующей уже много лет. И вот то, что существует уже так давно, многие объявляют причиной низкой цены сельскохозяйственных продуктов в настоящее время, а отсюда делается вывод, что именно налоги являются причиной общественного бедствия. Но сельским хозяевам г-н Рикардо говорит, что единственно действительным средством против их затруднений может быть только регулирование предложения размерами общественного спроса, и если они не позаботятся об этом специально, то все другие усилия будут бесполезны. Уважаемый представитель от Уилтшира заявил, будто г-н Рикардо сказал, что вся земля обременена ипотекой в размере всего государственного долга. Он заявляет, что считал бы постыдным для себя сделать такое замечание. Он хотел только высказать свое мнение, согласно которому землевладельцы так же, как и другие классы общества, ответственны перед держателями государственных фондов за уплату своей части долга. (Слушайте, слушайте!) От этой ответственности не освобождается полностью и сам держатель государственных фондов: он должен лич-

но участвовать в значительной мере в уплате своего собственного долга. По мнению г-на Рикардо, те, кто утверждает, что держатели государственных фондов получают больше, чем им следует по справедливости, должны объяснить палате, как это произошло, и, если это действительно так, то их доля должна быть соответственно уменьшена. Его уважаемый и ученый друг (Броэм) в своей последней речи заметил, что повысить цену хлеба невозможно и что поэтому единственным средством против настоящих трудностей может быть только уменьшение налогов, но лишь при условии, что это уменьшение налогов не будет иметь следствием более выгодное положение господ землевладельцев (крики: «Нет!»).

(Г-н Броэм замечает, что в прошлый вечер он говорил только о том, что нужда землевладельцев становится невыносимой).

Г-н Рикардо говорит, что он, может быть, не совсем хорошо понял своего уважаемого и ученого друга, но он все же хочет сказать несколько слов об этой нужде. Не очень давно бедственное состояние нашей промышленности внушало величайшее беспокойство. Думали, что наши фабрики находятся в состоянии упадка, и на этот счет были уже в ходу весьма мрачные предсказания. Но он позволил себе тогда сказать, что, по его мнению, это бедствие не имеет постоянного характера. К счастью, его предсказания оправдались. Он позволяет себе надеяться, что то же будет верно и для сельского хозяйства, но это невозможно, пока существует такая система хлебных законов, как в настоящее время. Он полагает, что было бы весьма желательно установить какую-либо систему, при которой цены на хлеб стали бы менее изменчивыми и которая обеспечила бы производителю должную и равноценную компенсацию. Одной из предложенных мер помощи является выдача Английским банком ссуды в 4 млн. из 3 %. Это было бы рискованным экспериментом, если бы только банк не накопил золота на 4 млн. больше, чем необходимо было для денежного обращения страны. Палата соблаговолит вспомнить, что во время сессии 1819 г. при обсуждении вопроса об Английском банке г-н Рикардо заявил (и получил за это отповедь от одного уважаемого директора этого банка), что банк должен не покупать золото, а скорее продавать его. Он должен признаться, что его опасения направлены теперь в другую сторону. Банк получил большие количества золота, чтобы обеспечить денежное обращение страны. Он просит директоров банка рассмотреть, имеют ли они золота больше, чем необходимо для этой цели, ибо если этого нет, то он вполне уверен, что мера, которую хотят принять, не была бы целесообразна, так как 4 млн. ф. ст. не могли бы быть поглощены нашим обращением. Совершенно невозможно, чтобы 4 млн. были прибавлены к обращению, не создавая большого соблазна для

вывоза золота. Если Английский банк не имеет более значительного количества золота, чем то, какое достаточно для функционирования денежного обращения страны, то нет меры более безрассудной, чем предлагаемая. Если, с другой стороны, банк, имея значительные количества золота в своем распоряжении, выпустил бы в обращение 4 млн. ф. ст. добавочных денег, то следствием этого было бы стимулирование вывоза золота, падение его стоимости во всем мире и поворот вексельных курсов против нас. Г-н Рикардо полностью признает добрые намерения директоров банка; он думает, что трудно найти более честных и добросовестных людей, но считает, что у них нет достаточных талантов, чтобы управлять такой огромной машиной, которая им вверена. Он еще раз просит их внимательно обсудить дело со всеми его вероятными последствиями, прежде чем увеличивать денежное обращение на такую большую сумму, как 4 млн. ф. ст. Он просил бы палату также подумать, каково было бы действие билля, внесенного distinguished джентльменом (Пилем), если бы он был полностью осуществлен. Прежде г-н Рикардо осмеливался утверждать, что под действием закона цены повысятся примерно на 5%. Он и теперь придерживается этого мнения и думает, что сможет доказать это.

Положение нашей денежной системы было в то время следующим: золото по стоимости было выше банкнот на 5%. Это значит, что человек, имевший унцию слиткового золота, мог купить такое же количество товаров, какое другой мог купить за 4 ф. ст. 2 шилл. в банкнотах. Вопрос заключался в том, что надлежит сделать для того, чтобы обе категории денег совпали в стоимости? Было вполне ясно, что если ничего не будет сделано для изменения стоимости золота, то необходимо только повысить до того же уровня стоимость банкнот, и тогда на 3 ф. ст. 7 шилл. 10 1/2 пенс. в банкнотах можно было бы купить столько же, сколько на унцию золота. После того как билль distinguished джентльмена (Пилля) был внесен и прошел, г-н Рикардо сожалел, что этот билль не был проведен в жизнь тем способом, который был сначала предложен. Он имеет в виду предполагавшиеся платежи золотыми слитками. Если бы этот план был осуществлен, банк был бы в состоянии удовлетворить все требования с помощью того золота, которое имелось тогда в его распоряжении, как бы ни была мала эта сумма. Так как банк в этом случае не затронул бы общей стоимости золота в Европе, покупая большие количества его в других странах, то вексельный курс не мог бы быть выше паритета больше чем на разность в стоимости золота и банкнот, существовавшую в период прохождения билля. Г-н Рикардо полагает, что билль distinguished джентльмена (Пилля) не отличался существенно от предложенного им плана, потому что устанавливал пе-

реходную систему платежей слитками и делал обязательными платежи звонкой монетой только с 1 мая 1823 г. Он не может представить себе причин, которые побудили банк возобновить платежи звонкой монетой раньше этого срока. Он всегда порицал директоров банка за слишком большую поспешность в приготовлениях; ведь если бы они ограничились уплатой слитками и страна увидела бы преимущества этой системы, последняя могла бы существовать и дальше — было бы, несомненно, разумно продолжать ее, — и платежи наличными могли бы быть отсрочены еще на несколько лет. Если бы дела банка велись более искусно, то директора его, вместо того чтобы форсировать такой большой ввоз золота, поддерживали бы вексельный курс в меру возможности близко к паритету. Г-н Рикардо неоднократно говорил тогда, что если бы закон проводился в жизнь умело, то он вызвал бы повышение цен только на 5%. Но Английский банк поступил совершенно иначе и ввез большое количество золота, быть может, на сумму около 20 млн. ф. ст. Это послужило, конечно, новым фактором изменения цен товаров в добавление к существовавшей уже разности в стоимости банкнот и золота. Закупка такого количества золота должна была вызвать изменение в его стоимости (по сравнению с другими товарами) во всей Европе. Каков был размер этого изменения, невозможно сказать — это дело догадки. Но если принять в расчет количество золота, находящегося в обращении в Европе, а также все бумажные деньги, потому что и они должны быть учтены, то г-н Рикардо не представляет себе, чтобы этот размер был велик, и думает, что 5% представляют вполне достаточную величину для определения этого изменения. (Слушайте, слушайте!)

Что касается 4 млн. ф. ст. в билетах казначейства и способа их использования, который благородный лорд (Лондондерри) сделал частью своего плана, то г-н Рикардо, право же, удивлен, услышав, что уважаемый представитель от Чичестера (Гэскисон) в речи, содержащей много здравых замечаний, поддерживал систему ссуды государственных денег под обеспечение хлеба и налога в пользу бедных. Такая система решительно противоречит всем установленным началам политической экономии и здравому смыслу.

Г-н Рикардо желал бы еще сделать несколько замечаний о влиянии и способе действия налогов. Имеются две категории лиц, производители и потребители, готовые жаловаться парламенту на гнет налогов. Что касается производителей, он может сказать, что закрыл бы для них двери палаты. Он сказал бы им, что они имеют средство излечения в собственных руках, что они должны регулировать свои собственные цены, приспособляя предложение к спросу. А для потребителей, на которых налоги

действительно ложатся бременем, двери палаты должны быть, по его мнению, всегда широко открыты. Когда они говорят, что доход их не соответствует расходам и что налоги мешают им приобретать предметы комфорта и удовольствия, к которым они привыкли, то он сказал бы, что жалобы их достойны величайшего внимания и что налоги должны быть в меру возможности устранены. Он спросил бы теперь джентльменов: для кого, по их мнению, отмена налога на солод была бы благодеянием — для фермера, который производит его, или для всех потребителей? Он полагает, что для потребителей. И то же самое следует сказать о налогах на соль, мыло и о других налогах, которые затрагивают предметы всеобщего потребления. Это было бы для него основанием потребовать отмены этих налогов, но вовсе не потому, что, как это может показаться, предприниматели или продавцы платят налог дважды или трижды. Его уважаемый и ученый друг (Брозэм), по-видимому, думает, что если товары переходят из рук в руки два или три раза, то каждый торговец накидывает на цену 10% на налоги, так что после различных перипетий налог может возрасти для потребителя почти до бесконечных размеров. Но если в течение года товар переходит из рук в руки два или три раза, то 10% при предположении, что это обычная годовая норма прибыли, вполне удовлетворят всех лиц, через руки которых прошел этот товар.

Г-ну Рикардо совершенно ошибочно приписывали мнение, что уменьшение налогов не является благом. Дело обстоит наоборот. Он всегда думал, что налоги приносят вред, но они затрагивают все классы потребителей, и отмена какого-нибудь одного из них не принесет особенной пользы земледельческому классу. Его уважаемый и ученый друг заметил, что при возрастании общей массы капитала уменьшение прибыли является аксиомой политической экономии. На деле это совершенно не так, и он целиком отрицает это положение. Если бы капитал страны удвоился и цена предметов продовольствия понизилась, он не сомневался бы, что норма прибыли не уменьшилась. Но при постоянно возрастающем населении Англии мы не могли бы иметь низкие цены на хлеб, если бы не ввозили иностранного хлеба. В настоящее время он не предлагает освободить ввоз от всяких ограничений, но согласился бы на такую покровительственную пошлину (размер ее он едва ли может теперь фиксировать), которая понижается до тех пор, пока эта пошлина станет равной тому специфическому бремени, которое падает на фермера.

Резюмировав свои замечания и высказавшись в очень решительных выражениях о непригодности системы ссуд государственного банка под хлеб или налоги в пользу бедных, г-н Рикардо закончил свою речь замечанием по поводу слов уважаемого

представителя от Уилтшира; последний сказал, что землевладельцы и фермеры вынуждены в настоящее время платить увеличенную сумму налогов вследствие обесценения денег. В ответ на это г-н Рикардо указал, что и на держателей государственных фондов распространяется такое же увеличение налогов, хотя эта группа собственников не извлекла никакой дополнительной выгоды из войны или ее последствий, как это весьма удовлетворительно доказал г-н Мушетт.

(Отчет прибавляет, что Рикардо закончил свою речь среди громких и всеобщих аплодисментов).

Бедственное состояние земледелия ¹

Г-н Рикардо говорит, что никто не сознает так хорошо, как он, тех больших трудностей, которые были вызваны изменениями в денежном обращении. Он уделил этому предмету самое большое внимание, какое только мог, и много потрудился, чтобы показать необходимость определенного и неизменного стандарта стоимости. В то же время он не может согласиться с уважаемым представителем от Эссекса (Уэстерном), поскольку речь идет о воздействии изменений в денежном обращении на земледелие. Предположим наиболее сильную степень этого воздействия — влияние изменения в средствах обращения на тяжесть налогов. Мы должны вычесть из общей суммы налогов сумму тех налогов, которые шли на покрытие расходов², так как она уменьшилась пропорционально тому, насколько увеличилась стоимость денег. Предположим, что тогда останется 40 млн. ф. ст.; мы должны, следовательно, выяснить влияние состояния денежного обращения на налоговое обложение по отношению к этой сумме. Какая доля этой суммы может быть выплачена арендаторами? Предположим, что одна четверть. Г-н Рикардо не включил в расчет землевладельцев, а только одних арендаторов. Предположим, что одна четвертая часть была уплачена арендаторами, тогда их доля составила бы 10 млн. ф. ст. Предположим теперь, согласно экстравагантному расчету уважаемого джентльмена (Эллиса), что действительный размер изменения, произведенного возвращением к металлическому стандар-

¹ Заседание 3 апреля 1822 г. Прения по поводу представленной Беннетом петиции сельских хозяев Уилтшира. Одновременно обсуждался и доклад парламентского комитета о бедственном положении земледелия. Уэстерн и другие члены палаты выражали свое соболезнование землевладельцам: «их доход уменьшился вдвое, а все твердые платежи сохранены». Виной всему являются, по мнению Уэстерна, изменения в денежном обращении.

² В отчете газеты «Times» эти слова переданы так: «которые взились не с земельной собственности или труда земледельца».

ту стоимости, равняется 25 %. Тогда 2500 тыс. ф. ст. представляют весь размер воздействия этого изменения на арендаторов. Возможно ли, что переживаемое теперь бедствие вызвано этими 2500 тыс. ф. ст.? Такая сумма совершенно не соответствует такому результату. Обратимся теперь к землевладельцам. Изменение в денежном обращении могло затронуть их лишь постольку, поскольку они вынуждены были платить больше, чем прежде, в форме налогов. Никто не может допустить с большей готовностью, чем г-н Рикардо, что это привело к увеличению их бремени, как в форме налогов, так и во всякой другой; но разрешите спросить: если арендатор уплатил требуемую ренту, то разве землевладелец не выгадывает, получая ту же самую ренту, какую он получал в обесцененных деньгах? Г-н Рикардо допускает, что землевладельцы получают не ту же самую сумму, и делает скидку, равную обесценению. Но если они получают остальную сумму, то откуда возникло бедствие? Они лишились 25 %, но получили 75 %, которые теперь равны 100 %. Какой же ущерб понесли они? Но землевладельцы не получают 75 %. Они сообщают, что не могут получить ренты, что бедствие так велико, что избыточный продукт фермера хватает только на уплату налога. Г-н Рикардо спрашивает в связи с этим, могло ли одно обесценение вызвать все эти последствия. Он не думает, что изменения в стоимости денег после 1819 г. составляют больше 10 %. Но разве он говорил, что землевладельцы пострадали только в размере 10 %? Ничего подобного. Он очень хорошо сознает большие размеры этого бедствия, и для его объяснения вполне достаточны причины, которые были им приведены, а именно, изобилие, вызванное несколькими последовательными хорошими урожаями, ввоз хлеба из Ирландии и некоторые другие аналогичные причины. Совершенно немыслимо, что страна могла быть доведена до такого положения, при котором избыточный продукт земледелия достаточен лишь для уплаты налогов и не оставляет какой-либо ренты для землевладельца или прибыли для фермера. До такого положения страна не могла дойти.

Г-н Рикардо желал бы сказать еще несколько слов о докладе, который был представлен комитетом земледелия. Первый доклад содержал несколько прекрасных предложений. Если бы он мог разделить его на две части, то сказал бы, что первая половина представляет такой превосходный доклад, какой когда-либо был представлен любым комитетом палаты, и может быть поставлен рядом с докладом о слитках и с докладом о возобновлении банком платежей наличными. Он содержит много здравых и превосходных замечаний о хлебной торговле и о хлебных законах. Он совершенно верно подчеркнул два больших бедствия, происходящих от хлебных законов и влияющих на нынешнее тяжелое положение. Первое состояло в том, что в

условиях неурожая и роста цен на хлеб до 80 шилл. порты были открыты и страна оказалась наводнена иностранным хлебом, какова бы ни была цена его в странах, откуда его привозили. Порты были открыты для любых количеств хлеба. Это было большое зло, и действие его сказалось как раз в то время, когда плохой урожай должен был компенсироваться высокими ценами. Второе бедствие ощущалось, когда в годы хорошего урожая мы производили хлеб с издержками, которые были значительно выше издержек в других странах. Если хорошие урожаи следовали подряд, то фермер не мог получить никакого облегчения от вывоза и, таким образом, разорялся в результате изобилия продуктов. Какой же вывод можно было сделать из этого? Лишь один: в годы изобилия, когда наши фермеры не могут получать таких цен, которые вознаградили бы их за издержки производства, следует принимать меры, чтобы дать им возможность вознаградить себя путем вывоза в другие страны; с этой целью следовало бы наложить пошлину на ввоз иностранного хлеба, равную именно тем налогам, которые падают на фермера, как, например, десятина и часть налога в пользу бедных; такого же размера пошлину надо ввести и при вывозе хлеба. Если бы были приняты такие меры после небольшого падения цен, фермер мог бы вывозить свой хлеб в другие страны и уменьшить переполнение хлебного рынка внутри страны.

Другая часть доклада была совершенно неправильна. Она говорила о компенсационных пошлинах, но не о таких компенсационных пошлинах, какими они должны быть, т. е. о таких налогах на импортера, какие подвергли бы его всем тяготам отечественного производителя хлеба, так чтобы налоги падали одинаково на импортера и производителя; речь идет о пошлинах, которые должны равняться дополнительным издержкам производства хлеба в нашей стране по сравнению с другими странами. Основанные на таком принципе компенсационные пошлины составляли бы иногда 20 шилл., а иногда даже 30 шилл. Г-н Рикардо считает, что нет более ясного принципа, чем тот, что ни в какой стране не может существовать постоянная достаточная цена. Пока плотность народонаселения в стране еще невелика, будут обрабатываться самые лучшие земли, фермеры смогут конкурировать с любой страной и вывозить свой избыточный продукт. И тогда незачем вводить компенсационные пошлины. Но когда народонаселение увеличится, поступят в обработку более бедные земли, и в результате более значительных издержек обработки возрастут расходы. Когда население увеличится еще больше, обработка захватит еще более бедные земли, и цена будет продолжать расти. Если тогда правилом для установления компенсационной пошлины будет разница в издержках обработки, то нельзя будет установить ка-

кой-нибудь предел для этой суммы. Он не может представить себе более гибельную для интересов нашей страны систему пошлин.

Г-н Рикардо переходит к новому докладу. Он шел в комитет под глубоким впечатлением серьезного бедствия, которое испытывают земледельцы, и с самым искренним желанием найти какие-нибудь способы помощи; последние должны быть приняты, исходя не из общих и абсолютно правильных принципов законодательства, а из полной готовности всячески облегчить принятие мер, могущих немедленно смягчить бедствие. Все его требования сводились к тому, чтобы доклад содержал хоть какую-нибудь гарантию на будущее время, когда бедствие пройдет и фермеры будут избавлены от страданий. Он считает защитником фермеров себя, а не тех, кто претендует на звание монопольных друзей земледелия; он требует только, чтобы доклад обещал возвращение к надлежащим принципам, когда существующая опасность будет устранена. Однако, хотя в докладе признано зло, которое вызвало низкие цены, и выражены опасения еще более низких цен, в нем не высказано ни малейшего намерения возвратиться когда-либо к здоровым принципам. В докладе выражается надежда на принятие лучших принципов, и палата будет поражена, услышав, что это за принципы. Доклад рекомендует прибегнуть к помощи компенсационных пошлин, о которых уже шла речь. Если бы, согласно этому плану, мы попытались предоставить монополию культуре винограда, выращиваемого в теплицах, то можно было бы установить компенсационные пошлины на вино, чтобы сделать его столь же дорогим, как произведения теплиц. И то же самое с сахаром. Идя таким путем, страна лишилась бы всех отраслей внешней торговли, как и всякая нация, которая ввела бы компенсационные пошлины. Единственно правильная политика заключается в разрешении обращаться к той стране, где требующийся нам продукт производится при самых лучших условиях и в изобилии. Г-н Рикардо испытывает чувство неловкости, что занимает так долго внимание палаты (знаки одобрения). Он не хотел бы входить в подробности, но чувствует, что должен сделать еще несколько замечаний.

Уважаемый представитель от Эссекса (Уэстерн) сослался на вест-индских плантаторов. Если бы г-н Рикардо нуждался в аргументе, он взял бы именно этот пример; но, спрашивает он, как можно предположить, что на их дела может повлиять состояние денежного обращения? Разве не достоверно известно, что их бедственное положение целиком вызвано перепроизводством? Разве меры, принятые для оказания им помощи, не были рассчитаны на доставку им такого рынка для сбыта продуктов, какого они прежде не имели? Точно так же и положение

земледельца в нашей стране должно улучшиться благодаря увеличению спроса или уменьшению предложения. Он не говорил, что налоги не способствовали бедствию. Его в этом пункте неправильно поняли. Те, кто обложен исключительно высокими налогами, должны получить защиту от этих же налогов. Но об этом предмете он выскажет свое мнение более детально при другом случае.

Г-н Рикардо поправляет ошибку¹, жертвой которой стал, по-видимому, его уважаемый друг — представитель от Шрюсбери² (Беннет), считающий его защитником налогов. Напротив, он голосовал за всякое уменьшение налогов, которое было предложено в течение настоящей сессии, потому что старался добиться отмены налогов, считая, что каждый налог превращается в бремя для народа.

Бедственное состояние земледелия. Финансовые и иные меры помощи³

{ Г-н Рикардо говорит, что, поскольку он вносит на рассмотрение палаты общин предложение, он берет слово заблаговременно. Он желает внести на рассмотрение парламента свое предложение так же, как благородный лорд внес свое. Палата будет, таким образом, иметь возможность судить о преимуществах одного и другого предложения. Достопочтенный представитель от Эссекса (Уэстерн) сказал, что план благородного лорда⁴ будет иметь результатом увеличение количества бумажных денег. Для г-на Рикардо безразлично, увеличится оно или нет, ибо он знает наверное, что в стране имеется в настоящее время настолько развитое денежное обращение, какое тре-

¹ Беннет взял слово, чтобы протестовать против положения, согласно которому налоги не имели никакого отношения к бедствию земледельцев.

² В отчете ошибочно указано «от Солсбери», хотя представитель от этого округа в дебатах не участвовал.

³ Заседание 29 апреля 1822 г. Прения по предложениям, внесенным маркизом Лондондерри, касающимся как положения в сельском хозяйстве, так и некоторых финансовых вопросов. Предложения по первому пункту сводились главным образом к введению пошлин на ввозной хлеб при открытии портов для его ввоза. При цене квартера зерна, превышающей 70 шилл., но не достигающей 80 шилл., пошлина должна составлять 12 шилл.; если цена квартера превышает 80 шилл., но не достигает 85 шилл., пошлина снижается до 5 шилл.; если цена квартера превышает 85 шилл., то пошлина снижается до 1 шилл. Одновременно Лондондерри предложил также дать под залог британского зерна ссуду, доходящую до 1 млн. ф. ст., если цена зерна упадет ниже 60 шилл. Рыночная цена была тогда 50 шилл.

⁴ Рикардо имеет в виду предложение продлить полномочия банков на выпуск банкнот ниже 5 ф. ст.

бует положение страны. Настоящий план является нападением на фонд погашения¹, как бы это обстоятельство ни было замаскировано. Фонд погашения в принципе отменяется. Г-ну Рикардо безразлично, будет ли в конечном счете накоплено 7 млн. ф. ст. или 9 млн. ф. ст.; предлагаемый план является изменой общественному доверию, поскольку использование фонда погашения может быть изменой этому доверию. Ведь на самом деле фонда погашения больше не существует. Г-н Рикардо категорически протестует против продления хартии Английского банка. Ведь палата неоднократно обращалась к канцлеру казначейства с предложением не заключать с Английским банком никакого соглашения о возобновлении его хартии. А теперь все же говорят о продлении ее на десять лет и притом ради такой цели, для которой этот срок совершенно недостаточен². Предоставить возможность широким кругам образовывать совместно предприятия для финансирования своих денежных сделок, вместо того чтобы еще 10 лет передоверять их Английскому банку, было бы, конечно, значительным шагом вперед. Г-н Рикардо надеялся, что никогда больше не услышит о возобновлении хартии. Выгоды, даваемые бумажным денежным обращением, должны принадлежать всем. То, что Английский банк дает ссуды, никогда никому не давало никаких преимуществ.

Хотя благородный лорд и говорил, что его план мало чем отличается от плана, предлагаемого им самим (Рикардо), он, однако, думает, что между двумя планами имеется весьма существенная разница. По его плану пошлина в 20 шилл. должна взиматься с ввозного хлеба, когда цена последнего достигнет 70 шилл. Благородный лорд полагает, что таков его (Рикардо) свободный выбор, но на самом деле он считает это свое предложение вынужденным; он неохотно согласился на введение такой пошлины по причине настоящего бедственного положения и только из-за него. Имеется и еще одно весьма важное различие. Г-н Рикардо предложил, чтобы в силу крайней депрессии, охватившей в настоящее время сельское хозяйство, ввозной хлеб был обложен пошлиной, когда цена его возрастает до 70 шилл. Но благородный лорд говорил о ценах в 80, 85 и 70 шилл. и приближал все эти цены к ввозным ценам; в этом г-н Рикардо с ним расходится. Он предложил ввести ввозную пошлину в 20 шилл. в том случае, если отечественные цены ниже и это принесло бы фермеру большее облегчение. Он считает, что ферме-

¹ Лондондерри развил в своей речи план выплаты различных пенсий.

² Правительство предлагало продлить хартию, срок которой истекал в 1833 г., с целью добиться согласия Английского банка на некоторое смягчение положений этой хартии и предоставить тем самым возможность открытия новых акционерных банков в провинции.

ры — это наиболее пострадавший класс страны и что с ними обращаются весьма жестоко. Когда цены растут в результате плохого урожая, и фермеры могли бы получить компенсацию, их прибыли уменьшаются благодаря ввозу зерна со всех частей света. Благородный лорд не предлагает помочь этому серьезному злу. Если цена подымется до 85 шилл., то по его предложению пошлина должна составлять только 1 шилл., и бедные фермеры будут захлестнуты потоком ввозного хлеба. Еще одно разногласие между г-ном Рикардо и благородным лордом состоит в следующем: г-н Рикардо утверждает, что положение фермера не может быть обеспечено, пока цена отечественного хлеба держится на более высоком уровне, чем цена иностранного. Это прекрасно доказано в прошлогоднем докладе о положении сельского хозяйства. Что же, благородный лорд предлагает освободить сельское хозяйство от такого зла или хотя бы смягчить его? Нет. Значит положение будет таким же тяжелым, как и теперь¹.

Согласно плану г-на Рикардо надо быть уверенным в том, что отечественные цены не могут подняться больше, чем на 18 шилл. выше иностранных. Он предложил поэтому обложить ввозной хлеб пошлиной в 18 шилл. Но, конечно, нельзя вводить пошлину на ввоз без пошлины на вывоз того же размера (несколько слов не были расслышаны). Он не обвиняет землевладельцев в жестокосердии или в равнодушном отношении к положению других классов. Но при существующей системе хлебных законов приходится выступать против их интересов. Его удивляют часто раздающиеся в палате утверждения, что интересы лендлордов совпадают с интересами всех остальных классов, и крики одобрения, постоянно раздающиеся при этом. Если бы это было так, то было бы вполне достаточно и вполне приемлемо для всех предложить пяти или шести джентльменам, имеющим интересы в промышленности, удалиться в другую комнату. Уважаемый председатель сельскохозяйственного комитета мог бы быть и их председателем и им можно было бы поручить выработать план для облегчения положения сельских хозяев. К сожалению, однако, на этот счет существуют некоторые предрассудки; имеются промышленники, которые не думают, что их интересы совпадают с интересами лендлордов. Если это не так, то почему бы членам палаты, представляющим этот город, или Ливерпуль, или какой-либо иной промышленный или торговый район, не подготовить закона, который облегчил бы положение фермеров? Нельзя никому ставить в вину такие чувства.

¹ Окончание речи дано по отчету в газете «Times», приведенному в кембриджском издании, т. V, стр. 157, так как оно полнее и лучше отражает классовые позиции Рикардо.

но следует все же признать их наличие, как доказательство неправильного понимания вопроса. Достопочтенный член от Эссекса говорил здесь о спросе, каким он был в 1819 г., и о том, как значительно он упал к 1822 г. Чрезвычайно странно, что он не упомянул ни одним словом о положении с предложением. Если бы он заинтересовался этим вопросом, то увидел бы, что возросшее предложение вызвало бы уменьшение спроса. Г-н Рикардо зачитывает свои предложения:

1. Иностранное зерно, находящееся в настоящее время на таможенных складах до уплаты пошлины, может быть пущено в продажу для отечественного потребления, когда средние цены на пшеницу превышают 65 шилл. за квартал и при условии оплаты ввозного зерна пошлиной в 15 шилл. за квартал.

2. Если средние цены на пшеницу превышают 70 шилл. за квартал — торговля зерном объявляется свободной, а пошлины повышаются до 20 шилл.

3. По прошествии года со дня введения указанных пошлин на ввозное зерно эти пошлины уменьшаются на 1 шилл. с квартала.

4. Такие же уменьшения пошлины на ввозное зерно производятся ежегодно до тех пор, пока пошлина на пшеницу не достигнет 10 шилл. за квартал.

5. При вывозе зерна за границу выплачиваются соответствующие возвратные пошлины или премии в размере 7 шилл. за квартал¹.

Доклад о бедственном состоянии земледелия ²

Г-н Рикардо говорит, что он весьма восхищен речью, которую палата только что выслушала. По его мнению достопочтенный джентльмен проявил весьма значительный талант и показал, что он серьезно исследовал вопрос, о котором говорил, и хорошо его знает. (Слушайте!) Несмотря на все это, он все же думает, что достопочтенный джентльмен допустил большое количество ошибок. Достопочтенный джентльмен говорил о нем самом (о Рикардо) так, как будто он всегда был сторонником бумажного денежного обращения (крики: Нет, нет!), как будто он в действительности не был одним из первых, указавших

¹ Предложения Рикардо переведены сокращенно и без перечисления пошлин на другие сельскохозяйственные продукты.

² Заседание 7 мая 1822 г. Продолжение прений по докладу комитета о положении в сельском хозяйстве. Депутат Эттвуд выступил как с резкими возражениями против доводов Рикардо, так и с критикой его теоретических работ по вопросам сельского хозяйства (в частности статьи «О покровительстве земледелию»).

на пороги такого денежного обращения, при оценке которого парламент не имел никакого критерия и которое можно было в любое время увеличить или уменьшить в зависимости от того, как это было удобно или угодно Английскому банку. Достопочтенный джентльмен построил всю свою речь на одном абзаце в брошюре, написанной им (Рикардо) и относящейся к так называемой «достаточной цене». Он очень хотел бы связать в данном случае всю свою аргументацию с основной доктриной и рассуждениями, имеющимися в брошюре. Для фермера безразлично, как он получает эти достаточные цены, раз он их получает. Вполне верно вместе с тем (как это и утверждал достопочтенный джентльмен), что для того, чтобы получить такие цены, фермер должен согласиться принять деньги или стоимости весьма различных наименований. Но самое существенное состоит в том, что человек не может производить в течение длительного времени один и тот же товар, если не получает за него достаточной цены. Достопочтенный джентльмен говорил так, как будто он (Рикардо) один лишь был ответственен за имевшие недавно место изменения в стоимости денег. Он, однако, просит палату вспомнить, в каком положении денежное обращение находилось в 1819 г. В момент прохождения закона 1819 г. разница между стоимостью бумажных денег и золотом составляла лишь 5%. Он предлагал тогда принять меры, которые восстановили бы стоимость бумажных денег, подняв ее до уровня золотых, положили бы, таким образом, конец обесценению и тем самым сделали бы ненужными закупки золота. В результате этих мероприятий, поскольку исчез бы добавочный спрос на золото, стало бы невозможным повышение стоимости этого металла. Но ведь его предложение не было принято, а было принято другое, делавшее необходимой закупку золота и приведшее (поскольку оно было проведено в жизнь Английским банком) к значительному изменению стоимости золота. Каким же образом может он (Рикардо) быть ответственным за происшедшие изменения? Если бы изменение в стоимости денег составляло 20 или даже 50%, он отнюдь не был бы ответственен за это. Несомненно, как это признает и достопочтенный член палаты, тяжесть денежных налогов увеличивается пропорционально увеличению стоимости денег; мнения их расходятся лишь по вопросу о размерах этого увеличения. Он (Рикардо) полагает, что оно составляет самое большее 10% и отнюдь не так велико, как это утверждал достопочтенный джентльмен. Последний сказал, что он (Рикардо) измеряет обесценение единственно ценой золота; то же самое говорилось и другими членами палаты и повторялось вне ее. При этом смысл слова обесценение понимался совершенно неправильно. Обесценение означает уменьшение стоимости денег по отношению к стандарту, которым сто-

имость денег регулируется в общественном масштабе. При пользовании словом обесценение г-н Рикардо употребляет его в этом очевидном и правильном смысле. Стоимость самого стандарта может измениться по сравнению со стоимостью других товаров. И может так случиться, что деньги обесцениваются, хотя стоимость их поднялась по сравнению с другими товарами; это может произойти потому, что стоимость самого стандарта повысилась в еще большей степени. Когда он говорил, что обесценение денег уменьшилось в том или ином размере, то разве он утверждал, что стоимость денег не изменилась? Вопрос о стоимости денег и об их обесценении — это совершенно различные вещи. Если distinguished джентльмен сможет доказать, что стоимость золота изменилась на 40 или 50%, то он (Рикардо) согласится, что соответственно возросла и стоимость денег. Distinguished джентльмен спросил, почему золото является лучшим стандартом, чем хлеб или какой-либо иной товар. На это он (Рикардо) отвечает, что золото всегда было стандартом [стоимости] в нашей стране. Если бы мы не провели рокового закона 1797 г., мы до сих пор имели бы металлический стандарт. Но можно ли сделать из этого вывод, что золото не изменилось в стоимости? Если бы мы сохранили металлическое денежное обращение, а какая-нибудь другая страна, имеющая бумажное обращение, вернулась к металлическому стандарту, то distinguished джентльмен мог бы также прийти сюда, как он пришел сегодня, и сказать, что в результате произведенных закупок золота стоимость этого металла повысилась и соответственно возросла тяжесть денежных налогов. Но неужели distinguished джентльмен намеревался серьезно утверждать, что стоимость хлеба менее изменчива, чем стоимость золота? (Слушайте, слушайте!) Пусть же он предложит, чтобы директора банка оплачивали свои банкноты вместо соевых кварталов зерна по определенной норме; ибо таков был смысл его утверждений. (Слушайте!) Distinguished джентльмен говорил о невозможности для фермеров использовать земли низшего качества, но distinguished джентльмен ставил вопрос неправильно. Дело не в том, что рост населения заставляет фермеров переходить к обработке земель низшего качества, а в том, что возросший спрос на зерно может заставить их затратить на обработку той же земли вторую часть капитала, которая не¹ дает столько продукта, сколько первая. При еще большем росте спроса может быть затрачена и третья часть капитала, которая не даст столько продукта, сколько вторая. Ясно, что издержки производства продукта определя-

¹ В подлиннике слово «не» отсутствует, но в кембриджском издании имеется следующее совершенно правильное примечание: должно быть «не дает», т. V, стр. 167.

ются при этом количеством его, получаемым при последнем капитальном вложении. Невозможно, следовательно, чтобы при росте спроса на зерно в данной стране не росли и издержки его производства, вызывающие рост цен. Если достопочтенный член палаты полагает, что настоящее положение вещей есть лишь результат изменения стоимости денег, то он не дает никакого объяснения размерам бедствия. Рассмотрим его собственный (Рикардо) случай. Он владеет значительным количеством земли, не обремененной ни одним долгом. Тогда с точки зрения достопочтенного члена палаты как он сам, так и арендаторы его земли пострадали бы лишь в меру такого увеличения налогового бремени, какое вызвано изменением стоимости денег. Но на деле они пострадали гораздо больше. Достопочтенный джентльмен ошибался, утверждая, что в предыдущем столетии цены на зерно мало колебались. В течение первых 62 лет этого столетия средняя цена квартера пшеницы была 32 шилл., но с 1784 по 1792 г. она составляла 45 шилл., а это очень значительный рост стоимости пшеницы. Но г-н Рикардо не будет исходить из отдельных разрозненных фактов, чтобы доказать вещь, столь очевидную в принципе: расширение обработки земли должно увеличить издержки производства зерна. Достопочтенный джентльмен сказал, что налоговое обложение земли дает такой же результат, какой получился бы для фермера при необходимости содержать лишнего работника, от работы которого он не получал бы никакой прибыли. Но таково, как он (Рикардо) полагает, действие всякого налогового обложения. (Слушайте!) Достопочтенный джентльмен думал, вероятно, что он будет это отрицать. Наоборот, никто не может изобличить вредные последствия налогов так решительно, как он сам. Он никогда не согласился бы на изъятие из карманов народа хотя бы 6 пенс., если этого можно избежать. Но он все же отнюдь не так слеп, чтобы утверждать, будто налоги являются причиной настоящего бедствия. (Слушайте, слушайте!) Здесь правильно говорили, что для арендатора земли действие налогов такое же, как содержание излишнего работника. Но разве это не так же верно и по отношению к купцу и фабриканту? (Слушайте!) Итак, если бы налоги были единственной причиной бедствия, последнее распространилось бы и на всех остальных. Теория достопочтенного джентльмена поэтому совершенно недостаточна для объяснения всего, что приходится сейчас наблюдать. Достопочтенный джентльмен спрашивает, не удвоится ли цена зерна при бумажном денежном обращении и увеличении налогов вдвое? Если бы были удвоены десятина¹, налоги в поль-

¹ Десятина, или десятая часть урожая, — налог на содержание церквей — была отменена во Франции во время буржуазной революции, а в Англии сохранялась, хотя и в значительно измененном виде, до 1936 г.

зу бедных и все налоги, особо влияющие на выращивание хлеба, то в результате цена зерна увеличилась бы в том же размере. Но в стране могут быть введены налоги общего характера, которые не приведут к таким изменениям. Достопочтенный джентльмен сказал, будто он (Рикардо) советует отказываться от обработки земли. Нет, он не советует прекратить обработку земли, пока она приносит доход, но он, несомненно, советует фермерам не производить товара, который нельзя будет продать за достаточную цену. Он дал бы такой же совет фабриканту сукна или судовладельцу, если бы они действовали в таких же условиях. В настоящий момент он не будет оспаривать конкретные предложения, которые должен рассматривать комитет. Он удовлетворен тем, что ответил, хотя и не во всем удачно, на весьма серьезную речь достопочтенного джентльмена; он заявляет, что не питает ни малейших сомнений в реальности принципов, которые он защищал.

* * *

После ряда выступлений других членов палаты Рикардо снова взял слово¹.

Поскольку г-н Рикардо считает, что трудности, переживаемые земледельцами, являются в значительной мере результатом хлебных законов, он хочет воспользоваться случаем и сказать несколько слов о них. Даже если бы он полностью соглашался с джентльменами, приписывающими переживаемые трудности изменениям в стоимости денег и налоговому бремени, он все же полагал бы, что и эти джентльмены должны признать следующее: если рассматривать хлебные законы абстрактно, вне связи с этими двумя обстоятельствами, то они были рассчитаны на нанесение большого вреда. Одним из самых вредных последствий их были неестественно высокие цены на зерно в этой стране по сравнению со всеми другими странами. Достопочтенный баронет (Бэрдетт) признал, что большое изобилие хлеба вызовет падение цен как на хлеб, так и на все остальные продукты. Он должен заметить в связи с этим, что в аргументации достопочтенного баронета имеется, по-видимому, некоторая непоследовательность. В одной части своей речи последний допустил, что сверхизобильное производство зерна будет причиной трудностей именно в том размере, в каком мы их в настоящее время испытываем (Бэрдетт отрицает это). Достопочтенный баронет говорит теперь, что он такого предположения не делал, но г-н Рикардо понял его именно так; и кроме того достопоч-

¹ Во время этих выступлений член палаты Летсбридж выразил надежду, что палата не будет сбита с правильного пути «возмутительными теориями политэкономов».

тенный баронет применил также свой аргумент к изменению стоимости денег. Он ведь сказал, что те, кто считает, что увеличение количества какого-либо товара выше известной меры вызывает падение цены пропорционально большее, чем имевший место рост количества товара, должны признать, что и изменение в количестве¹ денег вызовет изменение в ценах¹ товаров большее, чем изменение в количестве¹ денег. Хотя г-н Рикардо считает, что сверхизобильное предложение какого-либо товара вызывает большее падение его стоимости, чем это соответствует приросту его количества, он, однако, не думает, что это же правило применимо и к деньгам. Он приведет здесь пример, из которого видно, как сверхизобильное предложение какого-либо товара приводит к гораздо большему падению его совокупной стоимости, чем рост дополнительного предложения. Предположим, например, что в какой-либо стране впервые появляется какой-либо редкий товар, например, очень тонкое сукно. Если 10 тыс. ярдов такого сукна будут при этих условиях ввезены в страну, найдется много желающих купить его, и в результате цена его возрастет чрезвычайно сильно. Предположим теперь, что количество ввозимого сукна удвоилось. Тогда, по его мнению, совокупная стоимость 20 тыс. ярдов значительно превысит совокупную стоимость 10 тыс. ярдов, ибо в товаре все еще будет ощущаться нехватка, и спрос на него будет велик. Если количество ввозимого сукна еще раз удвоится, результат будет тот же, так как, хотя каждый отдельный ярд из этих 40 тыс. ярдов и упадет в цене, общая стоимость всего сукна будет больше, чем стоимость 20 тыс. ярдов. Но если количество сукна будет продолжать увеличиваться таким же образом до тех пор, пока покупка его станет доступной для всех классов общества, то, начиная с этого момента, каждое новое увеличение количества сукна будет уменьшать совокупную стоимость его. Ту же аргументацию г-н Рикардо применяет и к хлебу. Хлеб — это товар, потребление которого естественно ограничено; если же продолжать увеличивать его количество, то его совокупная стоимость упадет ниже стоимости меньшего количества. Г-н Рикардо делает для денег исключение из этой аргументации. Если в нашей стране имеется в обращении лишь 100 тыс. ф. ст., эта сумма будет удовлетворять всем требованиям более широкого обращения; но при увеличении ее стоимость товаров изменится лишь пропорционально этому изменению, потому что необходимости ограничивать количество денег не было. Аргумент distinguished баронета, на который он ссылаясь.

¹ В английском тексте во всех трех случаях стоит слово «стоимость». Исправление сделано по примечаниям в кембриджском издании, т. V, стр. 170.

здесь поэтому неприменим. Возвращаясь к вопросу, более непосредственно стоящему перед палатой, а именно к вреду, приносимому существующими хлебными законами, г-н Рикардо полагает, что фермер терпит ущерб при слишком обильном урожае. Но посмотрим и на другую сторону вопроса. Предположим, что на долю фермера выпали и неурожайные годы, и хлеб его поднялся в цене. Именно в момент, когда он смог бы увеличить свои прибыли благодаря этим обстоятельствам, порты будут открыты и зерно хлынет в страну в неограниченных размерах. Эти недостатки были подчеркнуты весьма ярко в докладе комитета о земледелии и в резолюциях, предложенных его distinguished другом (Гэскиссоном). Будет очень грустно, если палата не согласится с некоторыми из них. По его (Рикардо) мнению, ни резолюции, предложенные благородным маркизом, ни даже те, которые предложил его уважаемый друг, и еще менее те, которые внесли distinguished члены палаты, сидящие на той же стороне, что и г-н Рикардо, отнюдь не пригодны для устранения зла, на которое все жалуются. Как можно устранить зло, состоящее в том, что цены в этой стране обычно выше, чем в других странах? Путем снижения цен на хлеб, выращиваемый в этой стране, до его уровня у других наций. Если будет принято его (Рикардо) предложение о пошлине на ввозимый хлеб в 10 шилл. (за квартал) и премии в 7 шилл. за вывозимый хлеб, то он считает невозможным, чтобы цены на пшеницу в этой стране когда-либо были существенно выше, чем за границей. Если в нашей стране будут высокие урожаи, фермер найдет выход в экспорте. Определяя пошлину на ввозной хлеб в 10 шилл., г-н Рикардо, как ему кажется, руководствовался требованиями, вытекающими из настоящих условий страны. Он не предлагает, чтобы палата ввела ввозную пошлину в 10 шилл. немедленно. При трудностях, переживаемых в данное время земледельцами в нашей стране, и, принимая во внимание изобильное предложение зерна по ту сторону пролива, он готов оказывать фермеру покровительство вплоть до того, как цена подымется до 70 шилл., а тогда открыть порты для ввоза и установить первоначальную пошлину в 20 шилл. По его мнению, эта пошлина в 20 шилл. приведет к полному устранению иностранного зерна, но он все же останавливается на ней: ведь при существующих законах запрещен всякий ввоз, поэтому положение потребителя не станет хуже, чем теперь, и в то же время введение такой пошлины обеспечивает постепенное приближение к принципам, которые он считает правильными. Г-н Рикардо приводит также соображения, по которым он исчислил пошлину в 10 шилл. На основании показаний, приведенных в обеих палатах, он определил, что налоги, которые должен уплачивать фермер, главным образом десятина и налог в пользу

бедных, составляют около 10 шилл. на квартал. Достопочтенный член палаты от Уилтшира (Бенетт) сказал вчера вечером, что он желает лишь одного: чтобы пошлина на ввоз хлеба была исчислена на основе налогов, падающих на сельских хозяев. Он (Рикардо) не понял исчислений этого достопочтенного члена палаты, но предлагает ему опровергнуть, если он сможет, правильность его собственных исчислений. Если же достопочтенный член палаты признает их правильность, он будет надеяться на его поддержку при голосовании. Он рекомендует обложение пошлиной ввозного зерна в силу причин, которые он уже изложил, а именно, ради покровительства фермеру в годы плохого урожая. Он полагает, что отстаивает интересы фермеров более действенным способом, чем многие джентльмены, называющие себя их друзьями.

Г-н Рикардо считает, что должен сделать несколько замечаний, относящихся к той части его плана, которая касается выпуска на отечественный рынок иностранного зерна, содержащегося теперь на таможенных складах: когда цена этого зерна достигнет 65 шилл., оно должно облагаться пошлиной в 15 шилл. Достопочтенный член палаты от Оксфорда (Локхарт) сказал, что такая мера будет разорительной для сельских хозяев и что она сведет цену зерна к 47 шилл. Но фермер держит в своих руках средство борьбы с этим. Когда цена зерна достигнет 64 шилл., то, если фермер опасается наплыва иностранного зерна, он должен овладеть рынком и распорядиться своим зерном сообразно своей выгоде. Г-н Рикардо избрал уровень цены в 65 шилл. для того, чтобы фермеру не приходилось вступать одновременно в конкуренцию с держателями иностранного зерна на наших таможенных складах и в других странах. Ему пришлось бы сначала бороться с первыми, а затем, при росте цен до 70 шилл., конкурировать со вторыми. Может быть, было бы правильным отметить здесь, что пошлина в 10 шилл. была бы вполне адекватна даже и при открытии портов. Согласно показаниям в комитете, опасность, что страна будет наводнена ввозным хлебом, весьма невелика. Благородный маркиз констатировал, что расходы по доставке зерна в нашу страну из-за границы достигают 10 шилл. с квартала. Но, согласно исчислению г-н Солли, приведенному в его показании, расходы по выращиванию зерна во внутренних районах Германии вместе со всеми расходами по доставке зерна в нашу страну достигают 2 ф. ст. 16. шилл. Пошлина в 10 шилл. подняла бы эту сумму до 3. ф. ст. 6 шилл. А вот член палаты от Камберленда (Карвен) полагает, что 65 шилл.— это хорошая покровительственная цена. Если это так, то почему же он и другие депутаты возражают против пошлины в 10 шилл., которая предотвратила бы ввоз до тех пор, пока цена пшеницы не станет по крайней мере 65 шилл. за квартал?

Г-н Рикардо не может понять, на каком основании земледельцы возражают против его предложения. Он ведь хочет не только обеспечить им достаточную цену в 70 шилл., но и ввести пошлину в 20 шилл., а они все же полагают, что все это не является достаточным покровительством. Он пользуется случаем, чтобы информировать палату о поручении, данном ему (Рикардо) г-ном Солли, на показания которого он уже ссылаясь: в связи с заявлением благородного маркиза о том, что в Силиции урожай был так обилен, что считалось даже невыгодным собирать его, г-н Солли просил г-на Рикардо сообщить, что урожай не только не был столь обильным, но что обитатели Силиции были вынуждены покупать зерно на семена. Предложения благородного маркиза как будто рассчитаны не на то, чтобы устранить бедствие, а, наоборот, на то, чтобы утвердить его. Они создают тенденцию поддерживать сельских хозяев в спекуляции высокими ценами и приведут, таким образом, к тому же порочному кругу вредных последствий. Г-н Рикардо возражает также, хотя и в меньшей степени, против предложений своего distinguished friend (Гэскиссона). Его distinguished friend предлагает ввести пошлину в 15 шилл. на ввозное зерно без какой-либо премии на вывоз, вследствие чего цена зерна в нашей стране будет всегда на 15 шилл. выше, чем за границей. Никто не доказал проистекающий отсюда вред яснее, чем его distinguished friend; последнего можно поэтому обвинить в непоследовательности, поскольку предложенное им мероприятие как раз и причинит такой вред. Премия, которую он (Рикардо) предлагает, будет действовать в пользу фермера именно тогда, когда он больше всего будет нуждаться в помощи.

**Продолжение прений по докладу комитета
о бедственном состоянии земледелия ¹**

Г-н Рикардо выражает свое удивление по поводу дополнения, внесенного его уважаемым другом. Он не видит, какими принципами может его благородный друг оправдать увеличение вывозной премии до 18 шилл. Он лично не думает, чтобы выплата таких премий часто имела место. А если когда-либо это и будет иметь место, то 7 шилл. вполне достаточно. Его благородный ученый друг, член палаты от Винчелси (Броэм) и distinguished member от Корф-Кэстля (Бэнкс) — оба привели одно и то же возражение против предложенной им самим резо-

¹ Заседание 9 мая 1822 г. Прения по дополнению, предложенному лордом Олторп к предложениям Рикардо: ввести постоянную пошлину в 20 шилл. на ввозной хлеб вместо постепенного сокращения ее до 10 шилл. и премию в 18 шилл. за вывоз вместо 7 шилл., как предлагал Рикардо.

люции: он (Рикардо) якобы недостаточно учел влияние косвенных налогов на доходы от сельского хозяйства, хотя, по их мнению, эти налоги больше воздействовали на доходы сельских хозяев, чем на какие-либо иные. Его оппоненты в известной мере, может быть, и правы, но он все же думает, что они преувеличивают. Принцип, согласно которому он произвел свои исчисления, состоит в том, что цена каждого товара складывается из заработной платы рабочих и прибыли¹ на капитал. Согласно аргументации благородного лорда, цены товаров фабричного производства складываются лишь в небольшой части из заработной платы и в значительной — из прибыли на капитал, а в земледелии дело обстоит, по его мнению, как раз наоборот. Если бы этот аргумент мог быть подтвержден фактами, то это доказало бы, что в расчетах следует отнести большую долю косвенных налогов на счет рабочих². Г-н Рикардо сомневается, однако, в том, действительно ли факты таковы. Он сомневается, действительно ли доля труда в сельском хозяйстве больше, чем в фабричном производстве. Правильный способ прийти к здравому решению вопроса состоит в рассмотрении структуры мертвого капитала³ в обоих случаях. Если бы он мог доказать, что доля мертвого капитала во всем затрачиваемом капитале в сельском хозяйстве такая же, как и в промышленности, то это значило бы, что предложение его благородного друга не является более действительным. Его ученый друг, депутат от Винчелси, сказал, что продукция сельского хозяйства почти целиком определяется затраченным трудом. Но его ученый друг, по-видимому, забыл, что значительная часть капитала сельского хозяйства идет не только на оплату труда, а вложена в здания, в лошадей, в семена. Верно, что значительная часть капитала промышленника вложена в машины; но, даже принимая это во внимание, он все же должен сказать, что доля мертвого капитала в сельском хозяйстве определена его благородным другом отнюдь не так ясно, как следовало бы, и что фермер имеет, следовательно, право лишь на небольшое вознаграждение. Г-н Рикардо полагает, что, предлагая пошлину в 10 шилл., он предложил вполне достаточное вознаграждение; он определил его притом же, полагая, что налоги в пользу бедных, так же как и десятина, падают полностью на землевладельцев. Он должен, однако, констатировать, что налоги в пользу бедных нельзя от-

¹ В официальном отчете («Hansard») вместо слова «profits» — прибыль стоит слово «produce» — продукт. Кембриджское издание делает поправку, пользуясь для этого отчетом газеты «Morning Chronicle». То же и в следующей фразе (кембриджское издание, т. V, стр. 177).

² Последняя фраза переведена по отчету в «Morning Chronicle», значение которого полнее и яснее (кембриджское издание, там же).

³ Очевидно, имеется в виду постоянный капитал.

нести полностью на счет землевладельцев, потому что часть налогов платит промышленник; хотя, конечно, большая часть их, он с этим согласен, падает на представителей сельского хозяйства. Он убежден, что если бы он принял во внимание все это, то вознаграждение сельских хозяев не превышало бы 7 шилл. Между тем он определил его в 10 шилл., и таким образом дополнительные 3 шилл. являются вполне достаточной компенсацией за какие бы то ни было ошибки, которые он мог непреднамеренно допустить в своих расчетах.

Г-н Рикардо хотел бы теперь сказать несколько слов достопочтенному члену палаты от Корф-Кэстля (Бэнксу) по поводу лекции по политической экономии, которую тот прочел ему (Рикардо). Достопочтенный член палаты много распространялся о мудрости наших предков. Г-н Рикардо охотно соглашается, что наши предки были очень мудрыми, но в то же время утверждает, что теперешнее поколение унаследовало всю их мудрость и располагает ею в несколько большем размере. (Слушайте, слушайте!) Если считать действительными аргументы достопочтенного члена палаты, то нужно сразу покончить со всякой надеждой на будущие усовершенствования. Нынешнее поколение изобрело паровые машины и газовое освещение и сделало также немало других полезных и благодетельных открытий. Он надеется, что это поколение никогда не будет остановлено в своем движении вперед по пути к знанию тем, что ему будут говорить о мудрости его предков или будут убеждать его в том, что причина достигнутого процветания лежит именно в почитании системы, установленной его предками, как весьма мудрой и превосходной. Наша страна, несомненно, великая страна, и за последние годы она очень значительно увеличила свой капитал. Но говоря об этом, достопочтенный член палаты от Корф-Кэстля мог бы пользоваться и этим аргументом с таким же успехом, как и приведенным им. Он мог бы, например, сказать: «Мы приумножили наше богатство и в то же время приобрели большой национальный долг; следовательно национальный долг является большим благодеянием, и избавиться от него было бы очень плохим делом». (Слушайте! Смех.) Такого рода аргумент столь же действителен, как и аргумент, которым пользовался достопочтенный джентльмен. Достопочтенный член палаты сказал далее, что, по его мнению, не заслуживает ни малейшего внимания один из аргументов, приводимых против свободного ввоза зерна, а именно, что Англия должна быть не только самоснабжающейся страной, но и страной вывозящей товары. По этому вопросу он (Рикардо) хотел бы подчеркнуть одно соображение: страна, которая производит какой-либо продукт для использования его в другой стране, в высшей степени заинтересована в том, чтобы держать рынок открытым для

продажи этого продукта. Если бы мы выращивали большое количество сырого материала с целью отправки его в другую страну, то в каком положении очутились бы мы, если бы рынок для ввоза его оказался закрытым? Какая лавина обрушилась бы тогда на наш внутренний рынок! Он утверждает, что разорение, которое было бы вызвано таким событием, было бы так велико, что никакой министр, никакой властитель не могли бы помочь ему. Достопочтенный член от Корф-Кэстля весьма сожалел также, что мы становимся слишком уж промышленной страной. Может быть достопочтенный джентльмен полагает, что промышленная страна не может быть так счастлива, как сельскохозяйственная? Но он с таким же успехом мог бы пожаловаться и на то обстоятельство, что люди становятся старше, как на такую перемену в жизни нашей страны. Нации стареют так же, как и отдельные люди; и по мере того, как они становятся старше, растет население их стран и их богатство, и они должны стать промышленными. Если бы ход вещей совершался естественным порядком, мы, несомненно, стали бы страной с сильно развитой промышленностью, но в то же время мы должны были бы остаться и страной с отлично развитым сельским хозяйством. Было бы в самом деле невозможно, чтобы Англия не была сельскохозяйственной страной: ее население может так сильно вырасти, что ей придется ввозить часть средств питания. Но вместо того, чтобы оплакивать это обстоятельство, он считает его доказательством благосостояния, чем-то, с чем можно себя поздравить. Ведь до тех пор, пока мы производили бы сами всю необходимую нам пищу, всегда существовал бы и предел для нашего развития. Но наше богатство и наше могущество не перестанут расти, если мы будем получать часть нужных нам средств питания из других стран и отдавать часть наших промышленных изделий для уплаты за них. Достопочтенный член палаты от Корф-Кэстля спрашивает, не должны ли наши фермеры превратиться в промышленников, а наши пахари в механиков? Если бы какой-либо иностранец вошел в палату и услышал этот вопрос, он мог бы предположить, что действительно было внесено предложение открыть наши порты и изменить внезапно все направление нашей политики. Но разве кто-нибудь хотя бы намекнул на возможность такого предложения? Достопочтенный член палаты от Оксфорда (Локхарт) сделал ему (Рикардо) честь, заявив, что, по его мнению, Рикардо не стремится причинить стране зло; но затем прибавил, что, как он полагает, предложенная им (Рикардо) резолюция все же имеет такую тенденцию. Но когда г-н Рикардо предложил монопольные условия для сельских хозяев вплоть до цены в 70 шилл. (а достопочтенный член палаты от Уилтшира Бенетт признал, что 67 шилл.— это достаточная цена), а также пошлину в 20 шилл. при откры-

тий портов с постепенным снижением ее до раз и навсегда установленной пошлины в 10 шилл., то можно ли по справедливости сказать, что его предложение имело целью отвратить капитал страны от земледелия и направить его в область промышленности? Достопочтенный член палаты правильно отметил, что такое изменение наших капиталовложений совершенно невозможно. Верное средство против подобного изменения следует искать в необходимости выращивать свой собственный хлеб; такая необходимость будет всегда мешать нашему превращению в слишком индустриализированную страну. В действительности, если бы предложенные им (Рикардо) резолюции были приняты, то в промышленность стала бы постепенно направляться немного большая часть капиталов страны, а результат этого был бы выгоден для всех классов общества, так как только с помощью продажи промышленных изделий мы получаем возможность покупать хлеб. Никто никогда не пытался опровергнуть его аргументы, показывающие, в какое бедственное положение попал бы фермер при системе покровительственных пошлин. Высокие цены на хлеб означают для фермера большой и особый риск. Ведь никто из представителей сельскохозяйственных интересов никогда не пытался утверждать, что фермер не подвергается тому риску, который, как он (Рикардо) показал, является результатом изменения цен. Никто из них не пытался доказать, что его (Рикардо) представления о такой опасности абсурдны или химеричны. Поскольку же они этого не делали, он полностью утвердился в том мнении, какого придерживался с самого начала. Достопочтенный член палаты от Уилтшира заявил, что мы можем получить большое количество иностранного зерна по 25 шилл. за квартал. Между тем в его (Рикардо) руках находится письмо от г-на Солли¹, в котором этот джентльмен заявляет, что ни в одном из его показаний комитету он не говорил о ценах данного момента, но о достаточных ценах в странах континента. А ученый друг Рикардо (Броэм) справедливо заметил, что именно достаточная цена там регулирует цены здесь. Но он, Рикардо, полагает, что его ученый друг преуменьшил эту достаточную цену. Его ученый друг определил ее в 45 шилл., но он полагает, что она на 10 шилл. выше; ведь его ученый друг не учел прибылей тех, кто доставляет хлеб сюда, а по мнению г-на Солли эта прибыль составляет по крайней мере 6 шилл. с квартала. Но главной причиной для его ссылки на письмо г-на Солли является тот факт, что последний говорит в нем, что Мемель (порт, из которого один из свидетелей, дававший показание комитету, получал свои сведения) не является портом,

¹ Это письмо не было найдено, как это отмечено в кембриджском издании, т. V, стр. 181.

откуда поступают сколько-нибудь большие количества зерна — не более 20 тыс. кварталов зерна в год и притом низшего качества. Вот поэтому он (Рикардо) и хочет спросить палату: если из Мемеля отправляются лишь 20 тыс. кварталов зерна и притом низшего качества, то может ли это служить оправданием для проведения законодательного мероприятия, предлагаемого его достопочтенным другом? Ведь ясно, что утверждение, будто иностранное зерно можно получить по 25 шилл. за квартал, недостойно внимания, и на нем не стоит останавливаться ни на минуту. Еще одно лишь дальнейшее замечание, которое ему надо сделать, относится к тому, что мы здесь слышали от благородного маркиза (Лондондерри). Благородный маркиз сказал, что против мероприятий, которые он предложил палате, почти никто не голосовал в комитете. Но он (Рикардо) высказал свое мнение в комитете и, желая остаться верным себе и последовательным, он позволит себе снова высказать его перед палатой. Он шел на заседание комитета, полагая, что сельскохозяйственные классы находятся в весьма тяжелом, бедственном положении и что им следует оказать всяческую помощь, какую только возможно; он хотел бы оказать им такую помощь, но с одним условием: он в свою очередь хочет получить гарантию в том, что новые лучшие законодательные мероприятия будут немедленно проведены в жизнь. Он был расположен предоставить сельским хозяевам все, чего они требуют. Запрещение ввоза они уже получили; большего они уж не могут получить. Он право же был готов принять любое сделанное в комитете предложение при условии, что комитет выразил бы готовность предложить вниманию парламента более полезные законодательные мероприятия. Комитет обнадежил его, что поступит так, как он рекомендовал; ему было сказано, что в доклад комитета будет включено указание, которое его удовлетворит в этом отношении. В результате такого обещания он и дал условное согласие на предложенные комитетом мероприятия. Когда же он ознакомился с докладом и обнаружил, что в нем нет статьи, на которую он надеялся, его условное согласие на предложения комитета сразу же отпало. Он отказывается дать согласие на доклад комитета, потому что в этом докладе нет никаких пунктов, на которые он надеялся. Достопочтенный член палаты от Хертфорда (Калверт) сказал, что показания лиц, ввозящих зерно, должны быть приняты с известной оговоркой, потому что, как бы ни были честны их намерения, их представления о собственных интересах могут заставить их отклониться в сторону. Он (Рикардо) не собирается возражать против этого замечания, ибо признает, что в большинстве случаев оно вполне обосновано. Но пусть ему, однако, разрешат применить это замечание и к тем, кто должен в этой палате выносить решения по весьма важным во-

просам. Да будет ему позволено напомнить им, что они весьма заинтересованы в этих решениях; разрешите ему предупредить их, что они могут сойти с правильного пути или отклониться от него в несоответствующую сторону, если это им подскажут их представления о собственной выгоде. Да будет ему разрешено умолять их не забывать о том, что они должны принимать законы, обеспечивающие благосостояние миллионов, и что нет более невыносимого зла, чем высокие цены на пищу для человека. (Слушайте!) С удивлением услышал он заявление distinguished члена палаты от Эссекса (Уэстерна) о том, что ему совершенно безразлично, будут ли цены высоки или низки, и что он все же хочет получать хлеб за малое количество труда и за невысокую цену. В этом он солидарен с distinguished членом палаты, но с удивлением обнаружил, что при переходе к рассмотрению мер, могущих обеспечить низкие реальные цены, distinguished член палаты метнулся в противоположном направлении и заявил, что мы должны производить свой собственный хлеб и можем соглашаться на ввоз его лишь при особых обстоятельствах. Если мы будем действовать на основе такого заявления, то придем к невозможности иметь низкие цены в стране, где население растет так быстро, как у нас. Единственный известный ему путь к снижению реальных цен состоит в таком использовании части капитала страны, которое привело бы к расширению ее промышленности.

Билль о колониальной торговле ¹

Г-н Рикардо говорит, что сначала хотел бы сделать одно замечание по вопросу о денежном обращении. Хотя он сам и не знает фактов, он все же не может не сомневаться в правильности указаний его уважаемого друга (Эллиса) о вест-индских платежах. Кажется невероятным, что люди в Вест-Индии в 1815 г. оплачивали долг в 100 ф. ст. при помощи 155 ф. ст. в своей валюте, теперь же должны платить 227 ф. ст., хотя их деньги и не изменились в стоимости. Он переходит, однако, к другому вопросу. Если бы ему нужен был аргумент в пользу свободы торговли, он не ходил бы за ним далеко, а сослался бы на речь своего уважаемого друга. В этой речи положение обрисовано именно таким, как оно есть. Оратор сказал, что судовладельцы бы-

¹ Заседание 17 мая 1822 г. Обсуждение предложения о предоставлении некоторых прав по экспортной торговле плантаторам Вест-Индии, казавшегося главным образом пошлин на ввоз сахара. В своем выступлении Рикардо решительно отстаивает преимущества свободной торговли и восстает против принесения общественного блага в жертву частным интересам.

ли обложены особыми налогами; чтобы они могли вознаградить себя за них, им разрешалось возлагать ненужные расходы на жителей Вест-Индии. Последним не разрешалось рафинировать свой сахар, и они были вынуждены пересылать его вместе с некоторым количеством примесей. Это делалось для того, чтобы поощрять пользование нашими судами, а владельцы их пользовались в свою очередь монопольными правами по снабжению внутреннего рынка. В результате потребитель получал сахар по цене, отягощенной всеми этими расходами. Вся система была пропитана тем же духом. Оскорбительные и ненужные тяготы ложились на один класс, а этому классу разрешалось облегчать свое бремя путем ограбления кого-либо другого. Один distinguished член палаты (Бархэм) задал здесь совершенно правильный вопрос: если народ Англии облагается налогом ради оказания помощи жителям Вест-Индии, то кто же, спрашивает он, получает эти 1,5 млн.? Ведь сами жители Вест-Индии едва-едва содержат свои плантации. Никто не получает этой суммы. Именно на это г-н Рикардо и жалуется. Народ Англии платит высокую цену за свой сахар, и никто не получает от этого соответствующей выгоды. Деньги, которые уплачиваются, поглощаются в бесплодной растрате человеческого труда. Distinguished член палаты от Лондона (Уилсон) сказал, что жители Англии должны платить за свой сахар одну и ту же цену, независимо от того, будет он обложен налогом или нет. Но это совершенно невозможно. Distinguished член палаты мог бы с таким же успехом сказать, что, если бы чай не был обложен налогом, то китайцы подняли бы его цену до уровня нынешней цены, отягощенной налогом. Общий принцип, регулирующий цену в условиях свободной конкуренции, состоит в том, что товар продается по цене настолько низкой, какую только могут позволить себе производители. Не может быть поэтому никакого повышения цены сахара, если только наше допущение ввоза сахара из Ост-Индии не увеличит цену его производства. Положение с сахаром из Вест-Индии в точности похоже на положение с хлебными законами. Подобно тому, как во втором случае мы защищали наши бедные земли от конкуренции плодородных земель других стран, мы теперь защищаем бедную почву Вест-Индии от конкуренции богатых земель Ост-Индии. Во всех таких случаях беда состоит в том, что большое количество человеческого труда пропадает даром без какого-либо эквивалента. Г-н Рикардо вполне согласен с тем, что пожертвовать интересами тех, кто вложил свои капиталы в плантации Вест-Индии, было бы огромнейшей несправедливостью. Но было бы все же дешевле покупать сахар в Ост-Индии и уплачивать Вест-Индии прямой налог за свободу так поступать. Мы от этого выиграли бы, так как прекратили бы расточительство челове-

ческого труда. Так как, по его мнению, монополия, кому бы она ни была предоставлена, всегда невыгодна, то он не находит нужным возражать против обсуждаемого билля, который в какой-то мере приближает нас к свободной торговле. К этому здоровому принципу мы должны вернуться как можно скорее: а когда мы к нему вернемся, то не будем больше докучать парламенту такого рода дискуссиями и вечными просьбами пожертвовать общественным благом ради частных интересов.

Возобновление хартии Английского банка¹

Г-н Рикардо говорит, что он не порицает директоров банка за то, что они сделали банк столь прибыльным предприятием, сколь это было возможно. Но он порицает министров за то, что они заключили с банком столь недальновидные договоры, сделавшие возможным получение банком таких огромных прибылей. Он будет изо всех сил возражать против возобновления хартии банка, ибо убежден, что каждый фартинг, полученный банком, должен принадлежать обществу. Он не может согласиться с цитированными здесь авторитетами, доказывавшими, что Английский банк был весьма полезен стране. Единственная польза, которую он принес, состояла в введении бумажных денег, но этого можно было достигнуть и другими мерами, без тех потерь, которые фактически понесло при этом государство².

О торговле ирландским маслом³

Г-н Рикардо говорит, что джентльмены из Ирландии жалуются на недостаточность покровительственных пошлин, но он прямо-таки не может себе представить, до чего дойдет у них господство пошлин. В данном случае имеется ведь уже пошлина в 25 шилл. на центнер⁴. Но он полагает, что ирландские поставщики удовлетворятся только тогда, когда станут полными монополистами в торговле маслом. По его же мнению, следовало сделать как раз обратное предложение. Следует призвать пар-

¹ Заседание 31 мая 1822 г. Рассматривалась внесенная Гренфеллом петиция против возобновления хартии Английского банка ввиду «огромных прибылей», полученных им за последние 20 лет, а также ввиду его «тиранического поведения по отношению к правительству и народу».

² Две последние фразы переведены по более подробному отчету в «Morning Chronicle» (см. кембриджское издание, т. V, стр. 193).

³ Заседание 20 июня 1822 г. Прения по предложению Колтхарста о введении добавочной пошлины на масло, ввозимое из-за границы.

⁴ В английском тексте — hundredweights — центнер. В неметрической системе мер центнер равен 50,8 кг или 112 английским фунтам.

ламент к тому, чтобы постепенно избавиться от этой покровительственной пошлины, благодаря чему торговля станет действительно полезной для страны. В парламент поступают со всех сторон предложения о введении покровительственных пошлин. Сегодня на парламент наступают торговцы маслом, завтра — торговцы салом, затем появляются со своими жалобами плантаторы из Вест-Индии, а затем судовладельцы тоже требуют законодательного вмешательства в их дела. Но что сказал об этом Адам Смит, этот великий прославленный автор? Вот его буквальные слова:

«Потребление является единственной целью всякого производства, и интересы производителя заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя. Положение это настолько самоочевидно, что было бы нелепо даже пытаться доказывать его. Между тем при господстве меркантилистической системы интересы потребителя почти постоянно приносятся в жертву интересам производителя, и эта система, по-видимому, признает не потребление, а производство главной и конечной целью всякой промышленной деятельности и торговли»¹. Никто не может оспаривать правильность этого положения. Что же касается до предложения, поступившего в парламент, то оно основано на петиции из города Дублина, в которой приводится неверное заявление, будто торговля маслом упала. Это совершенно не соответствует действительным фактам: в этом году вывоз масла достиг таких больших размеров, каких он никогда не достигал, за исключением лишь одного или двух лет.

Бюджет ²

Г-н Рикардо отметил, что канцлер казначейства выражал большие надежды на то, чего можно ожидать от фонда погашения, и заявил, что лишь чистая случайность помешала реализации этих надежд в этом году, но в будущем году мы якобы получим полностью весьма положительные результаты от создания такого фонда. Он (Рикардо) боится, однако, что мы и впредь будем жить, как жили, и что та или иная случайность снова помешает нам воспользоваться теми благами, о которых так красноречиво говорил канцлер казначейства. Если комитет будет рассматривать отчет именно в таком духе, как

¹ Адам Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, 1935, стр. 208.

² Заседание 1 июля 1822 г. по проекту бюджета, внесенному канцлером казначейства.

того желал бы канцлер казначейства, то в этом году мы будем как будто иметь превышение доходов над расходами в 5 млн. ф. ст., а в 1824 г. это превышение будет составлять 6 млн. ф. ст. Во всяком случае distinguished gentleman подошел, наконец, к той позиции, с которой он (Рикардо) хотел бы начать: ведь без такого превышения доходов над расходами не может быть и реального или полезного фонда погашения. Пусть же комитет обратит внимание на способ, каким канцлер казначейства выявил наличие такого превышения в этом году. Он сказал, что это превышение составляет 4961 тыс. ф. ст. Но каковы факты? Поскольку весь дефицит казначейства составляет 14 144 тыс. ф. ст., а сумма, из которой он должен быть покрыт, равна 15 481 тыс. ф. ст., то вычтя первую сумму из второй мы получим остаток лишь в 1400 тыс. ф. ст. Такова величина реального, полезного фонда погашения в этом году. «Ах, да,— сказал канцлер казначейства,— нам случайно приходится уплатить в этом году Английскому банку 530 тыс. ф. ст., но в будущем году у нас не будет такой задолженности, и наш излишек останется нетронутым». Г-н Рикардо хотел бы знать, какими способами исчисления пользовался канцлер казначейства, чтобы получить 5 млн. ф. ст. годового превышения в этом году? Доход страны составляет 53 087 тыс. ф. ст., расход — 51 119 тыс. ф. ст., что дает остаток в 1968 тыс. ф. ст. Таков, очевидно, весь излишек за этот год. «Нет,— говорит канцлер казначейства,— мы располагаем 700 тыс. ф. ст., которые мы сэкономили благодаря изменению в норме процента по нашему займу¹; мы должны также учитывать уже полученные 2600 тыс. ф. ст.» Но г-н Рикардо не может понять, как можно отнести эти суммы к превышению доходов над расходами. Конечно, сумму в 5 млн. ф. ст. нетрудно насчитать, но будет ли комитет считать ее таким превышением дохода над расходами? Мало того: distinguished gentleman заявил, что в 1824 г. превышение будет составлять 6 млн. ф. ст. Но как оно будет получено? Оно должно быть получено, принимая во внимание 4875 тыс. ф. ст., которые должны быть сданы государству хранителями фонда половинных окладов и пенсий. В связи с этим он хочет спросить: а разве на другой стороне баланса не значится никаких сумм, подлежащих уплате? Канцлер казначейства должен знать, что деньги, полученные таким путем, нельзя вообще рассматривать как сумму к получению. Для 1824 г. доходы исчислены в сумме 52 400 тыс. ф. ст., а расходы — в сумме 50 600 тыс. ф. ст., так что на 5 января 1824 г. окажется излишек в 1800 тыс. ф. ст. Он согласен со своим уважаемым другом (Эллисом) в том, что умень-

¹ Норма процента Английского банка была снижена 21 июня с 5 до 4%.

шать наш консолидированный и увеличивать наш неконсолидированный долг — это плохая политика. Он рекомендовал бы диаметрально противоположный способ действия. Возвращаясь к тому, что было сказано об уменьшении Английским банком нормы процента, г-н Рикардо выражает свое удовлетворение по поводу высказанного канцлером казначейства мнения, что законы о ростовщичестве несправедливы¹. Вряд ли найдется какой-либо иной период, столь благоприятный, как настоящий, для внесения изменений в эти абсурдные законы: ведь они уже стали на деле мертвой буквой, поскольку рыночная цена, уплачиваемая за денежную ссуду, теперь ниже, чем цена, установленная законом. Он, однако, не может согласиться, что снижение процента, проведенное банком, может иметь какое-либо общее влияние на рыночную стоимость денег или на цену земли или какого-либо иного товара. Если бы Английский банк удвоил обращение своих банкнот, это все же не имело бы постоянного воздействия на стоимость денег. Если бы такое удвоение имело место, что общий уровень процента был бы восстановлен за срок меньше чем в 6 месяцев. Страна нуждается в обращении лишь определенного размера и может вынести только таковое; и если для обращения не установлено определенного предела, норма процента найдет соответствующий естественный уровень. Он был рад услышать, что Английский банк решил уменьшить норму процента с 5 до 4. Банк, конечно, поступил бы неправильно, если бы отказался сделать это, ибо только таким путем он сможет удержать свои банкноты в обращении. Если бы банк не уменьшил норму процента до 4, то стране пришлось бы по необходимости вернуться к металлическому денежному обращению или же банкноты должны были бы выпустить какие-либо другие банки, так как для Английского банка стало бы невозможным пустить в обращение хоть одну единственную банкноту. В заключение г-н Рикардо говорит, что не может удержаться от выражения своего соболезнования бедному джентльмену, которому, в результате снижения Английским банком процента, пришлось уплатить за имя на 5 тыс. ф. ст. больше. (Смех.)²

¹ Канцлер казначейства заявил, что он «полностью присоединяется к принципу, согласно которому законодательное регулирование нормы процента противоречит началам политической экономии».

² Последние фразы, начиная от слов «он был рад», приведены по отчету газеты «Morning Chronicle», более подробному и ясному. См. кембриджское издание, т. V, стр. 223.

**Предложение Уэстерна, относящееся
к изменившемуся положению денежного обращения ¹**

Г-н Рикардо говорит, что если ему не удастся разоблачить все заблуждения и ложные утверждения, содержащиеся в резолюциях, которые достопочтенный член палаты предлагает вниманию последней, то это будет не потому, что в этих резолюциях не будет ошибок и заблуждений, а потому что он не сможет с полной ясностью выразить свои мысли. Ему редко приходилось видеть столько ошибочного и неверного, собранного в таком небольшом тексте. Достопочтенный джентльмен, по-видимому, полагает, что, указав на значительные колебания цен в течение последних 8 лет, он может приписать изменения их закону 1819 г. о восстановлении нашего прежнего стандарта стоимости денег. Он, очевидно, думает, что для изменения цен не было и не могло быть никакой иной причины, и что вполне достаточно указать на значительное падение цен различных товаров, чтобы оправдать его предложение о пересмотре стандарта нашего денежного обращения с определенной целью поднять цены. Но даже и с точки зрения собственных принципов достопочтенный джентльмен обязан был не только указать на падение цен, но и доказать также, что они упали в результате мероприятий, принятых с целью дать стране преимущества постоянного стандарта. Он позабыл, что цены были подвержены колебаниям во все времена, когда мы и не трогали нашего стандарта. Да и как может достопочтенный джентльмен доказать, что настоящее падение цен следует приписать не одной из тех общих причин, которые влияют на стоимость товаров? Держатель государственных бумаг получает теперь 13,5 бушелей зерна в обмен на сумму 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 пенс. в тех деньгах, в каких ему уплачивают дивиденды, тогда как прежде он получал за ту же сумму 7,5 бушелей; но можно ли отсюда сделать вывод об изменении стоимости денег в том же отношении? Если такой вывод верен для нашей страны, то он верен и для всякой другой. Но что сказал бы достопочтенный джентльмен, если бы законодатели Франции предложили изменить стандарт ее денежного обращения на том основании, что за определенное количество франков, получаемых держателем государственных бумаг, можно было бы теперь купить на 50

¹ Заседание 10 июля 1822 г. Обсуждение 18 резолюций, предложенных Уэстерном. Почти вся речь Рикардо воспроизводится в кембриджском издании по найденному в бумагах Рикардо рукописному наброску. Последний в 4 раза превышает по объему то, что помещено в отчете. В тексте кембриджского издания изложение ведется иногда в первом лице, а иногда и в третьем.

или 100% больше пшеницы, чем в прежние годы? Г-н Рикардо последует за достопочтенным джентльменом по всем его резолюциям и, с согласия палаты, в том же порядке, в котором они предложены. Что касается бедственного положения тех, кто связан с сельским хозяйством нашей страны, о чем говорится в 1-й резолюции, то здесь нет места для разногласий. Наличие такого бедствия было, к несчастью, слишком хорошо установлено, но почвой для разногласий является вопрос о причине этих трудностей. Достопочтенный джентльмен приписывает их все изменению в стоимости денег, тогда как он (Рикардо) и те, кто с ним согласен, хотя и не отрицают, что такова одна из причин бедствия, приписывают все же последнее главным образом наличию очень большого количества продукта.

Стоимость зерна может снизиться в силу разных причин: благодаря изобилию его, благодаря улучшениям, введенным в сельском хозяйстве и снижающим стоимость производства, из-за недостаточного поступления драгоценных металлов из рудников, где они добываются. Все эти причины могут вообще влиять на положение дел в любой стране, но никогда еще они не служили основанием для внесения предложения об изменении стандарта стоимости денег. Нужно помнить, что изменение стандарта не могло бы повлиять на положение сельских хозяев как класса, если бы они не должны были платить налогов. Изменение стандарта как таковое может оказаться выгодным или убыточным для фермера в течение срока действия арендного договора, заключенного им при иной стоимости денег; но это же изменение может быть в той же мере выгодным или убыточным и для лендлорда, с которым был заключен договор, поэтому весь класс в целом будет столь же богат, но и не богаче, чем прежде. Таково было бы положение, если бы мы не платили налогов, но поскольку это не так, повышение стоимости денег будет убыточно для этого класса в той мере, в какой их возросшая стоимость увеличивает налоговое обложение страны. Но такой результат является общим, а не частным, и затрагивает он одновременно все классы. Увеличенное налогообложение влияет и на держателей капиталов, так же как и на все другие классы, поскольку эти держатели являются налогоплательщиками. Если же из возросшего налогообложения страны вычесть возросшие суммы, падающие на держателей бумаг, на владельцев торговых предприятий, промышленных предприятий и владельцев всякой иной собственности, то могут ли возросшие суммы налогов, падающие на сельское хозяйство страны, в результате каких-либо изменений в стоимости денег, быть достаточно велики, чтобы объяснить всеобщее бедствие, постигшее сельских хозяев? Он предоставляет палате решить этот вопрос; лично же ему кажется невоз-

можным, чтобы такие значительные следствия могли быть результатом столь незначительных причин; все дело объясняется слишком большим изобилием сельскохозяйственных продуктов.

2-я резолюция достопочтенного джентльмена относится к бедственному положению в Ирландии, и голод, который царит в этой стране, он также приписывает изменению стоимости денег. Неужели достопочтенный джентльмен может серьезно приписывать изменению стоимости денег неурожай картофеля, которого он не отрицает? Но, говорит достопочтенный джентльмен, в Ирландии народ умирает от недостатка пищи, а про фермеров говорят, что они страдают от сверхизобилия. Достопочтенный джентльмен полагает, что между этими двумя констатациями имеется противоречие, но г-н Рикардо не может с ним согласиться. Что же тут противоречивого? Ведь в стране, где заработная плата регулируется ценой картофеля, народ должен испытывать величайшую нужду, если картофель не уродился, а заработная плата недостаточна для покупки более дорогого товара — хлеба. Откуда же люди возьмут денег, чтобы быть в состоянии купить хлеб, каково бы ни было изобилие его, если цена его все еще значительно превышает цену картофеля? Г-н Рикардо не считает ни абсурдным, ни противоречивым утверждение, что в такой стране, как Англия, где народ питается хлебом, может иметь место изобилие зерна, и при этом могут существовать такие низкие цены, которые не вознаграждают тех, кто выращивает его, и что есть все же люди, находящиеся в бедственном положении, но не могущие купить хлеба, потому что у них нет работы. Но в Ирландии дело обстоит гораздо хуже; в этой стране — в этом не приходится сомневаться — возможно сверхизобилие хлеба и голодающий народ. Вот что следует сказать о второй резолюции.

3-я резолюция достопочтенного джентльмена основывается на утверждении, которое, как он говорит, имеется в докладе сельскохозяйственного комитета и которое он берет в кавычки; это заставило всех читавших резолюцию думать, что они имеют дело с цитатой из этого доклада. Несколько слов в этом утверждении были написаны курсивом, по-видимому, для того, чтобы придать им большую силу. После слов, относящихся к влиянию изменения стоимости денег на цены зерна и других товаров, идут следующие слова, написанные курсивом: «и оказали, следовательно, сильное давление на промышленность страны». Г-н Рикардо вполне уверен, что достопочтенный джентльмен не станет сознательно делать неверные констатации, и полагает поэтому, что это была ошибка лица, помогавшего ему в составлении резолюции. Оказалось, что в докладе не было слов, соответствующих приведенной в резолюции цитате, и что самый дух доклада не соответствовал многому, о чем гово-

рится в резолюции; и ни в одном разделе последней он (Рикардо) не мог найти каких-либо слов, которые соответствовали хотя бы значению слов, демонстративно написанных курсивом. (Г-н Рикардо зачитывает одно место из доклада сельскохозяйственного комитета). Он должен кроме того сделать еще одно замечание по поводу этой резолюции. В ней говорится: «Все владельцы предприятий должны были потерпеть прямой ущерб, пропорционально тому падению денежной цены, которое имело место для всех товаров, являются ли они продуктами земли, промышленности или торговли». С этим утверждением он не может согласиться. Вышепоименованные лица понесли убыток не пропорционально падению цен товаров, а пропорционально реальному увеличению уплачиваемых ими налогов, являющемуся результатом повышения стоимости денег. Ничто не может быть столь безразлично для производителя товаров, как денежные цены товаров, если, конечно, все цены меняются одновременно и в одинаковой пропорции. Поэтому то заключение, к которому пришел distinguished gentleman и которое он приглашает принять также и палату, совершенно необоснованно.

Я перехожу теперь к 4-й резолюции, весьма важной, поскольку distinguished gentleman допускает в ней, что золото является стандартом денежного обращения нашей страны, а степень обесценения бумажных денег определяется «тем количеством их, которое нужно дать сверх 3 ф. ст. 17 шилл. 10,5 пенс., чтобы купить унцию золота». Я всегда придерживался такого мнения, но в настоящее время как в палате общин, так и вне ее, оно ставится под вопрос. Резолюция отмечает, что «вскоре после проведения закона 1797 г., ограничивающего право Английского банка оплачивать свои банкноты золотом, находящиеся в обращении деньги подверглись обесценению». Проверить правильность такого утверждения полезно лишь постольку, поскольку distinguished gentleman опирался на него в своей речи для того, чтобы сделать довольно важное заключение. Он предлагал изменить стандарт из-за тех выгод, которые получили в последнее время держатели ценных бумаг благодаря повышению стоимости денег. Но он отлично знал, что в ответ на это ему напомнят об убытках, которые потерпели держатели бумаг 1797 г., поскольку в течение нескольких лет они получали свои дивиденды в обесцененных деньгах; если тем, кто является плательщиком налогов, следует получить компенсацию, то это должно быть сделано и по отношению к прежним держателям ценных бумаг, понесшим столь большой убыток. Что отвечает на это distinguished gentleman? Отрицает ли он справедливость такого требования? Нет, он признает таковое, но считает его настолько уста-

ревшим, что его уже надо сдать в архив. Весьма странный ответ. Мне кажется, что если это требование справедливо, то двадцатипятилетняя давность не лишает его силы. Никогда не поздно совершить акт справедливости. Но на деле факты не таковы, как их представляет резолюция: бумажные деньги не были обесценены в нашей стране немедленно после проведения закона 1797 г.; обесценение начало сказываться лишь в 1800 г., причем среднее обесценение с 1797 по 1809 г., измеряемое средней ценой золота в 4 ф. ст. 8 пенс., не превышает $2\frac{1}{2}\%$. Если же его аргумент о давности имеет какой-либо вес, то, мне думается, я показал, что в данном случае на длительность срока нельзя ссылаться, и если уж справедливость должна быть осуществлена по отношению к одной группе пострадавших, то ее следует осуществить и по отношению к другой. В общем и целом я готов доказать, что расчеты между налогоплательщиками и держателями бумаг почти что балансируются, и что на самом деле страна сейчас обременена налогами не в большей мере, чем она могла бы быть, если бы мы никогда не отказывались от металлического стандарта, а держались бы той же системы, которую регулярно осуществляли вплоть до 1797 г. Но об этом я буду иметь случай говорить в дальнейшем. Действительный вопрос заключается, как я полагаю, в следующем: находятся ли представители сельского хозяйства в худшем положении, чем то, в каком они находились бы, если бы не были приняты ни закон 1797 г., ни закон 1819 г.? Разве они не выиграли столько же от первого, сколько потеряли от второго? Разрешением этого вопроса я и займусь, прежде чем закончу речь. 4-я резолюция утверждает, что средняя цена золота за 18 лет составляла 4 ф. ст. 10 шилл. 10 пенс. Я полагаю, что это неправильно, и что средняя цена составляла около 4 ф. ст. 5 шилл. или 4 ф. ст. 6 шилл. Но достопочтенный джентльмен сначала признал, что мерой обесценения является цена золота, а затем снова возвращается в этой резолюции к цене зерна как мере обесценения. В своей речи достопочтенный джентльмен выразил надежду, что возражающие ему не будут пытаться доказать наличие некоторых небольших неточностей в исчислении им цены зерна; ему известно, что в результате должна получиться разница в зависимости от того, будут ли цены исчисляться по таблицам Итона¹ или иным путем. Но г-н Рикардо заверяет достопочтенного джентльмена, что он и не старался установить такие неточности, так как полагал, что цена зерна не имеет никакого отношения к вопросу. Зерно не является и никогда не являлось денежным стандартом ни в этой, ни в какой-либо другой стране. Если бы оно было лучшим стандартом, чем тот, каким мы

¹ Eton tables.

пользуемся, то на этом основании можно было бы принять его в будущем, но до сих пор стандартом было не зерно, а золото; мы обязаны поэтому измерять наши платежи в золоте и ни в чем больше. Он, Рикардо, уже указывал, что если сравнение числа кварталов хлеба, уплачиваемых держателю государственных бумаг теперь и в прежние годы, является убедительным аргументом в нашей стране, то оно является таковым и во Франции. И хотя Франция до сих пор неизменно придерживалась металлического стандарта, она могла бы по справедливости изменить его и платить держателю государственных бумаг меньшее число унций серебра на том основании, что каждая унция является теперь эквивалентом большего количества бушелей пшеницы, чем раньше. Конечно, палата не стала бы слушать подобного рода аргументы или поддерживать такие опасные принципы. Если сельский хозяин считает пшеницу правильным стандартом стоимости, то почему бы кому-либо другому не считать за таковой сахар, или индиго, или ткань? Почему бы этому другому не сказать: я прежде отдавал держателю государственных бумаг столько-то фунтов сахару или ярдов ткани, а теперь должен отдавать большее количество? Какие гарантии имеем мы, что цены различных товаров не будут изменяться в различных направлениях — одни расти, другие падать? А если так, то как могли бы мы решить, какому из них отдать предпочтение перед другими? Но разве distinguished джентльмен готов идти до конца с предлагаемым им стандартом? Я думаю, что держатель бумаг мог бы безопасно для себя согласиться с предложением такого рода, если бы оно ему было сделано. Средняя цена пшеницы за 30 лет, кончая 1755 г., была 1 ф. ст. 13 шилл. 4 пенс., но начиная с 1755 г. держатель государственных бумаг не получил и 50% того количества пшеницы, на которое он имел бы право, если бы пшеница была стандартом. Если бы аргументы distinguished джентльмена были действительны, то почему бы не компенсировать держателей бумаг за стоимость того количества зерна, которого он недополучил после 1755 г. вместе со сложными процентами на эту сумму. Если зерно является теперь мерой стоимости, то оно всегда должно было бы быть ею со времени заключения государственного долга. Если же distinguished джентльмен не хочет этого признать, то он должен объяснить, почему он хочет сделать зерно стандартом тогда, когда это против интересов держателей бумаг и в пользу землевладельцев, и почему он против такой меры стоимости тогда, когда она в пользу держателя бумаг и невыгодна для землевладельцев.

Г-н Рикардо говорит, что 5-я резолюция тоже содержит неверное утверждение. В ней высказывается предположение, что, поскольку цены зерна и других продуктов упали на сумму,

которая составляла прежде ренту, ренты вообще не может быть в настоящее время. Это было бы верно, если бы все издержки производства и налоги составляли такую же сумму, как и раньше. Но разве это могло быть? Возможно ли поверить, что при таком огромном падении в стоимости зерна одновременно не упала и стоимость производства? Разве заработная плата не падает вместе с падением стоимости сырого продукта? Разве издержки на семена и многие другие расходы тоже не сократятся? В действительности воздействие изменения стоимости денег на цену зерна не имеет для сельского хозяина никакого значения; значение имеют лишь твердо установленные денежные налоги. Ведь все издержки производства упали бы соответственно изменению в стоимости денег. В резолюции также говорится о возросших расходах по оплате закладных и иных долговых обязательств, поскольку последняя должна теперь производиться деньгами повышенной стоимости. Это, несомненно, верно, но разве землевладельцы не извлекали выгоду из того же источника, когда деньги обесценивались? Если быть справедливыми ко всем группам, то разве не следует землевладельцу платить по этой статье столько же, сколько он получал? Достопочтенный джентльмен зорко следил за всяким ущербом, который был причинен в последнее время землевладельцам, и полностью забыл о выгодах, которые они получили от колебаний в стоимости денег в не очень еще далекий период. В 6-й резолюции достопочтенный джентльмен г-н Уэстерн говорит, что во время войны колоссально возрос государственный долг. Никто не может отрицать этого факта — война стоила очень дорого. Но в резолюции ничего не говорится о том, был ли этот возросший долг особо убыточен или несправедлив по отношению к одному определенному классу. В этом единственном пункте г-н Рикардо и расходится с достопочтенным джентльменом.

В 7-й резолюции достопочтенный джентльмен только подтверждает известную истину: возросший долг должен быть оплачен большим количеством унций золота. Но для того, чтобы установить, какой сумме денег эквивалентно это добавочное количество унций золота, не следует ли производить оценку по нынешней стоимости золота? Почему же достопочтенный джентльмен, делает свое исчисление на основе прежней стоимости золота? Г-н Рикардо снова должен заметить, что соответственно увеличению стоимости золота согласно закону 1819 г. налоги также возросли, — это он признает; но здесь снова затрагивается вопрос, о котором он должен будет сделать теперь свои замечания: разве налоги возросли настолько, чтобы быть чрезмерно тяжкими для землевладельцев? По 8-й резолюции г-н Рикардо мало что имеет сказать, так как достопочтенный

джентльмен не дал никакого обоснования для введения пшеничного стандарта, столь решительно защищаемого им. Но если бы он и дал такое обоснование, то он (Рикардо) никак не может понять, на основании какого принципа добавочное количество зерна, которое должны были доставить налогоплательщики, должно оцениваться по денежным ценам прошлого периода, а не настоящего. Не станет г-н Рикардо делать каких-либо замечаний и по 9-й резолюции¹. Ведь поскольку пшеница составляет значительную часть тех стоимостей, которые приобретаются за заработную плату рабочих, следует ожидать, что размеры заработной платы меняются вместе с ценой пшеницы. Делая заработную плату стандартом стоимости, достопочтенный джентльмен фактически повторяет, таким образом, аргументы, приведенные им раньше в защиту пшеничного стандарта. Заработная плата не является особым товаром, для которого необходимо дополнительное доказательство изменения стоимости денег; уровень ее зависит главным образом от цены пшеницы и почти обязательно падает и поднимается вместе с последней.

В 11-й резолюции достопочтенный джентльмен предполагает, что цена пшеницы, хотя она и не является достаточной ценой, останется на ее теперешнем уровне, но на чем основано его предположение, этого он палате не сообщает. Г-н Рикардо полностью расходится с достопочтенным джентльменом в этом вопросе; он не понимает, каким образом цена пшеницы может остаться на ее теперешнем пониженном уровне, если верно утверждение достопочтенного джентльмена о том, что при такой цене лендлорд не может получать ренты, а фермер прибыли. Он (Рикардо) вполне уверен в том, что при таких условиях постоянное выращивание пшеницы сделается невозможным, и, следовательно, либо предположение достопочтенного джентльмена ни на чем не основано, либо же его выводы ошибочны².

12-я резолюция уверяет палату, что в 1819 г., когда проводился закон о возобновлении платежей наличными, она не могла предвидеть всех тех последствий, которые перечисляются в предыдущих резолюциях³. Было бы действительно странно, если бы палата могла предвидеть явления, имевшие место до принятия закона. В предыдущих резолюциях говорится о том,

¹ В последней Уэстерн пытается сопоставить стоимость пшеницы и сумму уплачиваемых налогов с размерами общей суммы заработной платы и доказать этим способом рост суммы уплачиваемых налогов.

² И в этой резолюции Уэстерн, исходя из предположения о неизменной цене пшеницы, пытается доказать рост налогового обложения.

³ И эта резолюция стремится доказать, что «налоговые тяготы сделались совершенно невыносимыми», что пострадали и разорились держатели собственности и т. д. И все это в результате закона о восстановлении платежей наличными (см. кембриджское издание, т. V, стр. 229).

что обесценение денег достигло своей вершины в 1814 г. Многие трудности, пережитые сельским хозяйством, имели место до 1819 г., и не могли быть последствиями закона, проведенного в этом году. Но то, что палата должна рассмотреть, это именно последствия закона 1819 г. Все предыдущие изменения в денежном обращении, все бедствия, наличия которых никто так охотно не допускал, как он сам (Рикардо), происходили при системе, с которой покончил закон 1819 г. Именно потому он так горячо и поддерживал этот закон, что последний покончил с этой системой.

Г-н Рикардо должен теперь покритиковать 13-ю резолюцию, в которой содержится небольшая ошибка — всего лишь на 154 млн. ф. ст. Он готов потерять даже тот небольшой кредит, каким он располагает в палате, если не докажет своего утверждения. Достопочтенный джентльмен сообщает в этой резолюции, что между 5 января 1798 г. и 5 января 1816 г. в казначейство было внесено для оплаты займов 459 млн. ф. ст.; для этой цели был учрежден капитал в 795 334 тыс. ф. ст. в 3-процентных бумагах. Для оплаты этой суммы была получена стоимость, равная 101 203 тыс. унций золота. Для оплаты же капитала в 3-процентных бумагах, оцениваемых в настоящее время в 80, необходимо иметь 163 407 306 унций золота. Таким образом, получается разница в 23 311 836 унций, каковые по мнению достопочтенного джентльмена, *неправильно присваиваются* держателем государственных бумаг за счет публики; в переводе на деньги это составляет 110 974 694 ф. ст. Ежегодные расходы по заключенному долгу составили, по мнению достопочтенного джентльмена, с 1798 по 1816 г. 23 млн. Прежде всего между 1798 и 1816 г. в казначейство не было внесено 459 млн. ф. ст.; но на 154 млн. ф. ст. меньше этой суммы. Верно, что лица, заключившие долг, или держатели государственных бумаг уплатили в течение этого периода 459 млн. в обесцененных деньгах, но они получили за то же время и в тех же деньгах в уплату долга 154 млн. Следовательно, от них было получено лишь 305 млн. и добавочный долг был заключен лишь на эту сумму. Теперь со всех сторон утверждают, что фонд погашения является лишь номинальным, если он получается не за счет превышения доходов над расходами. Предположим, что канцлер казначейства признал бы в то время иллюзорность фонда погашения, послушал бы совета, который так часто давал по этому вопросу его (Рикардо) уважаемый друг г-н Гренфелл, и предложил членам комиссии по фонду погашения подписаться на заем данного года. Сколько пришлось бы тогда платить в казначейство лицам, заключившим долг? 305 млн., а не 459 млн., как это утверждал достопочтенный джентльмен. Но, говорит последний, возросшие расходы по долгу составляют

за промежуток времени между двумя датами 23 млн. На деле они составляли лишь 13 млн. В дополнение к этим ошибкам и чтобы раздуть убытки, понесенные публикой, достопочтенный джентльмен утверждает, что держатели государственных бумаг неправильно получают выгоду, проистекающую из разницы между ценами того периода, когда были заключены различные займы военного времени, и теперешней ценой в 80, до которой поднялись 3-процентные бумаги после нескольких лет мира. Это уже что-то новое — найти в этом выгоду, неправильно присвоенную держателями государственных бумаг. Если бы достопочтенный джентльмен купил имение за 100 тыс. ф. ст., которое он мог бы продать в настоящее время за 130 тыс. ф. ст., то назвал ли бы он 30 тыс. ф. ст. неправильно полученной выгодой? Если бы он купил французские процентные бумаги, стоившие тогда 58, а теперь поднявшиеся до 90, назвал ли бы он это неправильно полученной выгодой? А что бы он сказал о французском законодателе, который серьезно предложил бы уменьшить выплату дивидендов держателям процентных бумаг на основе такого повышения курса? Если бы мы стали считаться с такой постановкой вопроса, то пришел бы конец всякой обеспеченности и всякому доверию. Никто не мог бы заключить никаких договоров, хотя бы на самый краткий срок, если бы правительство считало прибыль несправедливо полученной выгодой.

Что касается до 14-й и 15-й резолюций, то он (Рикардо) упомянет о них лишь для того, чтобы показать, к каким фантастическим заключениям пришел достопочтенный джентльмен. Он серьезно предлагает вниманию палаты утверждение, согласно которому держатели государственных бумаг получили между 1798 и 1816 г. благодаря изменению в стоимости обращающихся денег 301 892 тыс. ф. ст. Достопочтенный джентльмен сначала утверждает, что вся сумма, уплаченная в этот период по займам, составляла 459 630 тыс. ф. ст., но, как я уже доказал на деле, она составляла лишь 305 млн. ф. ст. Но, именно исходя из первой суммы, достопочтенный джентльмен и полагает, что держатели государственных бумаг получили выгоду в 301 млн. ф. ст.¹

Достопочтенный джентльмен пытался как будто инсинуировать, что некоторые индивиды имеют привычку нападать публично на землевладельцев нашей страны. Такое обвинение нельзя было выдвигать против г-на Рикардо. Верно, конечно, что он рассматривает ренту в таком же свете, как все предметы,

¹ На этом кончается черновик Рикардо, использованный в кембриджском издании. Дальнейший текст дается по официальному отчету («Hansard»).

имеющиеся на рынке, т. е. подверженные колебаниям в цене, каковая регулируется спросом на продукты земли. Он никогда не говорил, что страна будет разорена сверхобильным предложением¹. Он утверждал обратное: страна очень выгадает от такого предложения; чем больше предложение, тем больше комфорта. Большое предложение стимулирует снижение цен; низкие цены наносят ущерб фермеру, но приносят выгоду стране. Но это, однако, не та выгода, которую он желал бы ей получить. Он, Рикардо, наоборот, всегда желал, чтобы фермер получал хорошую достаточную цену, так как убежден, что все классы в стране будут лучше жить, если фермер будет получать хорошую достаточную цену. Но достаточная цена не имеет ничего общего с состоянием денежного обращения. Если бы цена хлеба упала очень низко — до 20 шилл., например, а цена труда и все другие издержки производства регулировались бы такой ценой хлеба, то фермеру было бы так же легко платить свою ренту, как это было бы, может быть, при цене в 80 шилл. и соответствующей стоимости всех издержек производства.

Что касается до преимуществ, которые получил один класс по сравнению с другим благодаря закону 1819 г., то он должен сказать, что при безрассудном отношении к денежному обращению страны такие результаты неизбежны. Налогоплательщики потеряли в один период и выиграли в другой благодаря колебаниям в стоимости денег, но весьма замечательно то обстоятельство, что потери и выигрыши тут почти балансировались. По его мнению, наибольший вред был причинен первоначальной ошибкой; он имеет в виду закон 1797 г. Именно этот закон был великим заблуждением, а мероприятие 1819 г. было спасением. Палата признала вред закона, принятого в 1797 г., и члены ее обязаны поддерживать закон 1819 г., который был проведен с единственной целью исправить первоначальную ошибку. Если палата в какой-либо роковой для себя момент изменит закон 1819 г., то каковы будут последствия этого? Что будет твориться в Лондоне на другой день? Какая дикая спекуляция, какое разорение проложат себе путь! Зло, которое причинит такой шаг, будет настолько велико, что он ожидает от палаты выражения определенно отрицательного отношения к предложению достопочтенного джентльмена.

¹ В кембриджском издании приводится в сноске следующая выдержка из речи Уэстерна: «Когда же прежде кто-либо мог увидеть, услышать или прочесть, что страна разоряется от сверхизобилия? Такая мысль не могла возникнуть ни в чьей голове, кроме головы новейших философов» (т. V, стр. 244).

С Е С С И Я
1823 г.
ФЕВРАЛЬ – ИЮЛЬ

Внешняя торговля ¹

Г-н Рикардо берет слово, чтобы отдать дань уважения заслугам distinguished джентльмена, который недавно еще занимал должность вице-президента министерства торговли. Он хотел бы сказать, что, как ни полезны были планы distinguished джентльмена для торговли страны, они принесли бы еще больше пользы, если бы были полностью осуществлены. Они, однако, встретили слишком много препятствий со стороны интересов, которые были враждебны предлагаемым реформам. И хотя он очень сожалел об этом, но должен все же заметить, что эти интересы требуют осторожного обращения. Он полагает, что было бы более мудро дать компенсацию той или иной стороне, которая может пострадать от внесенных изменений, чем сохранять систему, которая, как это было доказано, была губительна для торговых интересов нации в целом. Он с величайшим удовольствием слушал очень либеральную речь, которую distinguished джентльмен произнес сегодня вечером. И с неменьшим удовлетворением слушал он его отрадный отчет об экспортной торговле нашей страны. Нам было сказано, что вывоз в настоящее время гораздо больше, чем в год наибольшего процветания в период войны. Следует также отметить, что во время войны наш большой вывоз служил для покрытия наших больших расходов за границей, тогда как в настоящее время мы получаем за наш вывоз значительные ценности. При рассмотрении общего положения нашей страны испытываешь удовлетворение, когда находишь, что наряду с мраком и пугдой, которые опутывают наше земледелие, наша внешняя торговля находится в цветущем состоянии. Он убежден, что общим желанием всех, кто слушает его, является дальнейшее длитель-

¹ Заседание 12 февраля 1823 г. Прения по поводу предложения уходящего в отставку вице-президента министерства торговли о возобновлении полномочий комитета по внешней торговле, избранного на прошлой сессии.

ное процветание этой торговли в будущем. Г-н Рикардо повторяет, что взял слово только для того, чтобы засвидетельствовать свое уважение чрезвычайным заслугам distinguished gentleman.

Остатки денежных сумм на балансе Английского банка ¹

Г-н Рикардо сказал: правда, что Английский банк компенсировал государство за дарование ему хартии, но эта компенсация недостаточно велика по сравнению с теми выгодами, которыми банк так долго пользовался. Если Английский банк обратится за возобновлением своей хартии, пока нынешний канцлер казначейства еще сохраняет свою должность, то я советую distinguished gentleman быть особенно бдительным, дабы банк его не перехитрил. Раньше, чем такое соглашение будет заключено, distinguished gentleman обязан посоветоваться с палатой об его условиях. Если бы был открыт публичный конкурс, то за хартию было бы предложено больше, чем когда-либо. Выгоды, которые Английский банк извлекал из своей хартии, свидетельствуют о том, что условия соглашения были для него весьма благоприятны.

Финансовое положение страны ²

Г-н Рикардо вспоминает, что в конце прошлой сессии ему часто приходилось отражать атаки, которые производились на науку политическую экономию. Он был, однако, очень доволен, слушая ясную, здравую, практическую и прекрасную речь, которую произнес distinguished gentleman; он полагает, что никто еще не умел так прекрасно изложить научные положения политической экономии, как это было сделано теперь в этой палате. По его мнению, палата никогда еще не видела министра, состоящего в должности, занимаемой теперь distinguished gentleman, который в этом качестве высказывал такие искренние, такие мудрые и такие прекрасные взгляды. Нельзя было

¹ Заседание 18 февраля 1823 г. Прения по предложению Гренфелла, требовавшего возврата остатков государственных средств в Английском банке и указавшего, что последний получает слишком много за оказываемые государству услуги.

² Заседание 21 февраля 1823 г. Прения по поводу речи нового канцлера казначейства (Робинсона), который еще до обсуждения бюджета утверждал, что превышение доходов над расходами составит 7200 тыс. ф. ст., и предлагал уменьшить или отменить некоторые налоги. Депутат Мэберли выразил намерение внести план ускорения выкупа земельных налогов (см. стр. 158).

не следовать с величайшей легкостью и уверенностью за всеми объяснениями, которые он давал, так как было вполне ясно, что все они соответствуют действительности. Но имеется одно, правда важное, разногласие между г-ном Рикардо и достопочтенным джентльменом. Последний определил превышение наших доходов над расходами в 7 млн. ф. ст., а он (Рикардо) еще в прошлом году утверждал и утверждает также теперь, что операция по коммутации пенсионных расходов была только перемещением из одной руки в другую. Сегодня вечером достопочтенный джентльмен включил в излишек в 7 млн. ф. ст. еще должествующую поступить сумму в 2 млн. ф. ст. Г-н Рикардо хотел бы знать, откуда эта сумма должна поступить; может ли сам достопочтенный джентльмен это сказать? На одну сторону баланса он вписал сумму в 2800 тыс. ф. ст., которая должна пойти на уплату пенсий и половинных жалований, а на другой стороне он указал, что должен получить 4800 тыс. ф. ст. от попечителей, кто бы они ни были, которые должны выплачивать эти пенсии и половинные жалованья; так получается остаток в 2 млн. ф. ст., которые, конечно, должны быть вновь уплачены этим попечителям или самим комиссарам. Несомненно поэтому, что из предполагаемого излишка в 7 млн. ф. ст. текущих доходов в сравнении с расходами следует вычесть эти 2 млн. ф. ст., которые должны быть взяты из фонда погашения. Если такой взгляд на рассматриваемый вопрос верен, то достопочтенный джентльмен, когда ему придется осуществлять свой план, чтобы облегчить положение страны, в действительности оставит ее с чистым фондом погашения не в 5 млн., а в 3 млн. ф. ст. Это единственное разногласие между г-ном Рикардо и достопочтенным джентльменом. Но он может согласиться с достопочтенным джентльменом во всем, что последний сказал о фонде погашения, поскольку таковой может быть использован для уменьшения нашего долга в мирное время; но лишь при предположении, что мы действительно имеем такой фонд погашения и что он может быть использован для уплаты нашего долга. Г-н Рикардо настолько убежден в необходимости, в безусловной необходимости избавиться от этого ужасающего долга, что он и раньше уже осмеливался указывать на целесообразность всеобщей контрибуции с капитала страны для этой цели. Он готов пожертвовать любой частью своей личной собственности для достижения этой великой цели, если другие сделают то же самое. Если бы это предложение было сочтено экстравагантным или же рекомендуемая им контрибуция была сочтена чрезмерной, то почему не потребовать меньшей контрибуции с этой же целью?

Что касается других частей выступления достопочтенного джентльмена, то г-н Рикардо полагает, что налоги, взимаемые

для уплаты долга, должны быть рассматриваемы в ином свете, чем налоги, которые взимаются для удовлетворения непосредственных нужд государства. Одна категория может быть рассматриваема как уплата нам самим, другая — как полная потеря для нас.

Что касается плана, предложенного уважаемым джентльменом, говорившим перед ним (г-ном Мэберли), то тут он может сделать только немногие замечания, почти что никаких. Его схема уменьшения долга при помощи выкупа поземельного налога, поскольку он ее понял, вполне осуществима. Такой выкуп производится в известных размерах и теперь, но план уважаемого джентльмена сделает, быть может, осуществление его еще легче. Однако уважаемый джентльмен зашел слишком далеко в своем плане уменьшения налогов, ибо он, по-видимому, считает, что чистый излишек, которым можно будет располагать после вычета 2200 тыс. ф. ст., предназначенных канцлером казначейства для уменьшения налогов, даст фонд погашения в 5 млн. ф. ст. Так вот г-н Рикардо утверждает, что уважаемый джентльмен зашел слишком далеко, — мы не могли бы иметь такой фонд погашения, применимый для такой цели. Он позволит себе привлечь здесь внимание палаты к памфлету, который был недавно опубликован под покровительством самих министров. (Слушайте, слушайте! с министерской скамьи)¹. Г-н Рикардо право не знает, как это могло случиться, но знает, что памфлет содержит аргументы, которые мы постоянно слышим из уст министров. В этом памфлете доказывается, что фонд погашения может быть использован для двух или трех различных целей, и в первую очередь он может быть употреблен на ликвидацию национального долга. Если это так, то он, очевидно, не может быть употреблен для какой-либо другой цели. Если человек использует излишек своих доходов для уплаты долгов, то он, конечно, не может использовать этот излишек для какой-либо другой цели. Но памфлет доказывает дальше, что фонд этот может в случае крайней необходимости пригодиться для ведения войны, если в промежуточное время будет накапливаться по сложным процентам. Это в сущности признание, что действительная цель фонда заключается в том, чтобы в случае нападения на нас какого-нибудь врага дать нам возможность воевать с ним. Но если это так, то почему министры не скажут этого прямо? Пусть они открыто заявят об этом. Но г-н Рикардо полагает, что имеется более конституционный путь: в случае, если бы мы были вынуждены отражать нападение врага, министры его величества должны были

¹ Согласно отчету «Morning Chronicle», с этой скамьи раздались крики: «Нет, нет!»

бы явиться в палату и сообщить ей о необходимости принять меры для покрытия расходов по ведению войны, а не сохранять фонд погашения в его современной форме с целью использовать его в случае такой крайней необходимости. В этой доктрине, которая превращает суммы, предназначенные для уплаты наших долгов, в средство покрывать расходы на войну, есть, по его мнению, нечто таинственное.

Бедственное состояние земледелия ¹

Г-н Рикардо говорит, что он не просил бы слова, если бы уважаемый джентльмен (Денисон) не заявил, что желает заключения какого-нибудь дружеского соглашения, благодаря которому та часть страны, которая теперь выигрывает за счет другой, несущей убытки, должна была бы нести свою часть общего бремени. К сожалению, то, что было сказано в парламенте и на других публичных собраниях, содержало весьма неопределенные указания на выгоды, полученные держателями государственных бумаг. Что касается его (Рикардо), то он не видит, какие выгоды получили держатели государственных фондов. Приведенные аргументы кажутся ему построенными по принципу, в силу которого тот, кто бранит аргументы своего противника, тем самым хвалит свои собственные. Именно на этом основаны утверждения, согласно которым держатель государственных бумаг не получил ничего, кроме прибыли; однако те, кто занимался этим вопросом, придерживаются другого мнения. Если принять в расчет только выигрыш на тех суммах, которые держатель государственных фондов давал займам после обесценения, то, несомненно, баланс был бы в его пользу; но такая точка зрения была бы очень несправедлива. Это значило бы принимать во внимание только прибыль, не учитывая совершенно потерь. Если принять во внимание и то и другое, то окажется, что держатель государственных займов получил не больше того, что следовало по справедливости. Если проценты на капитал, который он ссудил в то время, когда этот капитал не был обесценен, и которые он получал в обесцененных деньгах, сопоставить с процентами, которые он получает в полноценных деньгах на капитал, уже обесцененный при отдаче его в ссуду, то окажется, что не только потеря в одном случае компенсирует все, что он получил в другом, но что в действительности эта потеря будет равна постоянному ан-

¹ Заседание 26 февраля 1823 г. Прения по поводу петиции фригольд-деров из Серрея. Докладчик Денисон воспользовался этим случаем, чтобы снова выступить против закона 1819 г. о возобновлении платежей наличными.

анкиту в размере той ежегодной суммы, которую он теперь получает. Г-н Мушетт, служащий Монетного двора, понимающий этот предмет лучше, чем кто-либо другой, и умеющий разъяснить его другим, показал в очень интересной публикации, что это действительный факт. В речах на публичных митингах много говорили о том, что 800 млн. ф. ст. национального долга были даны займы в обесцененных деньгах и что разница в следуемых с них процентов чрезвычайно велика. Хорошо, однако, известно, что около 400 млн. ф. ст. из этого долга были взяты займы до того, как закон о приостановке банком платежей наличными вызвал какое-либо обесценение, и что еще 100 млн. были даны займы правительству до того, как произошло сколько-нибудь значительное обесценение. Таким образом, 500 млн. ф. ст. были ссужены государству в капитале, который не был обесценен. На эти суммы проценты в обесцененных деньгах платились двадцать лет, и возникшая отсюда потеря, согласно расчетам г-на Мушетта, сделанным на основе простых процентов, составила около 27 млн. ф. ст., а на основе сложных, что более соответствует справедливости, на 12 или 13 млн. больше. Отсюда следует, что вся потеря, понесенная держателями государственных фондов вследствие того, что они получали в обесцененных деньгах проценты на капитал, который ссудили до 1797 г. и непосредственно вслед за этим годом, составила около 40 млн. ф. ст.

Указав, таким образом, на все невыгоды, полученные старыми государственными кредиторами, г-н Рикардо приводит далее расчет, сделанный тем же авторитетом и относящийся к выгодам, полученным после прекращения обесценения благодаря изменению стоимости денег. Г-н Мушетт вычислил, что эти выгоды составляют 2 млн. ф. ст. в год. Считая прежнюю потерю в 40 млн. ф. ст. и превращая ее в постоянный анкитет, мы получаем 2 млн. ф. ст. в год. Таким образом, потери и выигрыш взаимно компенсируются. Поэтому, принимая во внимание соответствующие интересы держателя государственных фондов и налогоплательщика, мы увидим, что не пострадал ни тот, ни другой. Правильно ли его мнение или нет по вопросу об обесценении, каким оно было в период изменения стоимости денег, все же на основании расчетов г-на Мушетта можно установить, что для государственного кредитора прибыли за один период, хотя и более значительные, уравниваются соответствующими потерями за другой период. Он не будет защищать теперь изменения, которые произошли в денежном обращении. Никто не приложил столько стараний, сколько он сам, вне или внутри этой палаты, чтобы показать абсолютную необходимость постоянного стандарта. Его уважаемый друг выразил свое сожаление, что в 1819 г. при восстановлении стандарта не было

осуществлено то, что названо было дружеским соглашением. Но разве он (Рикардо) не предлагал этого? Один благородный лорд (Фолкстон) предложил тогда, чтобы вместо возвращения к старому стандарту изменить его до 4 ф. ст. 1 шилл. соответственно размеру расхождения между стоимостью банкнот и ценой золота в то время. Но предполагая, что это предложение было бы принято, можно ли доказывать, что потеря в 3 или 4% могла вызвать все бедствия земледелия, которые самые яростные противники изменений в денежном обращении приписывают этому закону? Их взгляды даже на размер обесценения непримиримы между собой: одни определяли его в 20%, другие настаивали, что оно равняется 100%, тогда как самые яростные противники зашли в своих утверждениях так далеко, что определяли его в 300%. Предположим, однако, что вместо возвращения к старому стандарту последний был бы увеличен на 100%; думают ли они, что в этом случае все было бы благополучно? Имели ли бы мы в результате, после удвоения всех налогов, то, что мы имеем теперь, — возросший доход и процветающую торговлю? Г-н Рикардо не имеет никакого намерения возобновлять дискуссию по поводу избитого конька, билля Пиля, но так как о его последствиях было высказано столько различных и противоречивых мнений, то он хочет сообщить, какого мнения придерживается один из директоров Английского банка о действии, оказанном биллем Пиля на деятельность банка. Г-н Тернер, состоявший в дирекции два года, решительно заявил, что, поскольку речь идет об операциях банка, билль Пиля остался мертвой буквой. Он не ускорил и не задержал платежа звонкой монетой, с одним лишь исключением: уплата банку на сумму в 10 млн. ф. ст. билетами казначейства дала банку возможность издержать эту сумму на покупку слитков. Принимая во внимание правило, которым директора банка по их собственному признанию руководствовались при регулировании выпусков банкнот, а именно предложение векселей к учету, и учитывая также низкий уровень ссудного процента, мы можем сказать, что обращение осталось бы таким же самым, и, следовательно, бедствия земледелия были бы столь же большими, даже если бы билль никогда не был принят¹.

Г-н Рикардо признает, что благородный лорд прав, указывая, что в одном случае он (Рикардо) определил обесценение в 5%, а теперь находит, что оно составляет 10%. Но он все же не ошибается. Его первое определение относилось к платежу слитками, и оно было бы совершенно правильно, если бы Английский банк действовал точно в духе проведенного бил-

¹ Лорд Фолкстон выступил с кратким возражением о размере обесценения банкнот.

ля. Но вместо этого банк собрал большое количество золота, которое он перечеканил в соверены, и затем явился в палату, чтобы добиться закона, который дал бы ему возможность избавиться от этих соверенов. Если бы мера, которую г-н Рикардо рекомендовал, была осуществлена, то обесценение составило бы только 5 %, потому что оно измерялось бы ценой золота.

Хлебные законы ¹

Г-н Рикардо говорит, что все аргументы, которые достопочтенный джентльмен² привел в пользу отсрочки пересмотра хлебных законов, в действительности только подтвердили необходимость сейчас же приступить к их пересмотру. В чем заключается опасность, которой боялся его уважаемый друг, внесший это предложение? Это опасность очень высоких цен, возвращение которых достопочтенный джентльмен рассматривает как такую конъюнктуру, при которой станет возможным пересмотр хлебных законов. Он опасался, что благодаря соблазну высоких цен капитал будет снова привлечен к обработке земли (достопочтенный джентльмен согласился, что такая опасность существует) и что затем цены снова упадут, и капитал снова потерпит убытки. Настоящее предложение должно предупредить именно это зло, а достопочтенный джентльмен хочет ждать, пока зло будет уже налицо, и только тогда он будет принимать меры против него.

Что касается предложения его уважаемого друга, то г-н Рикардо не будет возражать против него, так как он был бы рад всякому приближению к свободной хлебной торговле. Но он полагает, что его уважаемый друг остановился на полпути: он оставил неприкосновенным такое зло, как твердая цена на хлеб. Как его уважаемый друг, так и достопочтенный джентльмен изложили правильные принципы хлебных законов, а именно, что покровительственная пошлина, налагаемая на иностранный хлеб, должна равняться тем особым тяготам, которые несет производитель хлеба в нашей стране. Но если это провести в жизнь, то следует полностью отбросить и твердые цены на хлеб. И действительно, его уважаемый друг, по-видимому, несколько колеблется в вопросе о размере твер-

¹ Заседание 26 февраля 1823 г. Прения по поводу предложения Уитмора ввести билль о ежегодном снижении цены хлеба, при котором разрешается ввоз иностранного хлеба, на 2 шилл. до тех пор, пока она не снизится до 60 шилл.

² Гэскиссон, президент департамента торговли, выступил против Уитмора и посоветовал ему взять обратно свое предложение, как несвоевременное.

дых цен. Он устанавливает его в 60 шилл., но все же заявляет, что если бы иностранный хлеб мог быть ввезен при цене в 55 шилл., он снизил бы цену до такого размера. Г-н Рикардо думает, что его уважаемый друг сделал большую ошибку, принимая вообще какую-либо твердую цену. На ввозимый хлеб нужно наложить пошлину, равную особым тяготам, которые несет производитель хлеба, и по его (Рикардо) мнению, следует допустить возвратную пошлину или премию на вывозимый хлеб почти того же размера. Тогда, и только тогда хлеб в нашей стране будет держаться в цене почти равной той цене, по которой он продается в других странах. Если урожай будет богатый, хлеб найдет себе выход благодаря вывозным премиям, и, с другой стороны, при недостаточном предложении хлеб ввозился бы при наличии пошлины лишь в тех размерах, в которых в нем нуждаются, а не в тех огромных количествах, в которых он наводняет страну, когда цена поднимается до определенной высоты при существующем законе.

Достопочтенный джентльмен возражал против внесенного предложения, поскольку оно будет вызывать волнения вне стен палаты. Но предложение его уважаемого друга не затрагивает существующего закона, пока цена хлеба не достигнет 80 шилл. И в этом пункте г-н Рикардо тоже расходится со своим уважаемым другом, потому что и до того еще, как хлеб достигнет такой высокой цены, мог бы быть дан толчок к увеличению обрабатываемой площади, которому он хочет помешать. Г-н Рикардо рекомендовал бы, чтобы закон, который видоизменил бы хлебные законы, начал действовать задолго до того, как цена хлеба достигнет 80 шилл. Из внимания к тем предрассудкам, которые он считает слишком щекотливыми, он рекомендовал бы тогда систему пошлин и премий на первых порах более высокую, чем размер особых тягот, несомых сельскими хозяйствами, и постепенно уменьшающихся до равенства с вычисленной суммой этих тягот. Он не может согласиться ни с его уважаемым другом — представителем от Камберленда (Карвенем), ни с уважаемым представителем от Уилтшира (Бенеттом), которые занялись какими-то странными вычислениями, чтобы показать, что сельский хозяин платит налоги в размере 67%. На чем, однако, основывает уважаемый член палаты этот процентный расчет? Не на расходах по производству хлеба, а на ренте. А это весьма ненадежный способ вычисления. В показаниях, данных перед комитетом о земледелии, они могли найти, что в Англии имеется земля, которая приносит не больше 2 шилл. ренты с акра. Нет, однако, сомнения в том, что, как бы ни была трудна обработка этой земли, имеются налоги на производителя, которые не затрагивают землевладельца, и налоги на землевладельца, которые не затрагивают производителя. Если налог

устанавливается непосредственно на производство хлеба, то производитель вознаградит себя не при помощи вычета из ренты землевладельца, а при помощи накидки на потребителя. Что касается общих налогов, то они одинаково давят на все классы — на рабочего, который работает за станком, так же, как и на рабочего, который работает за плугом. Г-н Рикардо надеется, что его уважаемый друг не возьмет обратно своего предложения. Постановка этого вопроса перед палатой принесла бы величайшую пользу. В речи его уважаемого друга приводились многочисленные превосходные принципы, которые не преминули бы произвести впечатление на джентльменов в этой палате и рассеяли бы заблуждения, господствующие за ее стенами. Он просит поэтому своего уважаемого друга выявить настроение палаты в связи с этим крайне важным вопросом. Цель приближения к свободе торговли, которую он рекомендует, заключается в том, чтобы сделать цены постоянными и низкими. Он не предлагает сделать их столь низкими, чтобы они не вознаграждали издержек производителя, ибо если бы фабрикант покупал хлеб по более дешевой цене, чем та, которая вознаграждает фермера, то общим интересам страны был бы нанесен величайший ущерб.

Предложения Мэберли об уменьшении налогов ¹

Г-н Рикардо полагает, что план, предложенный уважаемым джентльменом, никоим образом нельзя рассматривать как желательную замену фонда погашения. В то же время он имеет, возможно, преимущества, которые могут побудить палату принять его. Г-н Рикардо не может согласиться с теми приемами, какими его уважаемый друг хотел бы осуществить этот план, так как думает, что таким путем он не достигнет цели, которую считает столь желательной. Действительно, весьма желательно, чтобы мы уменьшили сумму нашего долга; чтобы произвести это уменьшение, предлагаемый план может быть, по его мнению, пригодным, но в этом случае он должен быть принят в такой форме, которая отличается от изложенной уважаемым джентльменом. Целью плана является выкуп известной суммы поземельного налога при помощи известной суммы государственных бумаг. В случае же, если собственник земли не пожелает сделать это, он предлагает, чтобы другие лица выкупили

¹ Заседание 28 февраля 1823 г. Прения по поводу предложения Джона Мэберли уменьшить поземельный налог, увеличить на этой основе фонд погашения и тем самым уменьшить налоги на 7 млн. ф. ст. Канцлер казначейства возражал против этого предложения.

этот налог. Если весь план сводится к этому, т. е. если он просто уничтожает известное количество государственных бумаг и не предоставляет покупателю никакого другого права, кроме того, которое принадлежит владельцу ипотеки на землю, — если он, наоборот, позволяет сторонам предъявлять требование к землевладельцу без вмешательства правительства или его должностных лиц, то он, г-н Рикардо, сказал бы, что план, несомненно, рассчитан на достижение великой цели уменьшения долга. Но если для осуществления плана понадобится особый генеральный сборщик, который будет получать деньги у собственника и вносить их в банк, если будет организована такая система управления и сбора денег, то это привело бы только к замене одного долга другим; и хотя таким образом могли бы быть уничтожены государственные бумаги на сумму в 42 млн. ф. ст. и выше, он все же считает, что вместо них создается лишь новый вид государственных бумаг, обращающихся таким же способом. Канцлер казначейства сделал возражение, которое, однако, не имеет той силы, какую он ему приписывает. Он сказал: «Не будет ли большой тягостью для земельного собственника, если постороннему человеку будет дано право требовать с него этот налог?» А в чем же заключается эта тягость? Ведь ясно, что земельный собственник должен платить во всяком случае; а разве сборщик налогов является таким уж милосердным джентльменом, что палате остается лишь предположить, будто он выполняет свои официальные функции с большей деликатностью и человечностью, чем проявит их собственник земельного налога? Г-н Рикардо очень сожалеет, что земельный налог не принадлежит к категории тех, которые можно передавать другим. Ведь если бы налоги, пригодные для использования их в целях уменьшения национального долга, можно было передавать таким образом, то вполне ясно, что это помогло бы ускорить достижение столь желанной цели. Постольку он согласен со своим уважаемым другом, но не больше. Он никоим образом не может согласиться с ним в следующем утверждении: если земельный собственник желает откупить земельный налог, то он должен иметь на то право; если же он отклоняет это право, то откупить может посторонний человек, а в случае если нет желающих, то откуп земельного налога может быть продан с публичного аукциона. Он право же не видит, каким образом такая цель может быть достигнута при помощи публичного аукциона. Во всяком случае, то, что получится в результате осуществления такого плана, отнюдь не может быть названо фондом погашения. Этот результат никак не связан с таким фондом. Но достопочтенный джентльмен¹ мог бы сказать,

¹ Канцлер казначейства.

если бы ему было угодно: «Ваш план — очень хороший план, и я принимаю его в добавление к моему фонду погашения». Если план действительно хорош, каким в общем и целом г-н Рикардо его, несомненно, считает, то, по его мнению, весьма желательно использовать его как таковой, но не для замены фонда погашения. По отношению к фонду погашения он уже очень часто заявлял, что готов голосовать за уменьшение налогов на всю сумму фонда погашения, но он не может согласиться голосовать за большее уменьшение, чем то, которое равнялось бы абсолютной величине фонда погашения. В настоящее время все признают, что фонд погашения можно определить как излишек нашего дохода над расходом. Этот излишек, который достопочтенный джентльмен оценил в 7 млн. ф. ст., г-н Рикардо, да, по его мнению, и вся страна вообще, считает в действительности равным не больше чем 5 млн. ф. ст. Каким образом достопочтенный джентльмен получил сумму в 2 млн. ф. ст., которую он превратил в часть излишка? Можно ли было получить ее иным способом, кроме позаймствования ее из самого фонда погашения или с помощью займа на рынке? Если она была получена путем займа, то она только увеличивает на такую же сумму наш долг. Если она была взята из фонда погашения, то это было уменьшением на такую же сумму предполагаемого излишка. Поэтому г-н Рикардо не может голосовать за уменьшение налогов на сумму в 7 млн. ф. ст. Он вполне убежден в том, что при соблюдении в каждом разделе нашего расходного бюджета должной экономии и бережливости, было бы вполне возможно сэкономить даже 7 млн. ф. ст. и таким образом прибавить 2 млн. ф. ст. к сумме, названной канцлером казначейства. Но он серьезно опасается, что в действительности этого не получится; он должен видеть другой отчет, внесенный правительством, прежде чем он сможет согласиться на скидку добавочных 2 млн. ф. ст. Можно сильно опасаться, что под впечатлением ложного представления, которое министры, по-видимому, составили себе об излишке в 7 млн. ф. ст., они не проявят хотя бы чуточку больше бережливости, чем обычно, если даже палата и проголосует за скидку еще 2 млн. ф. ст. Они тогда сказали бы: «Вы только отнимаете наш излишек, а потому нет необходимости в дальнейшей экономии». Он надеется, что палата простит его, если он будет утомителен, но он желает еще раз объяснить, что он считает действительным фондом погашения. Многие джентльмены, занимающие место рядом с ним, думают, что действительный фонд погашения не может существовать в то самое время, когда мы увеличиваем наш долг. В этом пункте он с ними не согласен. Он полагает, например, что, когда г-н Питт впервые учредил фонд погашения, то, хотя в продолжение значительной части его последующей жизни страна была втяну-

та в войны с другими странами, и колоссальные расходы на их ведение увеличили наш долг в значительно большей степени, чем фонд погашения мог дать на их уплату, мы все же имели тогда настоящий фонд погашения. По каждому займу, который заключался для покрытия этих огромных расходов, г-н Питт принимал меры, обеспечивавшие уплату процентов, и резервировал фонд в 1% для погашения его. Несомненно, последовавшая затем затянувшаяся война придала необычайный вес этому долгу, но каково было бы положение страны, если бы она заключила мир раньше? Все займы, которые были заключены во время войны, имели бы каждый свой фонд погашения, а действительный фонд погашения сохранился бы. Если бы такая система проводилась в течение всего хода войны, он (Рикардо) был бы последним, кто поднял бы свой голос против фонда погашения. Но что говорят факты? В 1813 г. тогдашний канцлер казначейства¹ взял в течение года 8 млн. ф. ст. из фонда погашения и в то же время говорил в палате, что мы выплачиваем свой долг и что наши финансы находятся в самом блестящем состоянии, а через короткое время после заключения мира он сказал палате, что мы будем обладать более значительной казной, чем та, какой может похвастать любая страна. И все эти блестящие обещания бывший канцлер казначейства сделал как раз в тот момент, когда изымал из фонда погашения 8 млн. ф. ст. Но, к несчастью, это не была его единственная атака на этот фонд. Наоборот, это была лишь мелкая атака по сравнению с его нападениями на фонд погашения в последовавшее за этим время. Вместо того чтобы позаботиться о средствах для уплаты ежегодных процентов по займам, бывший канцлер казначейства допустил, чтобы на них накапливались сложные проценты. Хотя в руках комиссаров, которые весьма добросовестно и хорошо выполняли свои обязанности, находился фонд в 15 млн. ф. ст., он говорил: «Благодаря моим расходам я оставил вас в положении, при котором вы имеете дефицит в ваших финансах на сумму в 15 млн. ф. ст.» Где же в таком случае был фонд погашения? Осмелился ли бы канцлер казначейства приходить в эту палату и спокойно говорить из года в год о дефиците на сумму от 12 млн. до 15 млн. ф. ст., если бы он не знал все это время, что в резерве имеется фонд в 15 млн. ф. ст., и не рассчитывал, что парламент всегда разрешит ему употребить этот фонд для других целей, помимо тех, для которых он был первоначально предназначен? Поэтому г-н Рикардо утверждает, что судьба нынешнего фонда погашения будет такой же, как и его предшественников. Если он сохранился, то в течение немногих лет дело пойдет еще довольно

¹ Ванситтарт.

хорошо, но если достопочтенный джентльмен останется у власти, то он или если не он, то какой-нибудь другой канцлер казначейства, сначала придет в палату и расскажет ей, в каком цветущем состоянии находится этот фонд погашения, а затем в один прекрасный день сообщит парламенту, что выявился дефицит того или другого рода, или что возникла крайняя нужда, которая сделала необходимым использование всего фонда целиком. Речи министров его величества подтверждают в большей мере эти предположения. Если бы, однако, они рассмотрели вопрос надлежащим образом, они должны были бы смотреть на этот фонд, как на имеющий уже определенное назначение. Это — фонд для уплаты долга, и уж, конечно, он никогда не должен рассматриваться как пригодный для покрытия расходов на войну, ибо если он служит для уплаты долгов, его нельзя употреблять ни на какие другие цели. Пусть палата представит себе случай с частным лицом. Предположим, что человек имеет ежегодный доход в 1 тыс. ф. ст. и что он считает необходимым сделать заем в 10 тыс. ф. ст., за которые он согласился платить своему кредитору 500 ф. ст. в год. Предположим еще, что его управляющий говорит ему: «Если вы будете жить на 400 ф. ст. в год и отдавать еще 100 ф. ст. из вашего дохода в 500 ф. ст., то это даст вам возможность в течение известного числа лет совершенно избавиться от вашего долга». Наш джентльмен послушался этого доброго совета, жил на 400 ф. ст. в год и ежегодно отдавал своему управляющему 600 ф. ст., чтобы платить кредитору. Допустим, что управляющий уплатил в первый год кредитору 100 ф. ст. Тогда долг понизится до 9900 ф. ст. и поэтому доход, следуемый кредитору, составил бы только 495 ф. ст. Но так как наш джентльмен продолжает платить своему управляющему 600 ф. ст. в год, то управляющий в следующем году уплатил 105 ф. ст. Таким образом, долг из года в год уменьшался, причем управляющий все время получал 600 ф. ст. В конце ряда лет результат был следующий: из ежегодного резерва в 600 ф. ст. была уплачена половина долга, только 250 ф. ст. шли кредитору, 350 ф. ст. оставались в руках управляющего, а его хозяин продолжал жить на 400 ф. ст. в год. В это время управляющий получил предложение, которое показалось ему выгодным для его хозяина или для него самого. Он занял 7 тыс. ф. ст. и посвятил все 350 ф. ст., имевшиеся у него в руках, на уплату процента за эту сумму. Что случилось тогда с фондом погашения нашего джентльмена? Первоначально он был должен только 10 тыс. ф. ст., а теперь он, оказывается, должен в общем 12 тыс. ф. ст.; таким образом, вместо того чтобы иметь фонд погашения, как он надеялся, он оказался еще в большем долгу. Г-н Рикардо полагает, что вся тайна нашего фонда погашения на деле именно такова. Он ду-

мает по совести, что сумма национального долга не была бы так велика, как в настоящее время, если бы о фонде погашения честно заботились. Он думает, что такой катастрофический результат не имел бы места, если бы г-н Питт продолжал оставаться министром. Конечно, нет: он принял бы меры — как сделал бы всякий другой честный или деловой министр, — чтобы обспечить платежи по заключенным займам. Даже в военное время мы имели бы фонд погашения. Но так как г-н Рикардо потерял надежду на возможность соблюдения такой системы каким-либо министром в этой палате, так как он совершенно отчаялся увидеть когда-либо фонд погашения, строго сохраняемый в неприкосновенности, то он от души поддержит предложение своего уважаемого друга, если последний согласится на скидку с налогов в 5 млн. ф. ст. вместо предложенной скидки в 7 млн. ф. ст. Последняя сумма кажется г-ву Рикардо слишком преувеличенной, и он поэтому не может голосовать за нее. Что касается памятного плана прошедшего года¹, то он надеется, что distinguished gentleman не принадлежит к числу тех, кто станет поддерживать такую необъяснимую тайну. Он надеется, что distinguished gentleman отвергнет обвинение в том, что способствовал такому обману. Если distinguished gentleman действительно желает отменить налоги на сумму в 2 млн. ф. ст., то пусть скажет палате, что министры его величества, желая сделать это, предлагают взять соответствующую сумму из фонда погашения. Всякие окольные заявления и механика парламентских актов, к которым прибегали на прежних сессиях, не подобают положению distinguished gentleman и недостойны правительства великой и могущественной нации.

Уменьшение национального долга ²

Г-н Рикардо говорит, что американское правительство действительно заняло 4 млн. долл. и что, получив капитал из других стран, оно действительно улучшило свои ресурсы. Верно также, что наличие фонда погашения приводит в настоящее время к повышению цен вопреки нашим собственным интересам. Но это верно относительно всякого фонда погашения. Вопрос заключается в следующем: уменьшил ли фонд погашения наши ежегодные обязательства? Это было бы так, если бы фонд исполь-

¹ План Ванситтарта о создании фонда для выплаты военных пенсий.

² Заседание 6 марта 1823 г. Прения по докладу комитета о билле, целью которого было уменьшение национального долга. За 3 дня до того канцлер казначейства внес на обсуждение ряд резолюций, рекомендуя отмену прежних законов о фонде погашения и учреждение нового фонда в 5 млн. ф. ст.

звался правильно. Действительный фонд погашения, надлежащим образом применяемый, представляет большое благо, но против фиктивного фонда погашения у г-на Рикардо имеется много возражений. Между тем и другим имеется большое различие. Действительный фонд погашения, используемый для уплаты долга, повысил бы цены государственных бумаг и дал бы нам возможность заключать займы на лучших условиях. Многие члены палаты общин не надеялись, что такой реальный фонд погашения будет сохранен. Они поэтому возражали против ассигнования сумм для дела, благотворных последствий которого они, вероятно, никогда не увидели бы. Его уважаемый друг, представитель от Таунтона (Бэринг), заметил шутливо, что так как он (Рикардо) считает, что министры ограбят фонд погашения, то охотно присвоил бы его сам. Г-н Рикардо думает, что когда его кошелек в опасности, было бы весьма целесообразно самому тратить свои деньги, чем допустить, чтобы их у него отняли. Он признается, что, по его мнению, национальный кошелек в руках министров не находится в безопасности. Взвзрять им фонд значило бы создать для них слишком большой соблазн. Он (Рикардо) хочет, чтобы мы имели реальный фонд погашения, и поэтому поддерживал существующий, поскольку этот фонд был реален. Но имеются веские основания думать, что он станет фиктивным, ибо все фонды погашения были первоначально реальными, а затем превращались в фиктивные. Что касается прошлогоднего билля об аннуитетах¹, то он надеется, что таковой будет отменен, и вся сумма будет обращена в фонд погашения. Было вычислено, что известное число этих аннуитетов будет отмирать ежегодно, и что это составит сумму в 2 млн. ф. ст. Пусть эта сумма будет использована для фонда погашения. Уважаемый представитель от Таунтона на одном из прежних заседаний говорил о г-не Рикардо весьма сурово: он, правда, отдавал должное его способностям к расчетам, но отрицал, что г-н Рикардо достаточно разбирается в их политических и моральных последствиях. Последний, однако, претендует на более широкие взгляды в сравнении со взглядами distinguished gentleman. Он испытывает чувство глубокого беспокойства при виде огромных размеров долга и отсутствия надлежащих средств для облегчения этого бремени. Его уважаемый друг со своими широкими взглядами желал иметь фонд погашения не для того, чтобы выплачивать долг, а для того, чтобы доставить министрам средства вести войну в случае необходимости. Но если фонд будет предназначен для этого, то каким образом будет выплачен долг? Он сказал бы своему уважаемому другу, что не принять никаких мер для

¹ Т. е. о морских и военных пенсиях.

уплаты национального долга это все равно, что спать на вулкане. Он считает национальный долг в 800 млн. ф. ст. очень серьезным злом; он думает об этом, когда наблюдает недовольство, которое вызывается налогами, взимаемыми для платежей по этому долгу, налогами, которые в одном году задевали одни интересы, а в следующем — другие. Налоги оказывают давление на интересы всех людей. И разве он имел в виду не благо человечества, когда говорил, что нужно употребить все старания, чтобы избавиться от долга? Поступив таким образом, не избавились ли бы мы от расходов на собирание налогов? Не избавились ли бы мы от безнравственности контрабанды и от акцизных законов? Разве мы не принесли бы пользу торговле, ликвидировав контрабанду? Ведь прибыль контрабандиста представляет собою налог на все общество. Немалым выигрышем был бы с конституционной точки зрения и тот факт, что мы в значительной мере лишили бы министров возможности оказывать протекцию. Все это принесло бы большие выгоды и нашей торговле, вернув ее в естественное состояние. В настоящее время она попадает в крайне неестественное положение, благодаря пошлинам, таможенным ограничениям и акцизам. Для кого мы издаем законы: для людей или для бревен и камней? Он уже говорил прежде, что, по его мнению, необходимо сделать большое усилие, чтобы избавиться от национального долга. Он напоминает о плане, который, по его мнению, должен быть принят¹. Уважаемый и ученый представитель от Винчелси (Броэм) высказался против этого плана. Он сказал, что это значило бы отдать всю землю страны в руки кляузников стряпчих. Но такая опасность нам отнюдь не угрожает. Парламент может вмешаться и дать прочные законные титулы земле, о которой шла речь, без всякого вмешательства кляузников стряпчих. Пусть не говорят, что он не понимает трудного положения, в котором находится страна. Только сознание последнего пробудило его рекомендовать эту меру. Он с совершенной легкостью рекомендовал бы и такую меру, как фонд погашения, если бы мы имели другой парламент — такой парламент, который работал бы в соответствии с желаниями народа. Он признается, что нынешний парламент, столь расположенный всегда уступать министрам, внушает ему опасение. Его уважаемый друг спрашивал при обсуждении способа использования фонда погашения, что следовало бы делать, если бы вспыхнула новая война? Если речь идет действительно об этом, то не называйте этот фонд фондом погашения. Можете назвать его фондом для министров на особенные нужды, но не фондом погашения. Предположим, что новая война вспыхнула.

¹ См. выше, стр. 49.

когда никто не слышал даже о такой вещи, как фонд погашения, будет ли его уважаемый друг готов голосовать за фонд, который был бы перспективно в распоряжении министров на случай такого события? Пусть он скажет да, и они тогда придут к соглашению.

Билль об учениках на торговых судах ¹

Г-н Рикардо желал бы знать, относятся ли матросы к этой мере дружелюбно. Он не сомневается, что предприниматели приветствуют ее, так как, увеличивая число учеников, они могли бы уменьшить ставки заработной платы. Он думает, что флот не получит от этой меры той пользы, которая, по-видимому, предполагается. Наши матросы будут искать занятий в торговом судоходстве других стран, если ставки заработной платы будут чрезмерно снижены в их собственном. Если это будет так, то где джентльмены найдут возможность готовить матросов для флота, о котором они так много говорят в настоящее время?

Билль об уменьшении национального долга ²

Г-н Рикардо говорит, что он испытывает большое удовольствие, слушая те допущения, которые были сделаны, наконец, по вопросу о действительной сумме фонда погашения, находящегося в казначейство. Однако это удовлетворение до некоторой степени ослабевает, когда слышишь, как палате предлагают теперь увеличить эту действительную сумму с 3 млн. ф. ст. до 5 млн. ф. ст. Несколько вечеров назад канцлер казначейства сказал, что он . . . думает, чтобы в его плане был какой-нибудь фокус. После этой декларации палата едва ли могла ждать приглашения проголосовать, что в настоящее время имеется излишек в 5 млн. ф. ст. Акт парламента не может создать излишек там, где его нет. Весьма серьезным было возражение, сделанное против плана уважаемого баронета (Парнелла) и указывавшее, что на него не согласятся держатели 3-процентных фондов. План уважаемого баронета не предполагал подоб-

¹ Заседание 13 марта 1823 г. Билль предусматривал регулирование числа учеников, которых должны были брать на борт торговые суда, и меры против дезертирства матросов.

² Заседание 14 марта 1823 г. Третье чтение билля. Беннет вносит предложение отсрочить голосование билля на 6 месяцев. Баринг говорит, что если предложение Беннета будет отвергнуто, то он внесет предложение об ограничении фонда погашения 3 млн. ф. ст.

ного согласия. Автор его предложил только сделать эксперимент и установить, согласится на этот план публика или нет. Он предложил конвертировать определенную сумму, скажем 50 млн. ф. ст., из 3-процентного займа в 4-процентный. Почему министры не хотят провести этот эксперимент? Этим путем можно было бы узнать общественное мнение. Министры не хотят слышать никаких доводов, чтобы оценить вероятный результат этого плана. Имеются также долгосрочные аннуитеты, срок которых истекает через 37 лет. Если оценить их из 4% в течение 19 лет, они стоили бы 75 или 76 ф. ст. за 100. Если бы поэтому министры могли продать на рынке 4-процентные аннуитеты на 37 лет по 76, то они могли бы купить трехпроцентные аннуитеты, стоящие 100 ф. ст., меньше чем за 76 ф. ст.

Здесь было сказано, что с 1816 г. мы уменьшили долг на 24 млн. ф. ст. Руководствуясь тем, как это сообщение было преподнесено, кто-нибудь может возразить, что это уменьшение является результатом наличия фонда погашения. Ничего подобного. Мы уменьшили таким образом капитальную сумму долга, но не расходы по нему, разве что на очень ничтожную величину. Г-н Рикардо предпочел бы не иметь никакого фонда погашения, чем иметь такой, основанный на предложенном плане; он убежден, что если бы не было фонда погашения, то государственный кредит не пострадал бы. Он поэтому будет поддерживать поправку, а если она будет отвергнута, то поддержит предложение своего уважаемого друга (Бэринга).

Билль об учениках на торговых судах ¹

Г-н Рикардо возражает против самого принципа этого билля. Никого нельзя контролировать в его частных делах, если только такой контроль не становится необходимым в силу высших политических соображений. Таков, по мнению г-на Рикардо, принцип. Но таких условий налицо нет. Он полагает, что издать закон, в силу которого всякий хирург должен был бы во имя прогресса хирургии брать определенное количество учеников, было бы не более несправедливо, чем принять этот билль, обязывающий хозяев торговых судов принимать определенное число учеников, чтобы таким образом способствовать увеличению числа обученных матросов. Он отрицает, что этот билль увеличит хотя бы на одного человека число матросов, состоящих в настоящее время на службе. Пока для них имеется работа, это будет для них достаточным поощрением,

¹ Заседание 24 марта 1823 г. Второе чтение билля. Поправка Рикардо была отвергнута подавляющим большинством.

если же нет, то находящиеся теперь здесь будут искать работу в других странах. Билль будет иметь только одно последствие: он приведет к уменьшению заработной платы моряков, и именно это делает его неприемлемым. Он предлагает, поэтому, исключить из этого билля параграф, относящийся к принудительному приему определенного числа учеников.

Петиция Мэри Энн Карлайл об освобождении из тюрьмы ¹

Г-н Рикардо надеется, что палата извинит его, если он решится сказать несколько слов об этой петиции. Уважаемый и ученый джентльмен, который только что закончил свою речь², по-видимому, полагает, что Мэри Энн Карлайл имела бы право на некоторое снисхождение, если бы выразила раскаяние в прежних поступках или заявила, что изменила свои религиозные взгляды. Согласно обычной судебной практике, приходится считать, что петиционерка выражала собственные взгляды в пасквиле, в распространении которого она была признана виновной³. Поэтому генеральный прокурор полагает, что, прежде, чем она получит право на какое-либо снисхождение, она должна признать правильным то, что считала вполне сознательно неправильным, или, другими словами, что она должна совершить акт самого бесстыдного двуличия, чтобы стать достойной королевской милости. Раз уж ему приходится касаться этого предмета, то пусть позволено ему будет указать на ошибочность этого правила, которое господствует в судебных учреждениях. Прежде чем допросить свидетеля, его спрашивают, верит ли он в загробную жизнь; если он отвечает, что нет, он не может дать присяги. Предположим, что этот человек не верит в загробную жизнь и что, он, ответив, что не верит, показал этим, что он честный человек; в этом случае он отстраняется как некомпетентный свидетель, тогда как если бы он скрыл свои убеждения и не поступил бы как честный человек, он был бы признан свидетелем, достойным доверия. Г-н Рикардо утверждает, что уважаемый представитель от Девоншира (Ок-

¹ Заседание 26 марта 1823 г. Петиция была представлена Джозефом Юмом. Мэри Энн Карлайл была осуждена на тюремное заключение сроком на 1 год и 500 ф. ст. штрафа за распространение изданий своего брата Ричарда Карлайла, издателя «Республиканца» и антирелигиозных сочинений. При невнесении штрафа в течение года заключение должно было продолжаться до его внесения. По прошествии года средств на внесение штрафа не было и Мэри Карлайл подала петицию об освобождении.

² Генеральный прокурор, говоривший от имени правительства.

³ Мэри Карлайл обвинялась в распространении «Добавления к теологическим сочинениям Томаса Пэна». Привлекало ее к ответственности «Общество для уничтожения порока».

ленд) отнюдь не дал ответа на аргументы его уважаемого друга. Его уважаемый друг (Юм) доказывал, что эти преследования усугубляют то самое зло, которое они призваны уничтожить. Уважаемый баронет (Окленд) утверждал, что дело обстоит не так; но как он доказывал это? Он прочитал документ, доказывающий, что продажа продолжалась, несмотря на преследования, и, таким образом, подтвердил тот самый аргумент, который хотел опровергнуть. Помимэтого, г-н Рикардо думает, что уважаемый баронет (Окленд), огласив здесь взгляды, которые он так громогласно порицает, выбрал не совсем благо-разумный способ, чтобы скрыть их от публики. Г-н Рикардо вполне согласен со своим уважаемым другом (Юмом) в том, что преследования, возбужденные обществом для уничтожения порока, причинили большое зло¹. Богохульство представляет преступление, которое совершенно не поддается определению. Никто из совершающих его не знает против чего он совершает преступление. По одному обстоит дело в нашей стране и по-другому во Франции. В самом деле: то, что является богохульством у нас, не представляет богохульства там, и наоборот. И действительно, при таком толковании закона, уже одно обсуждение истин христианства является преступлением; поэтому как только доказано, что данный человек продавал сочинение, содержащее рассуждение о христианстве, последний уже является осужденным. Если он скажет, что верит в то, что писал или продавал, и попытается изложить основания, на которых покоится его вера, ему сейчас же скажут, что он отягчает свое первоначальное преступление, повторяя его. Лишенный возможности защищаться, связанный по рукам и ногам, он делается жертвой мести преследователя. Генеральный прокурор считает большой ошибкой со стороны уважаемого друга г-на Рикардо (Юма) утверждение, что присяжные никогда не вынесли бы обвинительного вердикта против Мэри Энн Карлайл, если бы могли предвидеть, какое наказание ожидает ее, и доказывал, что доктрина, которую насаждает такой приговор, весьма опасна для интересов общественной нравственности и правосудия. Он (Рикардо) вполне согласен со всем, что сказал его уважаемый друг по этому вопросу. Аргумент его уважаемого друга отнюдь не нов и не является бессмысленным; он, наоборот, всегда влиял на поведение присяжных. Они всегда принимали во внимание последствия, которые могли вытекать из их приговоров. Если это не так, то почему они так часто решают, что данные лица украли собственность стоимостью меньше чем в 40 шилл., когда все убеждены,

¹ Окленд был представителем общества, которое возбудило судебное преследование против Мэри Энн Карлайл.

что украденная собственность стоила гораздо больше? Разве не потому, что если бы они не вынесли такого вердикта, то наказание, которому был бы подвергнут обвиняемый, было бы несовместимо с духом времени? Будет ли также кто-нибудь отрицать, что в делах о подделке денежных документов наказание, которое следовало за осуждением, часто не соответствовало ожиданиям присяжных? (Слушайте, слушайте!) Г-н Рикардо не будет поэтому больше останавливаться на замечаниях генерального прокурора. Он должен теперь сказать палате, что после продолжительного и внимательного рассмотрения вопроса он пришел к убеждению, что преследования за религиозные мнения никогда не должны больше возбуждаться. Всякие религиозные мнения, как бы они ни были абсурдны и экстравагантны, могут вполне добросовестно разделяться некоторыми лицами. Почему в таком случае может один человек выставить свои взгляды по этому вопросу как критерий, с которым никто не имеет права безнаказанно не соглашаться? Почему этот человек должен считаться безгрешным, а все его ближние — слабыми и заблуждающимися созданиями? Такая доктрина не может быть терпима: она слишком пахнет инквизицией, чтобы считаться нормальной в такой свободной стране, как Англия. Следует допустить добросовестную и свободную дискуссию по всем религиозным вопросам. Если аргументы, выдвигаемые по ним, неправильны и богохульны, то они могут быть опровергнуты здравыми аргументами и правильным рассуждением без применения силы и наказания. Г-н Рикардо убежден, что если бы не в меру усердное поведение известных обществ в деле преследования Карлайла и его родственников, эта семья никогда не приобрела бы той известности, которой она пользуется в настоящее время.

Реформа парламента ¹

Г-н Рикардо замечает, что аргументы только что выступавшего джентльмена² слишком часто повторялись и столь же часто опровергались, чтобы стоило на них останавливаться теперь. Он не допускает, чтобы из опыта прошлых веков можно было извлекать заключения против дела реформы; он отрицает, что современное поколение должно быть связано всем, что сделано было нашими предками. По его мнению, современное

¹ Заседание 24 апреля 1823 г. Прения по поводу предложения лорда Джона Рассела поставить в порядок дня вопрос о пересмотре системы представительства.

² Э. Гайд Ист — решительный противник какой бы то ни было реформы парламентского представительства.

поколение обладает не только такой же мудростью, как и люди предшествовавших ему поколений, но и несравненно большей. Простой вопрос, который мы должны решить, заключается в следующем: не должны ли мы подвергнуть палату чистке, раз хорошо известно, что она не может рассматриваться как представительница народа в настоящем смысле этого слова? Он вполне согласен со всем, что сказал его благородный друг, внесший это предложение, о составе парламента и о положении дел в нем. Он согласен со всеми его замечаниями, но не думает, что предлагаемое им средство наиболее пригодно для целей, которых они оба хотят достигнуть.

Вопрос о реформе, естественно, делится на три части: во-первых, расширение избирательного права; во-вторых, способ выборов и, в-третьих, срок полномочий парламента. Что касается расширения избирательного права, то хотя он считает этот пункт важным и убежден, что избирательное право должно быть расширено далеко за существующие ныне пределы, он все же считает, что другие два пункта представляют более глубокий интерес. При известной организации выборов в парламенте может быть представлен весь народ, и, несмотря на это, палата общин может быть составлена из лиц, избрание которых состоялось при помощи сомнительных средств. Именно по этой причине он вынужден возражать против предложения своего благородного друга переместить часть представителей из тесных городских избирательных округов в широкие округа графств. Он полагает, что вся система выборов, господствующая до настоящего времени, незаконна. Для чего нужно давать народу право избирать своих представителей, если ему не обеспечено также свободное пользование этим правом? Он утверждает, что пока аристократия будет, как в настоящее время, иметь все средства оказывать влияние на голосование народа, эта палата не будет подлинной представительницей народа. Пусть не предполагают, что он желает лишить аристократию того справедливого влияния, которое она извлекает из своего богатства и респектабельности, но он считает, что это влияние становится в высшей степени вредным, когда оно используется с целью повлиять на исход выборов. Каждый из нас имеет многочисленные и яркие доказательства того, какое зло проистекает из этого на практике. Как можно ожидать, что человек, средства существования которого зависят главным образом от патронажа и поддержки тех, кто занимает более высокое положение, — как можно ожидать, например, что низший класс торговцев и ремесленников сможет противостоять угрозам и террору, которые могут быть пущены в ход, чтобы помешать им голосовать согласно своей совести? Надеяться на это значило бы требовать от мелких фригольдеров такой

степени суровой добродетели, какая не имеет соответствующего примера в высших кругах общества. Есть только одно средство избежать всех этих трудностей. Оно состоит в изменении способа выборов и введении тайного голосования вместо открытого. Если это будет сделано, то мы будем иметь палату общин, которая будет подлинно представлять народ.

Другой пункт, на который г-н Рикардо хотел бы обратить внимание палаты,— это необходимость более частых выборов. Он считает это бесспорным, потому что таково верное средство обеспечить постоянное внимание палаты к интересам народа.

Имеется еще один пункт, в котором он расходится с мнением своего благородного друга. Последний доказывал, что в случае парламентской реформы, парламент должен принять во внимание так называемые традиционные права отдельных лиц быть избранными в гнилых местечках. Это действительно показалось г-ну Рикардо в высшей степени странным предложением. Можно ли рассматривать претензии на такого рода права с точки зрения собственности? Может ли что-нибудь более противоречить справедливости, чем предложение компенсации за присвоенную собственность такого рода? Разве народ не имеет права быть хорошо управляемым? Можно ли утверждать, что раз известная группа лиц пользовалась ради безнравственных целей в течение многих лет привилегией, мешавшей народу быть хорошо управляемым, она должна быть вознаграждена за потерю этой ничем не оправдываемой привилегии?

Достопочтенный секретарь¹ (Каннинг) сказал как то раз, что если бы палата общин представляла подлинно весь народ, она стала бы слишком могущественной для безопасности короны и палаты лордов. Г-н Рикардо утверждает, что этот аргумент не имеет отношения к вопросу, ибо невозможно, чтобы палата общин, правильно конституированная, не считалась бы со своими собственными интересами. Если бы поэтому такая палата предложила ликвидировать корону и палату лордов, то только потому, что они были бы не нужны для хорошего управления страной. Достопочтенный джентльмен должен поэтому отказаться от этого аргумента или признать, что правильно избранная палата общин была бы доведена до необходимости ликвидировать корону и палату лордов. Здесь утверждали также, что если бы палата согласилась с основными принципам предложения его благородного друга, то возникли бы сотни различных планов реформы, и было бы невозможно обеспечить хотя бы подобие единодушия по этому предмету. Он придерживается другого мнения. Он стоит только за такое изменение в конституции палаты общин, какое сделает ее представительницей народа в полном смысле слова. И он убежден, что такова

¹ Очевидно, государственный секретарь.

была цель, которую имели в виду все друзья парламентской реформы. Единственное разногласие между его благородным другом и им самим заключается в том, что он не считает план, предложенный его благородным другом, соответствующим этой цели. Он полагает, что если бы этот план был принят, то палата общин продолжала бы быть тем же, что она представляет из себя теперь, — представительницей аристократии в нашей стране, и только аристократии. По его мнению, выборы в графствах проводятся на основе не лучших принципов, чем в городских округах, и он снова высказывает свое убеждение, что пока не будет введено тайное голосование, тщетно будет вообще пытаться осуществить парламентскую реформу.

Когда мы последний раз обсуждали этот вопрос, distinguished секретарь, сидящий на министерской скамье, доказывал, что палата общин, как она конституирована в настоящее время, является как бы сдерживающей инстанцией по отношению к короне и как бы противовесом палате лордов. Г-н Рикардо отрицает это. Чтобы доказать это положение, нужно сперва показать, что палата общин подлинно представляет народ; иначе было бы насмешкой и фарсом говорить, что она является сдерживающей инстанцией по отношению к короне и противовесом палате лордов. По его мнению, правительство страны представляет собой в настоящее время компромисс между короной и аристократией. Палата общин, как она конституирована в настоящее время, вместо того чтобы быть сдерживающей инстанцией по отношению к короне, сама часто сдерживается общественным мнением. Но является ли это пригодной системой? Хорошо ли, что приходится постоянно созывать митинги в графствах и городах, чтобы повлиять на политику палаты общин? Разве не было бы лучше, чтобы палата действительно представляла народ, чтобы она была органом общественного мнения? В речи, на которую г-н Рикардо уже ссылался, distinguished джентльмен торжествующе спросил, на какой период нашей истории сошлется приверженец парламентской реформы, чтобы указать на лучшую картину состояния палаты общин? Он лично ответил бы: ни на какой. Он думает, что народ никогда не был представлен лучше. Но неужели мы никогда не будем иметь хорошей палаты общин из-за того, что ее никогда не было раньше? Народные массы владеют теперь настолько большим количеством знаний, чем когда-либо прежде, что имеют право на лучшее представительство в парламенте, чем в прежние времена. Distinguished джентльмен признал, что предложение может быть полезным, но что оно не соответствует конституции, под сенью которой мы родились. Тот же аргумент может быть использован, чтобы увековечить всякое зло и всякое злоупотребление. Можно ли было сказать по отношению к Ирландии, что настоя-

щее положение вещей в этой стране должно быть увековечено потому, что оно соответствует конституции, под сенью которой родились ирландцы? Если послушать достопочтенного джентльмена, то можно подумать, что друзья реформы предлагают учредить республику. Но это голословное предположение: это его вывод, не их. Требования народа могут быть легко удовлетворены. Он требует только того, что вполне разумно, — чтобы он имел голос в государственных совещаниях и власть ограничивать расходование его собственных денег.

Г-н Рикардо отнюдь не отрицает правильности утверждения достопочтенного джентльмена, сказавшего, что палата общин, как целое, вмещает в себе столько интеллектуальных способностей и моральной безупречности, сколько едва ли существовало когда-либо в аналогичном собрании во всем мире. Но следует помнить, что все люди во всех ситуациях действуют под влиянием известных мотивов. Он убежден, что поведение тех самых джентльменов, среди которых он теперь находится, было бы совершенно отлично от настоящего, если бы они действительно были выбраны народом и часто возвращались бы к народу, чтобы он мог пересмотреть их заслуги. Питт, в то время, когда он был другом парламентской реформы, сказал, что при такой палате общин для честного человека невозможно быть министром. Он (Рикардо) придерживается того же мнения. Он не говорит, что министры не хотят действовать честно, но они обязаны искать совета у людей, враждебных интересам народа, и принимать меры, противоречащие интересам народа. Каковы бы ни были их личные симпатии, они не могут поступать иначе, ибо чувствуют, что благодаря особенной конституции этой палаты они были бы вышвырнуты в одну неделю, если бы осмелились действовать честно. Что народ вполне компетентен в деле выбора своих представителей, показывает убедительно опыт нашей и всякой другой страны. Просвещенный Монтескье сказал: «Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами, и которые, конечно, невозможно объяснить случайностью. Известно, что хотя в Риме народ и завоевал себе право поручать государственные должности плебеям, он так и не мог решиться выбирать их, и хотя в Афинах, по закону Аристиды, дозволялось избирать на эти должности лиц из всех классов, простой народ, по словам Ксенофонта, никогда не претендовал на те должности, от которых зависело его благополучие и его слава»¹. Эти примеры показывают, что, вместо того чтобы выби-

¹ *Montesquieu, Esprit des lois* (Монтескье. Избранные произведения, М. 1953. «Дух законов», книга вторая, гл. II, стр. 170—171).

рать демагогов и нарушителей общественного спокойствия, как это несправедливо утверждали, народ поступал бы мудро и осторожно, если бы ему была предоставлена неограниченная свобода выбора.

Законы о шотландском полотне ¹

Г-н Рикардо внес на рассмотрение палаты петицию от купцов и промышленников города Арбротс. Эта петиция требует отмены существующих правил, в силу которых на производимое полотно накладывается соответствующий штамп и уплачивается налог. Г-н Рикардо говорит, что, по мнению лиц, подписавших петицию, а также и его собственному, штамповка не только не обеспечивает определенного качества выпускаемого полотна, но имеет на деле скорее обратную тенденцию и является, таким образом, для предпринимателей суровой и тягостной повинностью, не давая в то же время никаких преимуществ потребителю или казне. Нельзя поэтому допускать, чтобы такая штамповка продолжала быть помехой промышленности и торговле. Он с удовольствием отмечает, что Министерство торговли придерживается такого же взгляда на этот вопрос. Министр торговли должен внести на обсуждение билль для урегулирования дела, и он (Рикардо) надеется, что таковой не встретит возражений.

Далее г-н Рикардо представил петицию от владельцев льнопрядильных предприятий, расположенных в окрестностях Арбротса. Последние ходатайствуют об отмене той тягостной части законов о полотне, в силу которой мотки пряжи конфискуются, если даже вес их вполне соответствует требуемому, но если в то же время в одном из мотков не хватает нескольких нитей или, наоборот, имеется несколько лишних. Ведь при машинном производстве пряжи не всегда можно избежать таких случайностей.

О введении пошлины на сало ²

Г-н Рикардо говорит, что он еще не вполне усвоил характер меры, предлагаемой уважаемым джентльменом, но если она подобна мере, предложенной в прошлом году, то он может без

¹ Заседание 7 мая 1823 г. Выступление Рикардо в связи с внесенными им двумя петициями об отмене старинной меркантилистской регламентации производства. Приведены в камбриджском издании по отчетам «Morning Chronicle», поскольку в отчетах «Hansard» они пропущены.

² Заседание 7 мая 1823 г. по обсуждению петиции мясников (внесена Карвеном) о введении пошлины на ввоз сала и предложения (Лэтсбриджа) о мерах борьбы с ввозом сала из России по более дешевым, чем в Англии, ценам. Речь Рикардо воспроизведена по «Morning Chronicle».

колебаний предсказать ее единственный результат: она принесет большие тяготы народу нашей страны и не даст никакой выгоды казне. Он поэтому надеется, что парламент будет и теперь голосовать, как прежде.

Г-н Рикардо характеризует меры, предложенные для борьбы с ввозом более дешевого сала из России, как меры по пополнению карманов земельных собственников за счет остального народа. И так уже слишком много имеется постановлений в пользу земельной аристократии. Например, при передаче собственности после смерти ее владельца коммерсанты должны платить 5% с передаваемых сумм, а землевладельцы не должны платить ничего.

Спиталфильдские законы о шелковых мануфактурах ¹

Г-н Рикардо говорит, что не может не выразить своего удивления по поводу существования таких законов еще в 1823 г. и сохранения ими силы. Они являются не только вмешательством в свободу промышленности, но нарушают свободу самого труда. Действие их таково, что человек, желающий заняться указанным производством, не может вложить свой капитал в него в Лондоне, а так как во многих случаях было неудобно использовать этот капитал вне Лондона, то данная отрасль промышленности терпела всякие задержки и препятствия.

Ввоз сала ²

Г-н Рикардо говорит, что принцип, защищаемый уважаемым баронетом, может быть применен ко всякому иностранному товару. Так как уважаемый баронет открыл такой легкий способ уменьшения национального долга, как перенесение всей тяжести налогов целиком на иностранцев, то он должен быть немедленно назначен канцлером казначейства, ибо есть опасение, что мы не нашли бы другого канцлера казначейства, который может устанавливать налоги, не возлагая серьезного бремени на народ.

¹ Заседание 9 мая 1823 г. Прения по поводу петиции лондонских предпринимателей об отмене так называемых Спиталфильдских актов (1773, 1792, 1811 гг.), дававших право магистратам устанавливать размер заработной платы рабочих. Петиция была представлена Уилсоном.

² Заседание 12 мая 1823 г. Прения по поводу петиции лондонских мясников, жаловавшихся на конкуренцию русского сала и требовавших дополнительной пошлины на него. Петиция была представлена баронетом Летсбриджем, уверявшим, что пошлина на русское сало будет уплачиваться русскими купцами, а не английскими потребителями.

Билль о шелковых мануфактурах ¹

а) Г-н Рикардо замечает, что эта петиция исходит из округа, где труд свободен, и что она ходатайствует о сохранении ограничений свободы труда в других местностях, поскольку снятие там последних принесло бы ущерб петиционерам; но она как раз и представляет наиболее сильный аргумент в пользу той самой меры, против которой она возражает. (Слушайте, слушайте!)

б) В ответ на замечание одного из членов палаты г-н Рикардо говорит, что если бы палата ждала, пока можно будет одним ударом уничтожить все ограничения, лежащие на торговле и промышленности, то она никогда не осуществила бы никакой полезной перемены. Уважаемый представитель от Уэймута (Бэкстон) заметил, что петиционеры не имеют никакого понятия о политической экономии, принципы которой меняются чуть ли не каждые два или три года. На деле принципы подлинной политической экономии никогда не изменяются, и те, кто не понимает ничего в этой науке, лучше бы вовсе ничего не говорили о ней, но постарались бы выдвинуть серьезные возражения, если они могут найти такие, в защиту существующего закона. Он (Рикардо), несомненно, не сказал бы ни слова, которое было бы направлено во вред промышленным классам. Все его симпатии на их стороне. Он считает их наиболее ценной частью населения, и все, что он говорит, имеет в виду их пользу. Но почему именно данная отрасль промышленности должна подлежать компетенции магистрата больше, чем какая-либо другая? Почему магистрат должен вмешиваться в жизнь именно этой отрасли промышленности, когда много других отраслей не находятся под его контролем? Закон применяется только к ткачам. По отношению к другим категориям, связанным с данной отраслью промышленности, магистрат не пользуется никакими юридическими правами. Почему он должен иметь право устанавливать цену на труд в большей мере, чем на хлеб, мясо или пиво? Здесь требовали отсрочки. А г-н Рикардо не видит никакой пользы или выгоды от отсрочки предлагаемой меры. Уважаемый представитель от Норвича (Смит) предлагает палате отложить обсуждение билля до следующей сессии. Но какие основания он приводит для такой отсрочки? Никаких. Он сказал только: «Я думаю, что существующий закон очень вреден для рабочих, но среди

¹ Заседание 21 мая 1823 г. На этот раз лорд-мэр представил петицию шелкоткачей Седбери против отмены Спиталфильдских актов. Такую же петицию представил и Бэкстон от шелкоткачей Лондона. Рикардо выступал по каждой из них. Первое выступление переведено по более полному отчету в «Morning Chronicle».

ткачей наблюдается необычайно сильное предрасположение в его пользу; я поэтому отложил бы принятие новой меры, пока это пристрастие не исчезнет». Но ведь в конце ближайшей сессии мы будем в таком же точно положении, как теперь, и тогда окажется, что пристрастие так же сильно, как и прежде. Он надеется поэтому, что его достопочтенный друг (Гэскиссон) будет продолжать свое дело по проведению новой меры и отвергнет всякое предложение об отсрочке.

О пошлинах на ост-индский и вест-индский сахар ¹

Г-н Рикардо поздравляет палату общин с утешительной информацией, содержащейся в речи уважаемого ее члена (Робертсона), который выступал до него и показал, что вследствие наличия термитов и из-за других трудностей ост-индские плантаторы не имеют никакой возможности конкурировать с плантаторами вест-индских колоний. Отсюда следовал вывод, что можно не бояться предоставить им требуемое преимущество. По этому случаю г-н Рикардо позволит себе процитировать относящуюся к 1809 г. речь уважаемого представителя от Сэндвича (Марриета), которая отличалась строгой приверженностью к истинным принципам политической экономии.

В этой речи уважаемый член палаты защищал политику допущения завоеванных колоний к равному участию в торговле с другими колониями Англии. Вопрос заключался тогда в том, имеет ли право колония Мартиника посылать свой сахар на британский рынок на таких же условиях, как и другие колонии, и уважаемый член палаты ясно показал тогда при помощи очень здравых рассуждений, что так как цена сахара на континенте регулирует цену его в нашей стране, то доставка сахара из Мартиники на наш рынок отнюдь не была бы невыгодна для нас. (Рикардо читает соответственное место из речи Марриета.) Он указывает далее, что тот же аргумент (если мы поставим Ост-Индию вместо Мартиники) можно применить к вопросу, составляющему теперь предмет обсуждения палаты общин. Сахар Ост-Индии не исключил бы сахара Вест-Индии. Он утверждает, что не должно быть никаких ограничений на ввоз из какой-бы то ни было нашей колонии, что такие ограничения были бы убыточны как для колоний, так и для метрополии и что поэтому от них следует избавиться полностью. Следует также вспомнить, что если бы предложенная мера давала ост-индской тор-

¹ Заседание 22 мая 1823 г. Прения по поводу предложения Уитмора назначить особый комитет для рассмотрения вопроса об уравнивании пошлин на ост-индский и вест-индский сахар, поскольку первые превышали вторые на 10—15 шилл.

говле преимущества, которых последняя не имела прежде, то имеются и невыгоды, от которых эта торговля продолжает страдать и которые уравновесят выгоды. Один уважаемый член палаты (Эллис) говорил о нашем соглашении с Вест-Индией. Г-н Рикардо сказал бы в ответ на это, что если бы существовало какое-либо соглашение, благодаря которому промышленность колоний или метрополии сделалась бы менее производительной, то чем раньше оно было бы разорвано, тем лучше. Аргумент уважаемого представителя от Демфриза (Дугласа) был совершенно неубедителен, поскольку он предполагал, что мы потеряли бы большую часть дохода, получаемого от наших вест-индских плантаций. Он не думает, что предложенная мера имела бы подобное действие или что мы стали бы получать продукты Ост-Индии или Вест-Индии за половину теперешней цены. Он желал бы, чтобы это могло быть доказано, потому что это сделало бы осуществление предложения еще более желательным. Но он считает нелепым утверждение, согласно которому, раз наши вест-индские плантаторы вложили большой капитал в производство, мы обязаны брать у них сахар по цене вдвое большей, чем та, по которой мы получали бы его в других местах. Однако такой эффект не должен быть результатом предлагаемого изменения. Оно не привело бы к большому снижению цен на ост-индский или вест-индский сахар; но мы получили бы от него одну в высшей степени желательную выгоду: оно поменяло бы цене сахара подниматься выше его стоимости. Некоторые джентльмены были напуганы перспективой вывоза слитков в Индию. Но г-н Рикардо не возражает против этого, так как слитки не могут быть приобретены без того, чтобы дать занятие нашей промышленности, и если бы пошлина взималась как в одном, так и в другом случае, то ясно, что мы не потеряли бы никакой части нашего дохода. В отношении работы наших судов и матросов естественно сделать заключение, что так как Ост-Индия дальше, чем Вест-Индия, то предложенное изменение приведет скорее к увеличению их найма, а не к уменьшению. Что касается пошлины на ост-индский сахар, то, по признанию самих джентльменов, она недавнего происхождения, так как была введена только в 1814 г. Какое же значение имеет тогда аргумент о давности владения? Что касается действия, которое рекомендуемая мера произвела бы на негритянское население, то он не видит никаких оснований предполагать, что она принесет им вред. Он, прежде всего, не верит, что мы будем ввозить сахар из Ост-Индии в сколько-нибудь больших размерах. Но если бы конкуренция даже помешала продаже произведенного в Вест-Индии сахара, то положение рабов, хотя и не улучшилось бы, но и не ухудшилось в силу этой перемены, поскольку капитал, занятый в производстве сахара, был бы при таких обстоятель-

ствах обращен на возделывание более выгодного, а следовательно и более прибыльного товара. В речи уважаемого представителя от Сэндвича, на которую он прежде сослался, имеется одно в высшей степени поразительное замечание. Оно тем более удивило г-на Рикардо, что его нельзя было согласовать со здравыми взглядами, которые отстаивал уважаемый член палаты. В своей речи он утверждал, что цена товара зависит не от издержек по обработке земли, а от отношения спроса к предложению. Но ведь нет ничего более неправильного. Во всех случаях издержки по обработке земли определенно регулируют цену, которую товар должен иметь на всех рынках мира. А так как издержки производства сахара в Ост-Индии по общему признанию ниже, то цена этого товара на рынках всего мира должна в конце концов регулироваться этими издержками. Имеется еще и другое замечание, которое следует отметить. Уважаемые члены палаты признают, что свободная торговля сопровождалась бы величайшими выгодами, но, говорят они, «защитники Ост-Индии требуют не свободы торговли, а участия в монополии». Допустим. Г-н Рикардо присоединяется к ним, но в то же время готов идти гораздо дальше. Он готов допустить свободу торговли сахаром, ввозимым из всех частей света, в которых производится этот товар. Он разрешил бы конкуренцию не только ост-индского сахара, но и сахара из Южной Америки, из Кубы, Бразилии и Китая. С этим согласился бы и уважаемый представитель от Сэндвича при условии, что ему позволили бы ввозить сахар из Вест-Индии при менее высоких пошлинах. Однако г-н Рикардо возражает против тех пошлин, которые запрещают всякую конкуренцию; и в надежде, что зло это будет исправлено, он готов поддержать внесенное предложение.

В порядке личного замечания. Г-н Рикардо никогда не имел даже на шиллинг больше чем на 1 тыс. ф. ст. акций Ост-Индской компании и никогда в жизни не подавал голоса в пользу монополии ¹.

Налог на солод и пиво ²

Г-н Рикардо полагает, что его уважаемый друг, автор предложения, показал, что налог на пиво неравномерен и, в то время как один класс от него свободен, другой обязан платить.

¹ Это личное объяснение было вызвано речью Марриета, который указал, что свободу торговли защищают в данном случае собственники ост-индских акций, заинтересованные в сохранении одной из наиболее возмутительных монополий, которые когда-либо существовали в какой-либо стране.

² Заседание 28 мая 1823 г. Препия по поводу предложения Мэберли назначить особый комитет для исследования существующего способа

Он показал также, что уменьшение в расходах на сбор этого налога увеличило бы доходы казны. Г-н Рикардо сожалеет, что этот вопрос стал как бы предметом спора между земледельческим и другими классами, но если даже верно, что налог функционирует неравномерно, то и в этом смысле чем скорее он будет уравнен, тем лучше. Если уплачиваемая пошлина должна падать на всех потребителей пива, то она должна падать на них равномерно. Он поддерживает от всей души предложение, потому что оно способствует достижению этой цели.

Заработная плата ткачей. Применение машин¹

Г-н Рикардо отмечает, что из сочинений Коббета можно, несомненно, почерпнуть много сведений, потому что этот писатель объяснил употребление машин таким образом, что сделал этот предмет понятным для всех. Он, однако, не вполне удовлетворен рассуждениями, которые содержит этот памфлет²: вполне очевидно, что растущее применение машин выбрасывает значительную часть труда на рынок, в то время как, с другой стороны, спрос на труд может не возрасти соответственно; это должно в известной степени действовать во вред рабочим классам. Но тем не менее он не считает допустимым издание какого-либо закона с целью помешать применению машин. Вопрос состоит в следующем: если мы откажемся от системы, которая дает возможность продавать на иностранных рынках товары по более низким ценам, то откажутся ли другие нации от применения этой системы? Конечно, нет. Мы поэтому обязаны в наших собственных интересах сохранять ее. Однако джентльмены должны внедрять в умы рабочих классов ту истину, что стоимость труда, подобно стоимости других товаров, зависит от соотношения спроса и предложения. Если предложение труда больше, чем спрос на него, то народ будет испытывать нужду. Но народ держит средство против этого в собственных руках. Немного предусматри-

обложения в отдельности солода и пива и возможности собрать ту же сумму путем обложения одного только солода. Канцлер казначейства выступил против этого предложения.

¹ Заседание 30 мая 1823 г. Прения по поводу представленной Эттвудом петиции ручных ткачей Стокпорта, жалующихся на исключительно низкую заработную плату: «они жаловались также на некоторые нововведения в области машин, в результате которых сократилось число тех, кто ткал на ручных станках, и это угрожало оставить много народу без всяких средств существования».

² Памфлет Коббета, озаглавленный «Письмо к Луддитам» был опубликован в 1816 г. и предложен к переизданию в 1830 г. «с целью положить конец злодеяниям, имевшим тогда место». В процессе прений памфлет упоминался с большой похвалой.

тельности, немного благоразумия (которое рабочие, вероятно, практиковали бы, если бы законы о бедных не превращали их в какие-то машины), немного той осторожности, которую более образованные слои считают необходимым проявлять, дали бы им возможность улучшить свое положение.

В порядке личного замечания¹. По мнению г-на Рикардо, высказанное им положение доказывает, что применение машин причиняет бедствие рабочим классам в общем, а не лицам, занятым в отдельной отрасли промышленности. Машины являются средством выбрасывать на рынок добавочный труд, и таким образом спрос на труд в общем уменьшается.

Взаимность пошлин²

По мнению г-на Рикардо, страна очень обязана его достопочтенному другу (Гэскиссону) за его просвещенные взгляды и меры, которые он предлагает для развития торговли страны. Парламент в конце концов начал понимать, что ограничения, налагаемые на внешнюю торговлю, представляют ограничения не для других стран, но для нас самих. Конечно, это вопрос политики, должна ли Англия отменить пошлины без получения взаимной выгоды от иностранных держав; но если иностранные державы признают тот же самый либеральный принцип, то не может быть никакого сомнения, что Англия получит двойную выгоду по сравнению с теми выгодами, которые всякая другая страна может извлечь из положения дел. Один уважаемый член палаты сказал, что ему лично выгодно поддерживать изложенные принципы, но что личный выигрыш должен быть принесен в жертву благу флота. Но по отношению к флоту г-н Рикардо не испытывает никаких опасений. Состояние этого флота, благоприятные условия для судостроительной промышленности, превосходство нашей страны в этой отрасли, большой капитал и предприимчивость народа — все это представляет гарантию, что флот не придет в упадок. Он надеется, что в скором времени Канада будет лишена предпочтения, которым она пользуется в торговле лесоматериалами, и в этом отношении будет поставлена в одинаковое положение с Швецией и Норвегией.

¹ Филипп после Рикардо доказывал, что употребление машин не только не приносит вреда рабочим, но и повышает их заработную плату.

² Заседание 6 июня 1823 г. Прения по поводу предложения Гэскиссона, которое сводилось к ослаблению навигационного акта и представляло, таким образом, шаг к большей свободе торговли.

Билль о шелковых мануфактурах ¹

Г-н Рикардо говорит, что он так же настаивает на обследовании, как и любой член палаты, в тех случаях, когда это необходимо. Но если даже допустить, что все противники билля смогут доказать то, что они утверждали, г-н Рикардо все же останется при своем мнении. Если бы эти законы были в действительности так благотворны, они должны были бы быть приняты во всей стране и применены к любой отрасли промышленности; однако вопрос заключается в следующем: должен ли быть труд свободным или нет? Количество работающих должно зависеть от размера спроса, и если спрос велик, то число занятых лиц будет соответственно велико. Если эти законы были бы отменены, то несомненно, что число ткачей, занятых в Лондоне, станет больше, чем в настоящее время. Они, может быть, не получали бы такую высокую заработную плату, но не следует, чтобы эта заработная плата искусственно повышалась благодаря вмешательству магистрата. Если фабрикант обязан нанимать определенное количество рабочих, он должен платить им по справедливой цене. Здесь было сказано, что спиталфильдские ткачи получали очень мало от налогов в пользу бедных. Верно. Но почему? Потому что так мала была сумма для распределения между ними. В округе можно было собрать лишь очень мало, и иногда, когда господствовала большая нужда, приходилось обращаться к правительству, чтобы получить большие суммы для помощи бедным. Уважаемый представитель от Бристоля (Брайт) говорил о политической экономии, но слова «политическая экономия» в последнее время стали выражениями насмешки и упрека. Они употреблялись, когда не хватало аргументов, и были использованы, таким образом, и уважаемым представителем от Уэймута (Бэкстоном) ². Со всех точек зрения, с которых г-н Рикардо рассматривал этот вопрос, было ясно, что билль будет одинаково полезен для фабрикантов и рабочих.

Третье чтение того же билля ³

Г-н Рикардо утверждает, что существующий закон приводит к сокращению числа занятых рабочих. Закон имеет также тенденцию уменьшить ставку заработной платы, ибо хотя послед-

¹ Заседание 9 июня 1823 г. Прения по докладу о билле об отмене Спиталфильдских законов (см. стр. 176, 177). Бэкстон требовал, чтобы билль был передан для нового рассмотрения в особый комитет.

² Бэкстон говорил, что «самые здравые принципы политической экономии» меняются очень часто. Так, Смит опроверг принципы, господствовавшие до него, а Рикардо в свою очередь подверг основательной критике принципы, установленные самим Смитом.

³ Заседание 11 июня 1823 г.

няя номинально и высока¹, но работы так мало, что на деле заработки рабочих ниже того, какими они должны стать при предложенном изменении закона. Невыносимо слушать, когда здесь говорят о принятии законов, наносящих ущерб рабочим классам. Он не стал бы поддерживать предлагаемое мероприятие, если бы допустил хоть на минуту, что оно имеет такую тенденцию. Существующий закон причиняет больше зла рабочим, чем предпринимателям. Ведь в периоды оживления промышленности и торговли магистраты имели на основе этого закона право вмешиваться и не допускать такого повышения заработной платы, какое могло бы иметь место, если бы закон не накладывал своих пут на регламентацию промышленности. Ему известны многие случаи сопротивления решениям магистрата как со стороны рабочих, так и со стороны их хозяев с привлечением адвокатов; но в конце концов хозяева отказывались от ведения процесса, чтобы избавиться от хлопот и расходов по его продолжению. Он вполне уверен в том, что в случае принятия рассматриваемого билля лондонские ткачи будут иметь гораздо больше работы, чем теперь. Что же касается заработной платы, то он убежден, что во всех основных отраслях промышленности она не упадет, потому что в настоящее время в соответствующих отраслях промышленности она так же высока в провинции, как в Лондоне.

Возобновление платежей наличными²

Г-н Рикардо говорит, что уважаемый представитель от Эссекса (Уэстерн) и все те, кто разделяет его точку зрения на предмет, изложили очень здравые принципы, но извлекли из них совершенно несостоятельные выводы. Никто не сомневается, что, по мере того как при неизменяющихся размерах торговли и деловых сделок возрастает количество денег, стоимость их должна упасть. Никто не оспаривал, что замена находящихся в обращении обесцененных денег металлическими с возросшей стоимостью должна иметь последствием уменьшение количества денег и понижение цены всех товаров, доставляемых на рынок. Он сам отстаивал в разных случаях эти принципы, но между ним и уважаемым членом палаты от Эссекса имеется разногласие по

¹ Последняя фраза переведена по более точному отчету газеты «Courier».

² Заседание 11 июня 1823 г. Прения по поводу предложения неутраченного противника закона 1819 г. Уэстерна снова пересмотреть весь вопрос о денежном обращении. По поводу речи Рикардо редактор парламентских отчетов замечает, что «она была написана Рикардо для нашего издания и послана издателю за несколько дней до смерти». Тем не менее в кембриджском издании лишь часть речи дается в первом лице, а остальное дается как изложение.

вопросу о том, в какой степени возросла стоимость наших денег и в какой степени понизились в общем цены благодаря биллю 1819 г. (так называемому биллю Пия). Осознание всех зол, проистекающих от денежного обращения, не имеющего какого-либо постоянного стандарта, побудило его всеми силами поддерживать этот билль. Он ставил себе целью устранить многие тяжелые недостатки изменчивого денежного обращения. Он имеет в виду не изменения, соответствующие изменениям в стоимости самого стандарта, — от этого не может быть избавлено никакое денежное обращение, — но изменения, являющиеся результатом произвола или интересов какой-либо торговой компании, которая до принятия этого билля имела власть увеличивать или уменьшать количество обращающихся денег и, следовательно, изменять их стоимость, когда она считала это подходящим. Он наблюдал огромную власть, которой Английский банк обладал до 1819 г., — власть, которую, как он полагает, эта корпорация была склонна использовать честно, но которую она не всегда использовала рассудительно, и которая могла быть использована так, чтобы стать губительной для интересов страны. Именно благодаря такому представлению о пределе власти Английского банка его так обрадовала в 1819 г. открывающаяся перспектива устойчивого денежного обращения. Он придавал сравнительно мало значения тому, какова будет стоимость установленного стандарта — стоимость, которую он имел в тот момент, или стоимость старого стандарта. Он имел в виду лишь постоянный стандарт того или другого рода. Он, правда, заявил во время прений 1819 г., что измеряет степень обесценения тогдашних денег разницей между стоимостью банкнот и золота и придерживается этого мнения и теперь. Он утверждает и в настоящее время, что обесценение денег может быть измерено только отношением их стоимости к стоимости определенного стандарта, т. е. золота, но он не говорит, что стоимость самого стандарта неизменна. Уважаемый джентльмен и те, кто поддерживает его мнение, постоянно смешивают термины «обесценение» и «стоимость». Деньги могут быть обесценены без того, чтобы упала их стоимость; они могут понизиться в стоимости, не будучи обесценены, потому что обесценение определяется только отношением их стоимости к стоимости стандарта. Он, несомненно, сказал в 1819 г., что, по его мнению, в результате предложенной тогда меры цены товаров изменятся не больше, чем на 5%, но он хотел бы объяснить, при каких условиях высказано было это мнение. Разница между стоимостью банкнот и стоимостью золота составляла в 1819 г. 5%, а так как стоимость банкнот в силу билля 1819 г. была повышена до уровня золотого стандарта, то он считал, что в результате изменения стоимости денег только на 5% цены могут измениться не больше чем на 5%. Но этот

расчет был основан на предположении, что в стоимости золота не произойдет никакого изменения. Билль Пили в первоначальной редакции не открывал никакой возможности для такого изменения. Этот билль не требовал, чтобы Английский банк запасался дополнительным фондом золота до 1823 г. Это вовсе не был билль, требовавший, чтобы золотая монета была брошена в обращение до истечения $4\frac{1}{2}$ лет. А до этого срока, поскольку новая система работала бы нормально, в чем нельзя было сомневаться, парламент имел право отложить платежи звонкой монетой на значительно более поздний срок и по всей вероятности использовал бы это право. Это был билль, который давал возможность Английскому банку при строгом соблюдении закона вести денежное обращение страны в банкнотах, не употребив ни на одну унцию золота больше, чем было тогда в его владении.

Эти джентльмены забыли, что в силу билля Английский банк не имел права платить по своим банкнотам звонкой монетой и обязан был только платить по требованию в слитках, которых никто не требовал, потому что никто не мог использовать их с выгодой. Выдвигаемое против него (Рикардо) обвинение заключается в том, что он не предвидел изменения в стоимости стандарта, с которой, в силу билля, должна была сообразоваться стоимость бумажных денег. Нет никакого сомнения, что золото изменилось в стоимости. Но почему? Да просто потому, что с момента прохождения этого билля в 1819 г. Английский банк приложил все усилия, чтобы помешать его должному осуществлению. Вместо того чтобы выжидать, он отправлял свои слитки, которые могла потребовать от него публика, на Монетный двор для перечековки их в золотые монеты, хотя публика не могла последние от него требовать и хотя он не мог бы платить ими, если бы даже публика требовала этого. Вместо того чтобы держать в обращении такое количество бумажных денег, при котором вексельные курсы сохраняли бы свой паритет, банк до такой степени ограничил количество банкнот, что вызвал не имеющий прецедента прилив драгоценных металлов, которые он жадно скупал и перечековывал в монеты. Благодаря этим мерам Английский банк вызвал такой спрос на золото, который никоим образом не являлся неизбежным следствием билля 1819 г. Подняв таким образом стоимость золота на мировом рынке, он изменил стоимость стандарта, по отношению к которому устанавливалась стоимость наших денег, в таком размере, которого нельзя было предвидеть.

Вот в чем заключается, стало быть, ошибка, в которой он (Рикардо) повинен: он не предвидел этих ненужных и, должен прибавить, пагубных операций Английского банка. Он вполне допускает воздействие, произведенное таким образом на стоимость

золота, и ему остается лишь рассмотреть, каково было это воздействие на деле. Уважаемый представитель от Эссекса оценивал его в 30%; он (Рикардо) определил его в 5% и готов в настоящее время признать, что билль Пия повысил стоимость денег на 10%. Благодаря повышению стоимости золота на 5% стало необходимым повысить стоимость банкнот на 10% вместо 5%, чтобы привести ее в соответствие с повышенной стоимостью золота. Чтобы определить, какое действие оказал рост спроса на золото на стоимость его на мировом рынке, нужно было, по мнению г-на Рикардо, сравнить фактически покупаемое количество со всем количеством, употребляемым в различных денежных системах всего мира; он убедился, что на основе такого расчета станет ясным, что допущение увеличения стоимости золота на 5% вполне достаточно для определения действия этих покупок. Но уважаемый представитель от Эссекса ничего не говорит обо всем этом. Он просто пришел в палату и сказал: «Мое доказательство, что стоимость денег повысилась на 30%, заключается в том, что на эту величину произошло изменение в стоимости пшеницы и разных других товаров». Таким путем можно объяснить всякое изменение в цене товаров, происшедшее при всяких обстоятельствах, не давая себе труда исследовать вопрос, а просто сославшись на изменение стоимости золота. Если этот аргумент пригоден для любого товара в настоящее время, то он хорош и для всех времен. Мы, таким образом, никогда не имели, следовательно, никаких изменений в стоимости товаров, а изменения в цене, которые так часто происходили, не следует объяснять ничем другим, как только изменением стоимости денег.

Но предположим, что расчет уважаемого члена палаты правилен и что все изменение, которое имело место в цене хлеба, вызвано изменением в стоимости денег, — думает ли он, что даже в этом случае интересы сельских хозяев несправедливо пострадала? Г-н Рикардо и его сторонники не утверждали, что деньги имеют теперь большую стоимость, чем до закона о платежах наличными, или что хлеб продается по более низкой цене. Любимым аргументом со стороны землевладельцев было указание, что они должны платить проценты по долгам в деньгах, которые имеют теперь стоимость, отличную от той, которой они обладали, когда эти займы заключались, и что они поэтому в действительности платят на 30% больше, чем платили бы, если бы не изменилась стоимость денег. Г-н Рикардо уже однажды старался показать ошибочность этого аргумента¹ и сделал попытку доказать, что налогоплательщики в действительности платят в настоящее время не больше, чем они платили бы, если бы мы

¹ См. выше, стр. 99, 108—109.

были настолько мудры, чтобы никогда не отступать от здравых принципов денежного обращения, и что держатели государственных бумаг, в совокупности взятые, получают не больше того, что им следует. Уважаемый член палаты хотел бы убедить нас, что вся сумма нашего огромного долга заключена в обесцененных деньгах, но это ведь факт, что почти 500 млн. этого долга были заключены раньше, чем деньги испытали какое-либо обесценение, а остальная часть долга была заключена в деньгах, обесцененных в различной степени. Г-н Мушетт дал себе труд произвести очень детальные расчеты по этому вопросу и определил размеры потери держателей государственных займов от получения дивидендов в обесцененных деньгах в течение 20 лет на бумаги, купленные за нормальные деньги. Эта потеря составила бы сумму, достаточно большую, чтобы купить постоянный аннуитет, равный добавочной стоимости дивидендов, уплачиваемых по 300 млн. долга, заключенного в обесцененных деньгах. Г-н Рикардо был бы рад услышать ответ на это утверждение. Лично ему кажется, что принятие настоящего предложения не помогло бы землевладельцам ни на йоту, потому что предложение требует исследования всех изменений, происшедших за время с 1793 г. до нынешнего момента; следует, однако, признать, что землевладельцы извлекли большие выгоды из обесценения, имевшего место между 1800 и 1819 гг. Между тем рассматриваемое предложение обязывает их учесть прибыль, полученную ими за эти годы, а она составляет сумму, равную убыткам за время, когда последовало повышение стоимости денег.

Уважаемый представитель от Эссекса сказал, что стоимость денег возросла на 30%, но его главное доказательство основывалось на изменившейся цене хлеба. А подлинная причина большей части последнего изменения заключается не в изменении стоимости денег, а в избытке предложения. Во время войны был дан большой стимул развитию земледелия, и мы страдаем теперь от последствий его, действующих наряду с влиянием двух или трех богатых урожаев. Возможно ли, чтобы земледелие было разорено благодаря изменению стоимости денег и чтобы в то же время последнее не повлияло таким же образом на обрабатывающую промышленность и на торговлю страны? Если цена хлеба понизилась на 30% в силу изменения стоимости денег, то не должны ли были упасть и цены всех остальных товаров приблизительно в той же пропорции? Но упали ли они в действительности? Пострадала ли также и промышленность? Совершенно напротив. Все процветает, за исключением земледелия. Пошлины с наследств, пробационная пошлина, гербовый сбор *ad valorem* — все это растет. Но, конечно, если бы увеличение стоимости денег уменьшило стоимость собственности, то можно было

бы ожидать, что платежи за передачу собственности вообще уменьшатся. Такое положение с доходами казны является для г-на Рикардо достаточным доказательством ошибочных заключений уважаемого джентльмена, если бы и не было других доказательств.

Уважаемый представитель от Эссекса спрашивал, может ли кто-нибудь сказать, что при современной системе денежного обращения страна могла бы вынести расходы на войну? Может ли кто-нибудь сказать, что в настоящее время страна может платить по 84 млн. ежегодно, как она это делала в течение прошлой войны? Вопрос поставлен не совсем правильно, так как поскольку уважаемый член палаты утверждал, что стоимость наших денег увеличилась на 30%, он должен был бы спросить, можем ли мы теперь платить 60 млн. в год на военные расходы, как мы прежде платили 84 млн. Г-н Рикардо ответил бы ему, что страна будет в состоянии платить ровно столько же действительной стоимости при существующей системе, как и при любой системе, рекомендованной уважаемым представителем от Эссекса; он думает, что изменение в стоимости ее денег не имело бы никакого влияния на силы страны. Ничем не ограниченное бумажное обращение создало новое распределение собственности. Оно переместило богатство из карманов человека, которому таковое действительно принадлежало, в карманы другого, который не имел на это никаких прав, но оно не увеличило могущества страны.

Г-н Рикардо весьма охотно соглашается почти со всеми взглядами его достопочтенного друга, президента министерства торговли (Гэскиссона) на этот предмет, но все же считает, что его достопочтенный друг придает слишком много значения мнению, согласно которому неограниченный выпуск бумажных денег дает нам большую силу при встрече с неприятелем. Неограниченный выпуск бумажных денег не был полезен во время войны — он был весьма гибельным во время мира — и не мог быть снова взят под контроль без величайшей несправедливости по отношению к большой части общества. Мы счастливо избавились от его последствий, и г-н Рикардо искренно надеется, что страна никогда не будет снова подвергнута такому бедствию.

Странно, что возражение против восстановления стоимости наших денег после четырехлетнего обесценения в 5% последовало со стороны уважаемого представителя от Эссекса, который в 1811 г. не видел никакой опасности в восстановлении ее из состояния обесценения в 15% в один день. Пусть палата соблаговолит вспомнить, что в 1811 г. был внесен билль, который предлагал сделать бумажные деньги эквивалентными законному платежному средству. Поводом к внесению этого билля послужило то обстоятельство, что лорд Кинг совершенно справед-

ливо потребовал, чтобы ему платили ренту в монетах королевства согласно той стоимости денег, какую они имели во время заключения арендного договора. Предположим, что этот билль был бы отвергнут в согласии со взглядами уважаемого джентльмена (Уэстерна), который в своей речи выступил так энергично против билля, и что в силу существующего закона кредиторам, требовавшим уплаты золотой монетой, была бы оказана защита,— каков был бы результат в этом случае? Разве цена унции золота не понизилась бы на следующий же день с 4 ф. ст. 10 шилл. до 3 ф. ст. 17 шилл. 10¹/₂ пенс.? Разве повышение в таком размере стоимости обращающихся денег не представляло бы неудобства? Или уважаемый джентльмен хочет сказать, что повышение стоимости банкнот на 15% в один день в 1811 г. было бы вполне безвредно, но что повысить ее всего на 5% в течение четырех лет с 1819 г. было бы гибельно?

Уважаемый представитель от Эссекса поступил по отношению к нему (Рикардо) не вполне добросовестно в недавно опубликованном им памфлете ¹. Говоря о билле Пиля, он оправдывал министров его величества, утверждая, что они отнюдь не имели намерения ввергнуть страну в трудности, которые, по его мнению, были созданы этим биллем. Он отдал дань их честности, считая их невеждами; иначе он поступил по отношению к г-ну Рикардо. Не называя его, уважаемый джентльмен намекнул на него и на его взгляды таким образом, что никто не мог не понять, о ком именно идет речь, и сказал, что нужна величайшая степень снисходительности, чтобы поверить, что в своих советах он (Рикардо) не руководствовался личной заинтересованностью. Уважаемый джентльмен поступил бы более мужественно, если бы ясно и смело выдвинул свое обвинение и открыто назвал бы имя. Г-н Рикардо не претендует на большее отсутствие у него слабостей и ошибок, свойственных человеческой натуре, чем у других людей, но может заверить палату и уважаемого представителя от Эссекса, что даже хороший бухгалтер затруднился бы определить, где именно находятся его преобладающие интересы. Он сам нашел бы очень трудным делом решить этот вопрос ввиду различных родов собственности, которыми он владеет (среди них нет только собственности, состоящей из государственных бумаг). Но для кого столь трудно проявить снисходительность? Для уважаемого джентльмена, интерес которого в данном деле не вызывает ни малейшего сомнения, вся собственность которого состоит из земли и которому принесет большой выигрыш всякая мера, уменьшающая стоимость денег. Г-н Рикардо не приписывает уважаемому джентльмену низких мотивов. Он

¹ «Second Adress to the Landowners of the United Empire». («Второе обращение к землевладельцам объединенной Империи»), 1822.

думает, что последний исполнит свой долг так же хорошо, как большинство людей, даже в том случае, если это будет идти против его интересов; но он спросил бы уважаемого джентльмена, какими основаниями он руководствуется, полагая, что он (Рикардо) действовал бы при подобных обстоятельствах иначе?

Г-н Рикардо особенно просит палату отнестись внимательно к мнениям, которые он высказал о причине наших недавних трудностей и которые уважаемый представитель от Эссекса теперь опровергает. Он думает, что по каждому из этих мнений он может сослаться на авторитет, который уважаемый джентльмен меньше всего будет оспаривать, ибо это его собственный. Он утверждает, что теперешняя низкая цена хлеба вызвана главным образом излишком предложения, а не изменением в стоимости денег. Что говорил уважаемый джентльмен в этой палате в 1816 г., когда цена хлеба значительно упала и когда причина этого падения была предметом дискуссии?

«Первая и очевидная причина, говорю я, это излишнее предложение в сравнении со спросом, созданное к тому же главным образом продуктами нашего собственного земледелия. Разрешите мне, сэр, напомнить палате о том, какое влияние имеет маленький излишек или недостаток предложения в сравнении со спросом рынка. Весьма хорошо известно, что если имеется маленький дефицит предложения, то цена возрастает значительно больше, чем это в действительности вызывается дефицитом; действие последнего поистине почти неизмеримо. Подобным же образом при излишке предложения в сравнении со спросом цена падает, причем степень падения превышает почти в десять раз размер этого излишка. Так как хлеб является предметом первой необходимости, то цена его в особенности подвержена таким изменениям. При дефиците предложения цена увеличивается еще больше вследствие паники, а при излишке она уменьшается еще больше благодаря тому, что производителям хлеба очень трудно сократить размер своей продукции, тогда как промышленники располагают по сравнению с ними лучшими средствами для сокращения количества своих товаров»¹.

Г-н Рикардо спросил бы теперь палату, чем отличаются эти мнения от тех, которые он имел честь защищать в этой палате и которые уважаемый джентльмен в настоящее время считает столь достойными порицания? Дальше уважаемый джентльмен доказывал в цитированной речи, что уменьшение, которое произошло тогда в количестве обращающихся денег, никоим образом не было причиной падения цены хлеба, но что, напротив, именно падение цены хлеба было причиной уменьшения

¹ Речь Уэстерпа на заседании 7 марта 1816 г. («Hansard Parliamentary Debates», Vol. XXXIII, p. 36).

количества денег в обращении. «Я говорю,— продолжал он,— нет ничего, что могло бы помешать ему (хлебу) падать в цене, и нет также никаких средств вынудить новый выпуск так быстро исчезнувших бумажных денег; ничто, кроме возрождения стоимости, на которой они основаны, не может осуществить эту задачу».

В этом пункте г-н Рикардо скорее согласен с теперешними взглядами уважаемого джентльмена, чем с его прежними, а именно, что существуют средства вынудить новый выпуск бумажных денег и повысить цену хлеба, но он надеется, что нам не придется прибегать к ним. Уважаемый джентльмен продолжает: «А теперь, сэр, позвольте отвернуться от созерцания этой мрачной картины и рассмотреть, имеются ли против этого зла средства или возможности для оказания помощи. Если я прав, приписывая первичную причину всех этих бедствий влиянию излишка предложения на рынке по сравнению со спросом, то средство может быть найдено в изъятии этого излишка или же это бедствие излечит само себя через короткое время путем сокращения предложения. Опасность заключается в том, что нынешнее избыточное предложение может превратиться в тревожную нехватку». Уважаемый джентльмен говорит дальше, что невозможно, чтобы цена хлеба была в течение продолжительного времени ниже достаточной цены, и что урожай может быть настолько богат, что принесет производителю потери вместо выгод. Это как раз те взгляды, которых придерживается на этот вопрос г-н Рикардо и которые он в разное время, хотя и с гораздо меньшим искусством, пытался защищать в этой палате. Если г-н Рикардо научился им у уважаемого члена палаты, то весьма удивительно, что как раз тогда, когда он их усвоил, уважаемый член палаты делает поворот кругом и упрекает г-на Рикардо за то, что последний присоединился к его взглядам.

Г-н Рикардо продолжает критиковать аргументы и заявления уважаемого джентльмена, изложенные им в недавно опубликованном памфлете¹, и останавливается особенно подробно на одном заявлении. Подведя баланс выгод, которые держатели государственных бумаг получили от различных мер, влиявших на денежное обращение, уважаемый член палаты совершенно забыл поместить на одной стороне баланса различные суммы, которые были выплачены держателям в порядке погашения долга из фонда погашения в обесцененных деньгах и которые составляют свыше 100 млн. Если деньги, которые были ссужены государству держателями государственных бумаг, состояли из обесцененных денег, то и в уплату долга они получили такие же

¹ См. сноску на стр. 191.

деньги; уважаемый джентльмен не имел права основывать свой расчет на сумме этих ссуд, он должен был основывать его на разнице между ссудами и платежами. Из изложения вопроса, сделанного уважаемым джентльменом, можно сделать вывод, что все ссуды правительству сделаны были в обесцененных деньгах, а все платежи правительства держателям государственных бумаг — в деньгах по их монетной стоимости. Ничто так мало не соответствовало фактам, так как ведь и ссуды и платежи производились в одних и тех же деньгах, и поскольку суммы были равны, они были одинаково убыточны для обеих сторон.

Сделав еще ряд различных возражений против содержания того же памфлета, г-н Рикардо перешел к защите развитых им перед комитетом взглядов, на которые нападал в другом памфлете¹ уважаемый представитель от Коллингтона (Эттвуд). В заключение г-н Рикардо возражает против рассматриваемого предложения Уэстерна: слишком поздно производить теперь какие-либо изменения в системе денежного обращения. Трудности, сопровождавшие проведение в жизнь мероприятия 1819 г., теперь преодолены. Народ примирился с ним. Земледелие, по его мнению, скоро будет находиться в таком же цветущем состоянии, как и другие отрасли хозяйства страны. Если же этого не будет, то только благодаря зловредным хлебным законам, которые всегда будут препятствием на пути к процветанию земледелия. Он мог бы почти желать, чтобы предложение о назначении комитета было принято в порядке наказания уважаемого джентльмена. Последний, конечно, был бы председателем и сильно устал бы от своих обязанностей, пока не «примирил» бы все интересы, затрагиваемые новым модусом, который он предлагает. Г-н Рикардо не может представить себе, как уважаемый джентльмен справился бы с этой задачей, но может сказать, что непосредственные последствия создания такого комитета были бы весьма вредными и привели бы к возобновлению всех неудобств, которые прежде создавались неустойчивостью и изменчивостью стоимости денег².

¹ «A Letter to Lord Archibald Hamilton, on the Alterations in the Value of Money». («Письмо к лорду Гамильтону об изменении стоимости денег»), 1823.

² Предложение Уэстерна после очень продолжительных прений (11 и 12 июня 1823 г.) было отвергнуто подавляющим большинством голосов. Во время прений на Рикардо было сделано большое количество нападок

Билль об отмене законов против ростовщичества ¹

Г-н Рикардо говорит, что деньги должны быть поставлены в такое же положение, как и всякий другой товар. Кредитор и должник должны иметь право вступать друг с другом в сделку так же свободно, как продавец и покупатель, когда дело идет о продаже товаров. Уважаемый член палаты, выступавший до него (Давенпорт) опасается, что эта мера отдаст должника целиком во власть кредитора. Но разве существующие законы меняют его положение? Конечно, нет. Были найдены различные пути, чтобы обойти закон, ибо хотя закон говорит: «Вы не должны брать больше известного процента за ваши деньги», он не может принудить человека отдавать свои деньги займы по такой именно норме, и поэтому как тот, кто желает во что бы то ни стало получить ссуду, так и тот, кто желает отдавать свои деньги займы по наиболее высокой норме, какую он только может получить, — оба вступают в заговор, чтобы обойти закон. Эти законы точно так же действительны, как законы против вывоза монеты нашего королевства. А разве, несмотря на эти законы, вывоз монеты не имеет места? Единственным следствием законов была в данном случае передача этого дела в руки таких людей, которые без всякого зазрения совести готовы дать ложную присягу. Их поощряют обходить закон и получать таким путем большую прибыль.

Свободное обсуждение религиозных мнений ²

Г-н Рикардо говорит, что слушал с удовольствием большую часть речи своего только что выступавшего уважаемого друга (Уилберфорса), а остальную, конечно, с немалым огорчением. Большая часть этой речи поддерживает мнение, которое он разделяет со своим уважаемым другом, внесшим предложение, а именно, что никто не имеет права диктовать свои мнения по абстрактным вопросам другому под угрозой наказания за отказ принять их. Его уважаемый друг признал дальше, что пока дис-

¹ Заседание 17 июня 1823 г. Предложение Онслоу об отмене законов против ростовщичества.

² Заседание 1 июля 1823 г. Прения по поводу «петиции христиан» против преследования неверующих. Петиция была составлена священником Асплендом и подписана 2047 «верующими». В парламент она была представлена Джозефом Юмом, который внес предложение об уничтожении всяких уголовных наказаний за выражение мнений по вопросам религии. Рикардо выступал в прениях два раза.

куссия по таким вопросам ведется благопристойно, она не может быть воспрещена силой закона. Он, однако, жалеет, что когда его уважаемый друг счел нужным цитировать мнения д-ра Пэли, то передал их недостаточно подробно, ибо в сочинениях этого выдающегося человека можно было найти более широкий и либеральный дух терпимости, чем это практически допускает его уважаемый друг в других частях своей речи.

(Уилберфорс.— Д-р Пэли определенно высказывается против трактовки таких вопросов с легкомыслием и непристойностью.)

Рикардо. Это, конечно, было единственным исключением, допускаемым д-ром Пэли; так же, как и другие главные светила церкви, например, д-р Тиллотсон и д-р Портеус, он защищал право свободного мнения в самом широком смысле слова. Если бы правильность таких мнений была признана, то кто мог бы одобрить практику нашего законодательства в этих делах? Кто мог бы защищать эти политически неправильные и несправедливые преследования? Что представляет собою преследование Карлайла за переиздание «Века разума»? ¹ Это было не сочинение, написанное в легкомысленном и непристойном стиле, а серьезной аргументацией по поводу истин христианской религии. Вспомните также возбужденное против того же человека судебное преследование за издание пародий Гона ², которое длилось 18 недель и было прекращено лишь после того, как Гон сам добился оправдания. Но, говорит его уважаемый друг (Уилберфорс) в оправдание этих преследований, бывают такие проступки, которые не затрагивают непосредственно частных интересов, хотя и приносят ущерб обществу; они могли бы остаться безнаказанными, если бы не существовало общественных организаций, следящих за делами такого рода; для иллюстрации своей мысли он указал на непристойные издания. Но можно ли действительно сравнивать такие писания с книгами, посвященными умозрительным вопросам религии? Ведь о них только и идет речь в внесенном предложении. Мы все согласны, что издание непристойных произведений должно караться. А почему? Да потому, что они явно губительны с точки зрения нравственных интересов общества и издание их является безусловно отвратительным проступком. Другое дело, однако, абстрактные религиозные вопросы, по отношению к которым нельзя добиться всеобщего согласия. Ни один человек не имеет права сказать другому: «Мое мнение о религии правильно, а ваше не только неправильно, раз вы не согласны со мною, но я вправе наказать вас за это несогласие». Такое высокомерное самомнение невыно-

¹ Книга Томаса Пэйна, переизданная Карлайлом в 1818 г.

² Пародии Вильямса Гона на церковный катехизис, десять заповедей, литанию и т. п., изданные в 1817 г.

симо и представляет оскорбление для благотельного влияния религии. Можно говорить о легкомыслии и непристойности, но нет ничего более нетерпимого, чем заявление, которое только что привел г-н Рикардо; последнее является на деле как бы властью, присвоенной себе защитниками преследований, направленных против мнений, относящихся лишь к вопросам веры. А какой нелепый и безнравственный прием предусматривает закон, чтобы решить, достойна ли доверия вера человека и могут ли его показания считаться действительными. Ему задают вопрос: «Верите ли вы в загробную жизнь?» Если он совестливый человек, серьезно относящийся к этому вопросу, он должен ответить отрицательно, и закон скажет, что его показания не могут быть заслушаны; но, если он безнравственный человек и не считается с истиной, он скажет: «Я верю в загробную жизнь», хотя по совести и не верит в нее; в этом случае его свидетельство допускается: лицемерие и двуличие обеспечивают ему доверие. Закон имел бы еще некоторый смысл, если бы он отказался искушать лицемерие индивида или его страх перед враждебностью людей и их предрассудками и устанавливал на основании показаний других людей, прежде знавших данного индивида, может ли последний быть допущен как свидетель или нет. В той же форме, в которой этот закон существует теперь, он нелеп и смешон. Когда его (Рикардо) обвинили на этом основании в желании разделаться со святостью присяги, его ответ гласил: «Я не желаю уменьшать святости принятого обязательства, но я хочу устранить лицемерие, при помощи которого присяга может быть обойдена». И опять-таки: возможно ли для человека не верить в загробную жизнь и все же быть строго нравственным и проникнутым сознанием необходимости полностью соблюдать свои обязанности по отношению к обществу? Что касается его самого, то он твердо верит, что человек может честно выполнять все общественные обязанности и соблюдать основные обязательства перед обществом, в котором он живет, и все же не верить в загробную жизнь. Он вполне признает, что религия представляет могущественное обязательство, но отрицает, что она является единственным обязательством. Религия на деле является обязательством, которое прибавляется к общей силе нравственных чувств, — было бы пасквилем на человеческую природу говорить иначе. Тиллотсон придерживался этого мнения, как показывает следующая цитата из его сочинений: «Что касается большинства тех ограничений, которые налагает на нас христианство, то они столь полезны нам как в частной, так и в общественной жизни, что, даже оставляя в стороне все доводы религии и ожидание награды и наказаний в иной жизни, они являются для нас подлинным благом; если бы бог не наложил их на нас, то мы должны были бы, следуя велениям разума, наложить их

на себя ради нашего земного блага. Если бы не было религии, то, конечно, люди не имели бы таких сильных и принудительных стимулов к выполнению этих обязательств. И все же я утверждаю, что если бы религии не было, было бы хорошо, чтобы люди во имя земных целей, ради здоровья и спокойствия, репутации и самосохранения, одним словом ради частного и общественного благосостояния людей были умеренны и целомудренны, справедливы и дружелюбны, милосердны, добры и внимательны друг к другу; это лучше, чем обратное. Таким образом, религия не создает этих ограничений произвольно, но требует от нас таких вещей, которые наш разум и расчет на выгоду, а также необходимость и приличия внушали бы нам в большинстве случаев без всяких мыслей о религии». Г-н Рикардо зачитал это место с целью показать, опираясь на большой авторитет церковного деятеля, что религиозное обязательство не рассматривается, как исключительный критерий моральной истины, и что человек может быть большим скептиком в вопросах доктрины и все же вполне положительным с точки зрения своих нравственных впечатлений, отличных от религиозного исповедания. Вот, например, г-н Оуэн из Ланарка: он оказал великие благодеяния обществу, но, судя по некоторым его взглядам, не верит в загробную жизнь. Кто станет утверждать, видя разительное доказательство противного, что г-н Оуэн менее способен быть нравственным человеком только потому, что он неверующий в вопросах религии? Неужели человек, претендующий на честность и прямоту, может сказать, что у г-на Оуэна, посвятившего всю свою жизнь заботам о других, была бы более чистая душа и искреннее сердце или что он сильнее сознавал бы необходимость нравственных ограничений и нравственного контроля, если бы был больше проникнут предписаниями религиозных заповедей? Почему же такой человек должен быть исключен из числа лиц, достойных доверия закона (а ведь по закону это именно так); почему при открытом провозглашении своих взглядов он был бы вынужден провести свои дни замурованным в тюрьме? Что касается исключений, предусматриваемых, по мнению его уважаемого друга (Уилберфорса), при обсуждении этих вопросов с легкомыслием и непристойностью, то г-н Рикардо должен признать, что, по его мнению, это очень странные исключения, ибо ведь на деле смысл их сводится к заявлению: «Вы можете обсуждать, если вам угодно, самым торжественным и самым серьезным образом любой вопрос религии; но как только вы начинаете обсуждать его легкомысленно, или непристойно, т. е. таким образом, что вы наверное оскорбите здравый смысл человечества и поэтому лишите себя всякой возможности приобрести каких-либо серьезных прозелитов, закон принимает к сведению ваше поведение и превра-

щает вашу глупость в уголовное преступление». Разве это не есть явная непоследовательность? Закон позволяет большее зло — серьезное право дискуссии по существу и в то же время денонсирует меньшее зло, которое он должен был бы терпеть, раз уж допущено первое. И все-таки его уважаемый друг оправдывает и поддерживает своей аргументацией такой странный образ действий. В петиции имеется одно весьма убедительное место, на которое г-н Рикардо обращает внимание своего уважаемого друга. Оно гласит: «Тот, кто издевается над христианством, кажется авторам петиции наименее страшным среди его врагов, потому что его издевательства в редких случаях не возбуждают против него общественного мнения, а ничего больше и не нужно, чтобы он потерпел поражение. Нельзя установить что-либо среднее между свободой дискуссии и безусловным преследованием». Когда этот предмет в последний раз обсуждался в палате, г-н Рикардо, если память ему не изменяет, слышал оригинальные взгляды, излагавшиеся джентльменами, стоявшими на точке зрения, отличной от его собственной. Он как будто слышал признание, что религия, которая должна быть установлена в государстве, это не та, которую признает большинство, а та, принципы которой правильны. Он слышал такого рода замечание, высказанное весьма уважаемыми людьми ¹. Трудно спорить с группой, придерживающейся такого взгляда, ибо где критерий, которым может быть проверен такой аргумент? В полемике нет, как в астрономии, безошибочного критерия, который пользовался бы общим доверием человечества. Это не восходящее солнце или какое-либо другое явление природы, которые совершаются в силу нерушимых и неоспоримых законов; напротив, мы имеем тут дело с проблемой, открытой для борющихся друг с другом мнений. Кто же будет решать вопрос об истине, кто уполномочен сказать: «Мое мнение правильно, ваше мнение ошибочно». Если же это ни для кого невозможно, то где же найти правильный критерий? Как найти, например, в такой стране, как Ирландия, критерий правильности при установлении государственной религии вопреки мнению большинства народа? Как можно обеспечить на такой основе устойчивость протестантской религии в Ирландии? А если бы такая была обеспечена там только потому, что меньшинство считает эту религию истинной, то же основание и то же понятие о долге оправдали бы распространение этого принципа и на Индию; почему не отменить там магометанство, с тем чтобы установить учение реформации? Вот в какие дебри забрался джентльмен, который увлекся своими фантастическими идеями.

¹ Речь Бэнкса по поводу католической религии на заседании 30 июня 1823 г.

Г-н Рикардо просит понять, что он разбирал этот вопрос от начала до конца, как друг свободной дискуссии. Он понимает, насколько деликатен этот предмет, и хотел бы, чтобы ему не приписывали взглядов, вредных для большей части человечества. Он повторяет, что борется только за всеобщее право самостоятельного мнения и за неограниченную свободу дискуссии, и надеется, что ему не припишут, как это сделали в прошлом заседании по отношению к его уважаемому другу (Юму)¹, взглядов, которых он не разделяет и которые для него совершенно излишне поддерживать, чтобы укрепить аргументы, вытекающие из самого предмета обсуждения и одобряемые его разумом.

Г-н Рикардо говорит², что он отнюдь не способен исказить чье бы то ни было мнение. Он познакомился со взглядами Оуэна из опубликованных им сочинений. Прочитав речи, произнесенные Оуэном в Ирландии и в других местах, он пришел к заключению, что Оуэн не верит в загробную жизнь, где будут присуждаться награды и наказания. Одной из доктрин Оуэна является положение, что человек не может сам формировать свой характер; что, наоборот, характер человека формируется условиями, которые окружают его; так, если человек совершает поступок, который общество называет пороком, то этот поступок следует рассматривать, только как его беду, и что поэтому никакой человек не может быть надлежащим объектом для наказания. Эта доктрина тесно переплетена со всей системой Оуэна, и тот, кто придерживается ее, не может приписывать всемогущему существу желание наказывать тех, кто с этой точки зрения не может считаться ответственным за свои действия.

Предложение Юма, поддержанное Рикардо, было отвергнуто.

¹ Во время прений о допущении католической религии Юм назвал методистов «протестантскими иезуитами». Депутат Бэтервортс сказал в ответ, что он очень польщен осуждением со стороны человека, «который зацвистал в этой палате принципы Карлайла».

² Сейчас же после Рикардо выступил Твисс, резко критиковавший эту попытку, как он выразился, провести принцип свободы торговли в производство и сбыт богохульных памфлетов. Другой член палаты — Мони выразил сомнение, действительно ли Оуэн не верит в загробную жизнь и просил Рикардо указать, в каких произведениях Оуэна он нашел выражение таких взглядов. В сохранившемся дневнике Мони последний утверждает, что сам Оуэн, присутствовавший на заседании, якобы просил его выступить с таким заявлением.

ЗАМЕЧАНИЯ
ПО ПОВОДУ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ
РЕФОРМЫ

Замечания по поводу парламентской реформы ¹

Монарх или какой-нибудь другой правитель не желает никакого другого контроля над своими действиями, кроме своей собственной воли, и если бы мог, царствовал бы деспотически, не контролируемый никакой другой властью. В каждой стране во всем мире всегда существует какой-нибудь контроль, более или менее сильный, над волей суверена, даже в таких правительствах, которые считаются самыми деспотическими.

В Турции и Алжире народ или армия поднимают восстание и часто свергают или душат одного тирана и возвышают на его место другого, которого сдерживают в дальнейшем опасения перед насилием такого же рода.

Единственная разница в этом отношении между правительствами стран, называемых свободными, и стран, называемых деспотическими, заключается в организации этого контроля и в той легкости и действенности, с какими можно с помощью его влиять на волю суверена. В Англии власть монарха сдерживается страхом сопротивления; способность же организовать и развернуть сопротивление находится, как говорят, в руках аристократии и народа, действующих чрез посредство обеих палат парламента.

Несомненно верно, что монарх не рискнет долго сопротивляться мнению, решительно выраженному палатой общин, и можно, следовательно, сказать, что его сдерживают и контролируют те, от кого зависит состав палаты общин. Все крупные вопросы решаются в палате общин; палата лордов редко становится в оппозицию важным мерам, которым другая палата дала свою санкцию. Да такая оппозиция, если принять в соображение конституцию палаты, не необходима, потому что палата общин избирается не народом, а перами и богатой аристокра-

¹ Статья, посмертно напечатанная в газете «Scotsman» от 24 апреля 1824 г. по сохранившейся рукописи Рикардо и относящаяся к 1818—1819 гг.

тейей страны. Итак, действительная власть правительства на деле находится в руках богатой аристократии, подвергаясь, правда, нерегулярным воздействиям, которые я сейчас объясню. Каково же следствие этого? — Компромисс между аристократией и монархией; вся сила и все влияние, которые исходят от правительства, делятся между ними. В руках монарха право назначения на все посты, связанные с общественным доверием и приносящие доходы, — министерские, военные и морские, судебные; он имеет также право назначения на многие другие, привилегированные должности, как, например, посланников, начальников и подчиненных в государственных ведомствах и т. д. Несмотря на эту большую власть, его меры могут быть контролируемы палатой общин, и поэтому для правительства важно обеспечить себе большинство в этой палате.

Это может быть легко достигнуто путем предоставления части этих выгодных мест тем, за кого голосует большинство палаты общин; хорошо известно поэтому, что наиболее действительным способом получения доверенных и прибыльных мест от короны является обладание влиянием в парламенте; а так как аппетит к выгодным местам ненасытен, как среди министров и их сторонников, так и среди олигархии и ее сторонников, то места часто создаются для людей, а другие места часто сохраняются после того, как стали ненужными, для одной только выгоды этих протектируемых лиц. Если бы, таким образом, не было никакой другой инстанции, сдерживающей обе эти группы, то Англия не могла бы похвастать лучшим правительством, чем те, какие имеются в странах, где оно называется деспотическим. Но, к счастью, имеется другая, сдерживающая и довольно действительная сила; она принадлежит народу, и нельзя было бы эту силу вырвать у него без ожесточенной борьбы. Контроль над правительством от имени народа — это здравый смысл и осведомленность самого народа, осуществляющиеся через посредство свободной печати: она контролирует не только суверена и его министров, но также аристократию и палату общин, которая находится под влиянием последней. В этом великая гарантия наших свобод. Каждая сделка крупных должностных лиц государства в два дня разносится при помощи прессы по всему королевству, вплоть до его окраин. Если принимается или даже предлагается какая-нибудь мера, которая имеет тенденцию вредить обществу, сейчас же поднимается тревога. Этот способ контроля сводится, подобно другим, о которых мы говорили, к страху со стороны правительства и аристократии перед восстанием народа, могущим опрокинуть их власть; лишь этот страх один держит их в границах. Печать в руках просвещенного и хорошо осведомленного народа представляет могущественное орудие для предупреждения плохого управления, потому что

она может быстро организовать сильнейшую оппозицию против каждого покушения на права народа; при настоящем состоянии информации, быть может, не найдется ни одного министра, который был бы достаточно смел, чтобы попытаться лишить нас ее. Однако эта сила действует нерегулярно. Не всегда легко возбудить народ к активной оппозиции против менее важных мер, которые могут оказаться вредными для его интересов; недостаточно сильна эта оппозиция и в обычных условиях, чтобы добиться отмены законов, которые, хотя и вредны, но существуют уже давно. Поэтому оппозиция в известной степени игнорируется. Несмотря на громы печати, в парламент продолжают попадать люди, интересы которых часто находятся в противоречии с интересами народа. Государственные должности и выгодные места в правительстве раздаются не по заслугам; плохие законы продолжают порочить наше собрание законов, а хорошие законы отвергаются потому, что они могут помешать частным интересам; войны затеваются ради частных выгод, и нация стонет под тяжестью больших и ненужных расходов. Опыт показывает, что свобода печати недостаточна, чтобы исправлять или предупреждать такие злоупотребления, и что для этой цели может быть действительна только передача контроля в руки народа и осуществление его более регулярным образом путем превращения палаты общин в собрание действительных и подлинных представителей народа. Из всех классов общества только народ заинтересован в том, чтобы быть хорошо управляемым; в этом отношении не может быть спора или ошибки. Хорошее правительство может противоречить интересам аристократии или интересам монарха, так как может помешать им получать такие вознаграждения, выгоды или власть, какие они бы имели, если бы правительство не заботилось о счастье многих, а главным образом интересовалось бы счастьем немногих, но оно никогда не может вредить всеобщему счастью.

Если бы, таким образом, мы могли иметь палату общин, избранную народом, исключаящую всех тех, будь то высшие или низшие, кто имеет интересы, отдельные и отличные от общих интересов, у нас была бы контролирующая организация, единственной обязанностью и делом которой было бы добиваться хорошего правительства. Нельзя отрицать, что в бесчисленных случаях интересы аристократии и интересы народа будут одинаковы, и, следовательно, многие хорошие законы и постановления были бы приняты, если бы аристократия управляла без контроля. То же самое можно сказать о монархе, но во многих важных случаях интересы их будут противоположны, и тогда мы тщетно ожидали бы хороших законов и хорошего правительства. Тогда встанет вопрос о реформе палаты общин, о таком расширении избирательного права, которое охватит всех, о ком

нельзя сказать с уверенностью, что они имеют или могут иметь интересы, противоположные общим интересам; тогда такая реформа явится единственной мерой, которая может обеспечить свободу и хорошее правительство на прочном и постоянном фундаменте. Это до такой степени очевидно, что нужно удивляться, как можно возражать против такой меры, но надо отдать справедливость противникам этой меры: они не выдвигают против нее ни одного прямого аргумента; все их усилия направлены к тому, чтобы уклониться от этого.

Такая палата общин, как вы ее отстаиваете, говорят они, была бы благом, но как вы добьетесь ее? Разве страна не процветала, несмотря на упоминаемые вами несовершенства, и почему вы желаете исправлять то, хорошее качество чего уже доказано? Палата общин избирается не всем народом вообще, а людьми, которые получили хорошее и либеральное воспитание, характеры которых безупречны и которые в вопросе о том, что поведет к счастью народа могут быть лучшими судьями, чем сам народ. Расширяя избирательное право, вы открываете двери анархии, потому что масса народа заинтересована или думает, что заинтересована в разделе собственности поровну, и она будет выбирать только демагогов, которые будут подавать ей надежду, что такой раздел будет иметь место. На это можно ответить, что хотя страна процветала при такой палате общин, как наша, следует все же доказать, что такое устройство ее благоприятно для процветания страны, прежде чем такой аргумент может быть приведен в пользу продолжения ее существования. Недостаточно сказать, что мы преуспевали и что поэтому мы должны идти тем же путем. Вопрос, который следует поставить, заключается в следующем: не было ли в наших учреждениях чего-нибудь, что, несмотря на наши успехи, замедляло наш прогресс? Торговец может преуспевать, хотя его обманывал приказчик, но было бы нелепо убеждать его по-прежнему держать этого приказчика, потому что он преуспевал, когда тот был у него на службе. Пока какое-нибудь зло может быть устранено или какое-нибудь усовершенствование введено, мы не должны прислушиваться к несостоятельным увещаниям о том, что нам и прежде было хорошо. Такой аргумент — преграда для всякого прогресса в человеческих делах.

Почему мы стали пользоваться паровыми машинами? Можно было бы доказать, что наши мануфактуры процветали без них, и почему тогда не обходиться без них? Ничто не бывает достаточно хорошо, если в нашем распоряжении есть нечто лучшее; иное мнение — это заблуждение, которое может поддерживать только невежественный или недобросовестный человек и которое не может больше импонировать нам. Какое значение имеют безупречные характеры и хорошее воспитание тех, кто выбирает

членов палаты общин? Скажите мне, каковы их интересы, и я скажу вам, какие меры они будут рекомендовать.

Если бы приводимый аргумент был для чего-нибудь пригоден, то мы могли бы избавиться от всякого контроля, ограничений и оговорок по отношению к законам, по крайней мере поскольку они касаются части общества. Зачем ежегодно требовать от министров отчетов о государственных доходах и расходах? Разве они не добропорядочные и хорошо воспитанные люди?

Для чего нужна палата общин или палата лордов? Для того ли, чтобы ограничивать суверена? Почему вы не питаете полнейшего доверия к его добродетели и честности?

Зачем стеснять судей постановлениями и обременять их присяжными? Возможно ли, чтобы такие просвещенные и хорошие люди могли принимать несправедливые или недобросовестные решения? Чтобы люди оставались хорошими, вы должны по возможности удалить от них всякое искушение быть другими. Санкции религии, общественного мнения и закона — все основаны на этом принципе, и только то государство наиболее совершенно, в котором все эти санкции в совокупности содействуют тому, чтобы все люди были заинтересованы в добродетели, а это сводится к тому, что они должны употреблять все усилия, чтобы способствовать всеобщему счастью.

Последний пункт, подлежащий рассмотрению, это предполагаемое у народа стремление вмешиваться в права собственности. Для дела хорошего правительства право собственности должно быть священо; это кажется мне настолько существенным, что я согласился бы лишить избирательного права тех, относительно которых было бы доказано, что они считают в своих интересах нарушение этого права. Но в действительности такой взгляд может распространяться только среди наиболее нуждающихся слоев общества. Человек с маленьким доходом должен сознавать, как мала будет его доля, если бы все крупные состояния в королевстве были поровну разделены между народом. Он должен знать, что то небольшое, что он получит в результате такого раздела, не может быть адекватной компенсацией за низвержение принципа, который делает продукт его производства обеспеченным. Каков бы ни был его выигрыш, после того как было бы допущено такое низвержение, этот выигрыш был бы очень необеспеченным, а шансы приобрести в будущем новый выигрыш значительно уменьшились бы, так как количество мест работы в стране должно зависеть не только от размера капитала, но и от его выгодного распределения и, превыше всего, от убеждения каждого капиталиста, что ему будет дозволено спокойно пользоваться плодами своего капитала, умения и предприимчивости. Лишить его этого убеждения значило бы сразу уничтожить наполовину производительную

промышленность страны, а это было бы для бедного рабочего более фатально, чем для богатого капиталиста. Это настолько очевидно, что даже люди, только очень мало поднявшиеся над самым низким положением в стране, не могут не знать этого; можно сомневаться, будут ли многие даже из этих низших способствовать, если бы они могли, разделу собственности. Таково то пугало, с помощью которого злонамеренные люди всегда стараются объединить вокруг себя тех, кто боится потерять собственность; именно из действительного или надуманного страха проистекает это сильное нежелание вручить хотя бы малейшую долю власти народу. Но это возражение, поскольку оно выдвигается против реформы, нечестно, так как если бы было допущено, что при избрании представителей должны иметь голос те, кто питает священное уважение к правам собственности, то этим был бы признан принцип, на котором настаивают сторонники парламентской реформы. Они заявляют, что им нужно только хорошее правительство и как средство для этой цели они настаивают, что право выбирать членов парламента должно быть предоставлено тем, кто не может иметь интересов, противных хорошему правительству. Если бы возражение против реформы было честным, то возражающие должны были бы сказать, насколько глубоко в иерархии общества права собственности считаются священными; и тут они должны были бы остановиться. Этому классу и всем, кто выше его, должны были бы они сказать, можно справедливо и с выгодой предоставить власть, которую они хотели бы получить. Но если предположить наличие неправильных взглядов на интересы у всех тех, кто ниже этого класса, то предоставление им аналогичной власти оказалось бы слишком рискованным — это не могло бы по крайней мере быть сделано до тех пор, пока мы не имели бы больше основания полагать, что по их мнению, интересы общества и их собственные интересы в этом важном вопросе тождественны.

Эта уступка удовлетворила бы разумную часть общества. Всеобщее избирательное право не как цель, а как средство добиться хорошего правительства — вот чего требуют сторонники реформы. Дайте им хорошее правительство или пусть они убедятся, что вы действительно серьезно собираетесь дать им его, и они будут удовлетворены, хотя бы вы не подвигались вперед такими быстрыми шагами, какие они считали бы наиболее выгодными. Лично я склоняюсь в пользу осторожности, и поэтому сожалею, что так много сказано на тему о всеобщем избирательном праве. Я убежден, что расширение избирательного права, даже далекое от всеобщего, в существенной мере обеспечило бы народу хорошее правительство, которого он желает, и я поэтому отвергаю требование всеобщности избирательного права. В то же время я уверен, что результаты проведения

меры, которая удовлетворила бы меня, имели бы такое благотворное влияние на общественное мнение, были бы средством столь быстрого распространения знаний и просвещения в обществе, что через очень короткое время после того, как эта первая реформа была бы проведена, мы могли бы совершенно безопасно распространить право избрания членов парламента на все классы народа.

Но нельзя терпеть, чтобы палата общин отказывалась от какой бы то ни было реформы, могущей устранить злоупотребления только потому, что она не расположена пойти так далеко, как этого от нее, быть может, неосторжно требуют; нельзя терпеть, чтобы вопреки очевидным фактам иные утверждали, что палата общин, как она теперь конституирована, может скорее дать народу преимущества хорошего правительства, и что бы они продолжали утверждать будто важнейшие интересы народа принимаются во внимание, если доказано, что они не только не принимаются во внимание, но и не могут приниматься во всех случаях, когда они противоположны интересам тех, кому принадлежит вся полнота власти, а именно короля и олигархии, которая подкуплена, чтобы поддерживать его правительство.

РЕЧЬ
В ЗАЩИТУ
ТАЙНОГО
ГОЛОСОВАНИЯ

Речь в защиту тайного голосования ¹

Сэр! Общий вопрос о реформе представительства в этой палате дискутировался весьма подробно и очень хорошо излагался многими уважаемыми джентльменами, выступавшими раньше меня; я не буду поэтому задерживать внимание палаты изложением своих замечаний о реформе, но ограничусь рассмотрением той части вопроса, на которой здесь мало останавливались, но которая, по моему мнению, имеет такое большое значение, что без нее невозможна никакая существенная реформа: я имею в виду, сэр, изменение существующего способа открытого голосования при выборах членов парламента и замену его тайным голосованием или баллотированием.

Чтобы оценить выгоды, которые принесет с собой предлагаемое изменение, я считаю уместным по возможности кратко указать палате на неудобства, связанные с существующим способом избрания; тогда, представляя себе ясно природу этого зла, палата сможет лучше судить, насколько действительно предлагаемое средство. Некоторые, правда, могут считать напрасной и бесполезной тратой времени палаты попытку перечислить все недостатки существующей системы; ведь вполне справедливо можно спросить: кто из нас не знаком с картиной подкупа, драк, пьянства и безобразий всякого рода, которые имеют место каждый раз при общих выборах? Эти отвратительные факты, к несчастью, слишком хорошо известны, и все же может быть не бесполезно обратить на них внимание палаты.

Сцены, которые происходят в такие периоды, могли бы считаться позорными и для варварского народа. Кажется, будто царство закона прекратилось, и провозглашена безнаказанность за всякого рода насилия. Грубая и озверелая чернь, подонки нашего населения окружают платформы и забрасывают всяко-

¹ Статья, посмертно напечатанная в газете «Scotsman» от 17 июля 1824 г. по сохранившейся рукописи Рикардо. Рукопись относится к 1818—1819 гг. и была, следовательно, написана до избрания Рикардо в парламент, хотя и составлена в форме парламентского выступления. См. кембриджское издание, т. V, стр. 504—512.

го рода оскорблениями и бранью кандидата, который не пользуется их благорасположением. В него бросают грязью, мусором и часто камнями, на его личность совершаются самые низкие нападения, и друзьям его часто бывает очень трудно защитить его от последствий этой дикой и зверской враждебности.

Но не только кандидат становится, таким образом, жертвой бешенства черни. Всякого избирателя приветствуют или осмивают, осыпают ласками или бешеными нападками, смотря по тому, голосует ли он за или против фаворита толпы. Праздные и пренебрегающие трудом элементы всегда тянутся за выборами, а затем предаются буйству и пьянству; в течение известного времени страна страдает от всех бедствий анархии. Я знаю, что эти насилия почти во всех случаях совершаются подонками толпы, что их следует ставить в вину не самим избирателям, а скопищу праздных и беспорядочных людей, которые имеются в каждом большом городе, но зло остается тем не менее весьма серьезным и повелительно требует от нас принять меры против него.

Но все это составляет только одну часть и поистине очень небольшую часть того зла, которое связано с существующим способом выборов. Но если бы при всем этом мы даже такой ценой получали парламент, свободно выбранный народом, у нас было бы хоть некоторое утешение; хотя и тогда нашей обязанностью было бы стараться сохранить все хорошее и устранить все плохое в этой системе. Но нам не дано и этого утешения, и впридачу к тому злу, о котором я уже упоминал, есть еще гораздо большее и требующее устранения зло, которое происходит от воздействия, оказываемого на избирателей при выборах. Для чего нужно с точностью определять, как низко в иерархии общественных слоев должно начинаться право избрания членов парламента, если вы не принимаете никаких мер, чтобы обеспечить избирателям осуществление права, которое вы предлагаете предоставить им? Ведь это самое жестокое издевательство сказать человеку, что он может голосовать за А или за Б, когда вы знаете, что он находится в такой зависимости от А или от друзей А, что подача им голоса за Б будет сопровождаться для него разорением. Нельзя сказать по справедливости, что он имеет право голоса, пока не имеет возможности свободно пользоваться им без ущерба для своего имущества. Так ли обстоит дело в настоящее время? Разве не будет обманом сказать, что каждый фригольдер, платящий 40 шилл. в год, может подать свой голос за члена парламента, когда в большинстве случаев он не может голосовать, как ему угодно, без угрозы немедленного разорения? На самом деле не он имеет право голоса, а его землевладелец, так как при настоящей системе это право осуществляется в пользу и в интересах последнего. Какую пользу

может принести предложенная реформа — расширение избирательного права на всех домохозяев или, как другие рекомендуют, на всех мужчин, достигших 21 года, — если возросшее число избирателей будет и впредь, как в настоящее время, оставаться в полной зависимости от тех же людей или от других, но имеющих такие же взгляды и интересы, как взгляды и интересы тех, кто играет столь большую роль в повторном избрании членов парламента? Чем больше будет расширено избирательное право, тем большее влияние на выборы будут иметь цэры и богатая аристократия страны и, следовательно, тем более неизбежно мы будем иметь парламент, который будет их представителем и защитником их частных интересов, а не интересов большой массы народа. Говорят, что во многих населенных городах домохозяева имеют право выбирать представителей от своего города; но разве не многочисленны такие случаи, когда они не осмеливаются открыто осуществлять свое право? Можно ли ждать, что они будут сами навлекать на себя мщение, которое погубит их независимо от того, будет ли оно исходить от их лучших клиентов — богатых потребителей, если они лавочники, от чиновников, если они трактирщики, от хозяев, если они служащие и находятся в подчиненном положении, или от какой-либо другой группы людей, которые могли бы иметь влияние на их имущественное положение? Расширение избирательного права создает добавочную гарантию против подкупа, потому что, чем больше число избирателей, тем труднее будет собрать фонды с целью непосредственного влияния на голосование при помощи подкупа. Не следует, однако, забывать, что подкуп есть только один из способов и отнюдь не наиболее действенный, с помощью которого можно повлиять на голосующих.

Прозорливость г-на Бентама не преминула открыть, что великим орудием влияния на людей и коррупции является террор. Голоса обеспечиваются страхом потери гораздо более действительно, чем надеждой на выигрыш. Те люди, характер которых служит гарантией против предложения взяток и которые считали бы себя опозоренными практикой, осуждаемой со всех сторон, не гнушаются прибегать к убедительному орудию страха. Это орудие действует молча — нет необходимости указывать голосующему на опасность, которая грозит ему, если он не убогачит своего землевладельца или патрона; тут все понятно без объяснений, и никто из тех, кто слушает меня, не усомнится в могущественном действии этого орудия во всех случаях. Итак, хотя путем расширения избирательного права вы ослабляете развращающее действие подкупа, вы усиливаете то действие, которое вызывается паникой и страхом, так как чем более скромны средства голосующего, тем вернее он окажется под влиянием тех, кто имеет силу отнять их. К счастью, против

этого влияния можно найти гарантию, но если бы этого не было, то я считал бы улучшением повышение избирательного ценза и ограничение числа голосующих, так как шанс найти независимый дух в избирателях возрос бы, если бы ценз был повышен до 100 ф. ст. в год, а не оставался на том же уровне как теперь, или был установлен ниже 40 шилл. Таковы те бедствия, против которых мы должны принять меры, и палата легко поймет, что те из них, которые возникают от драк, пьянства и праздности, принадлежат к совершенно другой категории, чем те, которые являются последствием противозаконного воздействия, оказываемого прямо или косвенно на умы избирателей. Согласно этому представленный вам билль предлагает две различные меры. Чтобы устранить первое зло, предлагается собирать голоса по всей стране в один и тот же день, а вместо того, чтобы выборы происходили для всего графства и в одном и том же месте, предлагается собирать голоса в различных округах одновременно. Во избежание второго зла предлагается ввести вместо открытого тайное голосование или баллотирование.

Эти два предложения очень различны и их не следует смешивать, как это часто делается, так как одно может быть отвергнуто, а другое принято. Те, например, кто думает, что публичные и шумные сборища около избирательных пунктов сопровождаются выгодами, перевешивающими указанное зло, могут отвергнуть пункт, предлагающий собирать голоса по округам, но они тем не менее могут принять другой, который требует, чтобы голосование было тайным. Народ может собираться около избирательных пунктов, как теперь, он может слушать или не слушать речи кандидатов в зависимости от настроения; он может проявлять все обычные признаки своего сочувствия или неодобрения, и все же голосование может быть тайным; и, напротив, те, кто стоит за открытое голосование, могут одобрить собирание голосов по округам, хотя они и отвергают тайное голосование.

По самому лучшему суждению, какое я могу себе составить об этом предмете, мы должны принять оба эти пункта. Пункт, который касается времени и места голосования, даст нам достаточную гарантию против отвратительных сцен и буйных эксцессов, до сих пор сопровождавших выборы. Кандидат может сделать известными свои намерения через посредство прессы; тем же путем могут быть сделаны возражения против его принципов или против его прежнего поведения — печать открыта для всех, и кандидаты не будут больше подвергаться испытанию, которое является критерием не заслуг, а выносливости. Неужели только потому, что человек имеет честное намерение представлять население города в парламенте, он должен решиться выносить все оскорбления, которые могут быть брошены ему

в лицо самыми низкими отбросами черни? Говорят, что его намерения должны быть рассмотрены, что он должен без подготовки немедленно объяснить все, что было двусмысленно в его прежнем поведении, каких принципов он придерживается по главным вопросам, которые ему могут быть предложены, что он должен быть готов высказаться по поводу всяких других предметов, о которых его будут спрашивать. Это могло бы быть полезно, если бы он предстал перед беспристрастным трибуналом; но те, кто приводит такого рода возражение, обязаны показать, что кандидаты обеих сторон выслушиваются беспристрастно и что по отношению к ним соблюдается хотя бы подобие справедливости. Один из весьма веских аргументов, выдвигаемых в настоящее время в защиту системы гнилых местечек, состоит в том, что без таких местечек многие люди с заслугами не могли бы никогда попасть в парламент. А почему? Потому, что им мешает их скромность и джентльменские чувства, которые делают для них невозможным подвергаться несправедливости, наглости и оскорблениям низких слоев черни. Так вот, чтобы обеспечить за нами услуги этих людей, я требую, чтобы этот пункт был принят. Здесь говорили, что эти публичные собрания полезны тем, что дают тон общественному мнению и поднимают низшего члена общества в его собственном мнении, давая ему почувствовать, что он имеет свою долю в управлении страной. Но можно ли сказать, что он имеет эту долю, если он лишен избирательного права? Неужели он показывает свое значение тем, что оплевывает кандидата, бросает ему в лицо грязь и мусор? Это не может возвысить его в собственном мнении; если верно, что он должен иметь голос в управлении страной, дайте ему этот голос и позвольте ему осуществлять его законно на таких же условиях, как и первому избирателю страны, но не обманывайте нас или его, давая ему тень власти и называя это субстанцией таковой! Второй пункт билля, а именно тот, который вводит тайное голосование, дает, мне думается, полную гарантию против тех зол, источником которых является влияние сильных. Если голосование будет тайным, то давление, оказываемое теперь на голосующих, должно в значительной мере прекратиться, ибо для чего вы будете угрожать человеку, чтобы он голосовал так, как вам угодно, или как сможете вы его наказать за поданный им голос, если в силу закона вы абсолютно не в состоянии узнать, за какого кандидата он голосовал? Установите тайное голосование, и каждый избиратель явится с этого момента обладателем реального, а не мнимого права. Какая польза грозить трактирщику потерей лицензии, фермеру — лишением аренды, торговцу — потерей клиента, если вы никогда не сможете узнать, как он голосовал, раз он сам не сообщит вам это? Избирательное право может быть расширено, если это будет соче-

но целесообразным. Само это расширение будет гарантировать против прямого подкупа, ибо никакого состояния не хватит, чтобы подкупать нацию избирателей, и террор перестанет оказывать свое действие, когда все старания отметить свои жертвы станут тщетными. Один уважаемый джентльмен сказал, что если будет установлено тайное голосование, оно не будет мешать кандидатам и друзьям кандидатов стараться получить обещание голосовать определенным образом; далее он замечает, что если избиратели сдержат свое обещание, то тайное голосование не принесет никакой выгоды, так как избиратели будут голосовать так же, как они голосуют теперь, а если они не сдержат обещания, то будут виновны в безнравственном поступке, каковой придется поставить в упрек закону. Я должен ответить только на последнее предположение, ибо если избиратели дадут обещание и держат его, то здесь нет оснований против тайного голосования; оно может быть названо бесполезным, но нельзя доказать, что оно вредно. А что касается безнравственности нарушения обещаний, то вина будет лежать на тех, кто вымогает такие незаконные обещания. Обещать голосовать против совести — это преступление, но еще большее преступление сдержат свое обещание. Такого обещания отнюдь не необходимо, если только не предположить, что его не следует исполнить. Для чего нужно требовать от какого-нибудь человека обещание сделать то, к чему его побуждает его собственный интерес? Ведь его долгом является при подаче голоса действовать в согласии с собственным интересом. Может быть, целесообразно дать такому человеку наставление — просветить его на счет его действительных интересов, но здесь наши старания должны прекратиться, и мы становимся преступниками, если побуждаем его поступать противно велению его собственной совести; вместо того чтобы осуждать его за нарушение обещания, столь преступно вынужденного и данного, самая просвещенная мораль будет указывать ему и требовать от него, чтобы он нарушал такие обещания. Закон не рекомендует и не поощряет каких-либо преступлений или какого-либо безнравственного акта — он издается с целью исправить зло, которое представляет непреодолимое препятствие для хорошего правительства; он требует, чтобы каждый человек голосовал по совести, без всякого обмана или уловок; неужели следует отказаться от такого закона только потому, что враги хорошего правительства могут использовать для нарушения его то уважение, с которым люди должны относиться к своему обещанию? Если цель, которую мы имеем в виду, хороша, мы не должны отвлекаться в сторону от цели из-за какого-нибудь частичного зла, которое может быть связано с средствами, необходимыми для достижения ее. Всякое наказание является злом, но оправдыв-

вается хорошей целью, которую оно должно осуществить. С гораздо большим основанием можно было бы сказать об акцизных законах, что они не должны были бы быть изданы, потому что создают искушение для таких преступлений, которые не были бы совершены, если бы эти законы не существовали. А что должны мы сказать о законах против ростовщичества и против вывоза монеты? Цель этих законов плоха — они связывают только совестливых людей и широко раскрывают двери для совершения таких преступлений, как обман и клятвопреступление. Поскольку в нашем собрании законов есть такие законы, должны ли мы отказаться от создания закона, который имеет своей целью счастье народа, только потому, что было бы безнравственно (как утверждают) нарушать обещание, которое было вырвано с помощью противозаконных и безнравственных приемов? Но предположим, что нарушение таких обещаний безнравственно; долго ли может все же продолжаться такая практика? Будет ли кто-нибудь упорствовать в вымогательстве обещания, если убедится из опыта, что давшие обещание не считают себя связанными им? Никто не поддастся соблазну продолжать нарушать закон, испытывая при этом большие неудобства, как только он убедится, что зло не приносит никакой выгоды. Итак, безнравственная практика, кто бы ни был в ней повинен, скоро прекратилась бы, и закон был бы действителен даже и без такой примеси.

Один уважаемый джентльмен заметил, что он предрасположен в пользу открытого голосования, и не мог все же привести какого-либо довода в пользу такого предпочтения. Этому уважаемому джентльмену я мог бы ответить, что мое предрасположение отлично от его и что мой инстинкт столь же пригоден в качестве аргумента, сколь и инстинкт его ума. В действительности, один способ голосования может быть предпочтен другому лишь как средство к цели; сами по себе они одинаково безразличны.

В заключение, сэр, я скажу, что введение тайного голосования сделало бы эту палату тем, чем она должна быть, — действительной палатой представителей, избранных страной, а не палатой представителей от тех, чье положение позволяет им оказывать преобладающее влияние на волю избирателей. В настоящий момент я не рассматриваю вопроса о том, желательно ли расширить избирательное право, сохранить его в настоящем виде или ограничить более узкими пределами, так как при любом из этих предположений тайное голосование кажется мне одинаково полезным. Кто бы ни были избиратели, их представители должны представлять их и их интересы, а не тех, чьи интересы могут, во многих случаях, быть прямо противоположны их интересам.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СЕССИЯ 1819 г. (МАРТ—ДЕКАБРЬ)	
Возобновление Английским банком платежей наличными	23
Фонд погашения	24
Возобновление Английским банком платежей наличными	25
Продолжение прений по вопросу о возобновлении Английским банком платежей наличными	32
Казначейские билеты	33
Бюджет	—
Вторичное выступление в тот же день	35
Авансы Английского банка правительству	—
Прения по законопроекту об акцизных пошлинах	—
Вторичное выступление 18 июня. Ответ Литтлтоу	37
СЕССИЯ 1819—1820 гг.	
Билль о мерах против мятежных собраний	41
О плане Оуэна	42
Предложения, относящиеся к документации по делам Английского банка и казначейства	46
Петиция лондонских купцов и промышленников в связи с переживаемыми торговлей трудностями.	47
СЕССИЯ 1820 г. (МАЙ — ИЮЛЬ)	
Петиция лондонских купцов об отмене ограничений торговли . .	53
Бедственное состояние земледелия	55
Бедственное состояние земледелия	56
Бедственное состояние земледелия	57
Новый заем	62
Отчеты Английского банка	65
Бюджет	66
Комитет по снабжению	68
Положение ткачей	69
СЕССИЯ 1821 г. (ФЕВРАЛЬ — ИЮНЬ)	
Петиция промышленников и купцов Бирмингама	73

Средние цены на хлеб	77
Финансовое положение. Отмена налогов с домов и окон	—
Назначение комитета для исследования бедственного положения земледелия	78
Билль о возобновлении платежей наличными	82
Пошлины на лесоматериалы	86
Билль о возобновлении платежей наличными	88
Реформа парламента	91
Билль о помощи бедным	92
Бюджет	—
СЕССИЯ 1822 г. (ФЕВРАЛЬ — ИЮЛЬ)	
Бедственное положение страны	99
Бедственное состояние земледелия	101
Бедственное состояние земледелия	108
Бедственное состояние земледелия. Финансовые и иные меры помощи	112
Доклад о бедственном состоянии земледелия	115
Продолжение прений по докладу комитета о бедственном состоянии земледелия	123
Билль о колониальной торговле	129
Возобновление хартии Английского банка	131
О торговле ирландским маслом	—
Бюджет	132
Предложение Уэстерна, относящееся к изменившемуся положению денежного обращения	135
СЕССИЯ 1823 г. (ФЕВРАЛЬ — ИЮЛЬ)	
Внешняя торговля	149
Остатки денежных сумм на балансе Английского банка	150
Финансовое положение страны	—
Бедственное состояние земледелия	153
Хлебные законы	156
Предложения Мэберли об уменьшении налогов	158
Уменьшение национального долга	163
Билль об учениках на торговых судах	166
Билль об уменьшении национального долга	—
Билль об учениках на торговых судах	167
Петиция Мэри Энн Карлайл об освобождении из тюрьмы	168
Реформа парламента	170
Законы о шотландском полотне	175
О введении пошлины на сало	—
Спиталфильдские законы о шелковых мануфактурах	176
Ввоз сала	—
Билль о шелковых мануфактурах	177
О пошлинах на ост-индский и вест-индский сахар	178
Налог на солод и пиво	180

Заработная плата ткачей. Применение машин	181
Взаимность пошлин	182
Билль о шелковых мануфактурах	183
Третье чтение того же билля	—
Возобновление платежей наличными	184
Билль об отмене законов против ростовщичества.	194
Свободное обсуждение религиозных мнений	—
Замечания по поводу парламентской реформы	203
Речь в защиту тайного голосования	213

ДАВИД РИКАРДО
Сочинения, том IV

Редактор *О. Араб*
Оформление художника *Н. Симазина*
Технический редактор *Р. Моткина*
Корректоры: *Г. Ефимова* и *Е. Обросова*

Слано в набор 19 марта 1958 г. Подписано в печать 16 июня 1958 г.
Формат 60×92¹/₁₆, Бум. л. 7. Физ. печ. л. 14. Учетн. печ. л. 14. Учетно-
изд. л. 12,04. Гираж 20 тыс. экз. Цела 6 р. 30 к.

Издательство социально-экономической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Ждашова
Московского городского Совнархова. Москва, Ж-54, Вадовая, 28.
Заказ № 1607.